

КРЕМЛЕВСКИЕ ТЕЛО ХРАНИТЕЛИ

НИКОЛАЙ
ЗАХАРОВ

ОТ ГУЛАГА
ДО КРЕМЛЯ

КАК РАБОТАЛА
ОХРАНА НКВД-КГБ

Кремлевские телохранители

Николай Захаров

**От ГУЛАГа до Кремля. Как
работала охрана НКВД – КГБ**

«Алисторус»

2016

УДК 351.746.1(47+57)
ББК 67.401.212

Захаров Н. С.

От ГУЛАГа до Кремля. Как работала охрана НКВД – КГБ
/ Н. С. Захаров — «Алисторус», 2016 — (Кремлевские
телохранители)

ISBN 978-5-906880-78-9

Автор этой книги Николай Степанович Захаров – генерал-полковник, 1-й заместитель председателя КГБ СССР – с 1940 по 1970 год служил в органах госбезопасности, возглавлял 1-й отдел 9-го Управления КГБ (охрана высших руководителей партии и правительства). В своих воспоминаниях он рассказывает об охране Н. С. Хрущева, В. М. Молотова, Г. М. Маленкова, в том числе за границей; о встречах с Ч. Чаплиным, И. Тито, Дж. Неру, Жаклин Кеннеди. Отдельные главы посвящены «делу Берии», перезахоронению Сталина, в котором Н. С. Захаров принимал участие. В воспоминаниях генерала есть уникальные подробности о системе охраны сталинских лагерей, где он состоял на службе в свое время, об «урегулировании конфликтов при забастовках и бунтах в лагерях».

УДК 351.746.1(47+57)
ББК 67.401.212

ISBN 978-5-906880-78-9

© Захаров Н. С., 2016
© Алисторус, 2016

Содержание

Предисловие	6
На работу в НКВД	7
«Айзсарги»	12
Чувашские лагеря	18
ГУЛАГ	21
Кремлевская охрана	30
Берия	35
Хрущев	39
Молотов в Женеве	42
Встречи с Чарли Чаплином	52
Мороженое для Тито	56
Англия. Неприятный Черчилль	59
В Японии с Микояном	65
В Америке с Хрущевым	69
Ботинок Хрущева	83
Кеннеди	94
Вторые похороны Сталина	98
Хрущевская охота	101
Остров Даманский	103
Прощай, КГБ!	105

Николай Захаров
От ГУЛАГа до Кремля. Как
работала охрана НКВД-КГБ

© Захаров Н. С., правообладатели, 2017

© ООО «ТД Алгоритм», 2017

* * *

Предисловие

Захарову повезло дважды: во-первых, он прожил удивительно долгую жизнь. Родившись в начале прошлого века, в 1909 году, он умер, пережив всех своих сверстников, в апреле 2002-го, в возрасте 94 лет. Во-вторых, эти годы были наполнены эпохальными событиями в жизни не только Николая Степановича, но и всей России. Если к этому добавить, что он был не только свидетелем, но и активным участником многих событий, то становится понятен неподдельный читательский интерес к предлагаемому рассказу. И строит свое повествование Николай Степанович Захаров увлеченно и талантливо, не ограничиваясь перечислением общеизвестных фактов, а добавляя к ним новые подробности.

Интересен прежде всего сам жизненный путь этого удивительного человека. Его детство и юность пришлось на время, когда Россия меняла свой облик, когда рухнул царский строй и пришла пора строительства нового общества, когда на практике люди пытались осуществить лозунг (кто был никем, тот станет всем). Ученик сапожника, первый комсомолец в округе, организатор колхоза, секретарь сельского совета, кавалерист, секретарь комитета комсомола трамвайного управления Ленинграда, слушатель Высшей партшколы при ЦК ВКП [б], работа на Дальнем Востоке, в Хабаровске, на Сахалине, – это лишь начало биографии Николая Захарова, который еще не знал, что он будет вызван в Москву, что получит направление в отдел кадров НКВД, что вскоре грянет война с Германией, а его ведомство вместе с правительством переведут в Куйбышев. А потом ему придется служить и работать первым заместителем министра внутренних дел Латвийской ССР, быть министром МВД Чувашии, руководить органами внутренних дел Кемеровской области.

Примечательно, что нигде Николай Захаров не искал для себя теплого места – ни в Латвии, где два с половиной года не выпускал из рук автомата, ни в Кемеровской области, где выходил один в бунтующие лагеря заключенных и наводил порядок, ни позже, когда, готовя приезд советской делегации в той же Индонезии, летел на полуразвалившемся самолете под тропическим ливнем, ни в здании Организации объединенных наций, где руководил охраной главы советской делегации, ни во Франции, когда эмигранты пытались организовать очередную провокацию против визита делегации из Советского Союза, ни в Японии, где на советский автомобиль мчался с перекошенным лицом человек, задержанный полицией, ни на острове, Даманском, где первому заместителю Председателя КГБ СССР Николаю Степановичу довелось командовать нашими пограничниками...

Начальник 9-го управления, первый заместитель Председателя КГБ СССР Н. С. Захаров не мог просто так уйти на пенсию. Вот почему Дмитрий Федорович Устинов в личной беседе предложил ему поработать заместителем министра машиностроения СССР, где Захаров трудился многие годы. Ему повезло снова: он дожил до той поры, когда ушли долгие и недолгие руководители нашей страны, когда изменилась и стала другой наша великая Россия. Пройдут годы, десятилетия. Но сколько бы времени ни кануло в Лету, нам нельзя забывать о тех замечательных людях, крепких духом и телом, которые вынесли на своих плечах все, чтобы сохранить нашу прекрасную Родину, которая только одна и дает человеку счастье.

Уверен, что эту книгу с огромным интересом прочитают и ветераны, и молодые сотрудники спецслужб, и те, кто не знает об их работе, потому что яркие свидетельства современника о нашем недавнем прошлом помогут нам всем сегодня стать чуточку лучше.

Леонид Шебаршин, генерал-лейтенант, зам. Председателя КГБ СССР в 1989–1991 гг.

На работу в НКВД

...В феврале 1936 года я был избран членом Центрального райкома комсомола Ленинграда. Вскоре после этого со мной случилось небольшое «ЧП». В конце февраля как-то ко мне зашел секретарь парткома с незнакомым человеком. Этот незнакомец сразу перешел к делу и сказал, что есть предложение направить меня на учебу в двухгодичную школу НКВД. Он объявил мне условия, и я в принципе согласился, но сказал, что этот вопрос надо оговорить с райкомом. «Это мы берем на себя», – сказал чекист. С секретарем парткома мы условились, что дела я сдам заместителю Васильеву. Было обусловлено, что через два дня я должен явиться в школу на улицу Гороховая для сдачи экзаменов.

Учитывая заявление представителя НКВД, что вопрос о моем уходе он берет на себя, я не пошел в райком, а, сдав дела, к назначенному сроку явился в школу. В тот же день я сдал экзамен, прошел аттестационную комиссию и к вечеру уже был обмундирован в курсантскую чекистскую форму. В школе было общежитие, где я переночевал. На другой день меня вызвал начальник училища и заявил, что произошло недоразумение. Секретарь райкома ВЛКСМ категорически против моего ухода с комсомольской работы и пожаловался секретарю горкома партии Угарову, который дал указание вернуть меня на старое место.

На другой день я пришел к секретарю райкома комсомола Маринушкину, который обвинил меня чуть ли не в дезертирстве с комсомольской работы. Вообще разговор у нас состоялся нелицеприятный, но завершился он в мою пользу. Мне просто неудобно возвращаться в коллектив, с которым я распрощался. Тогда Маринушкин, поняв, что я не виноват в том, что произошло, заявил мне: «Нам нужен заместитель председателя райсовета Осоавиахима по работе среди молодежи Центрального района». Я согласился, но работать там мне практически не пришлось: произошло районирование Ленинграда и Центральный район стал Куйбышевским в других границах. Райком отозвал меня и по согласованию с обкомом комсомола решением бюро райкома я был назначен заместителем директора Дома коммунистического воспитания молодежи, именуемого «ДКВМ Старая и Молодая Гвардия», на Фонтанке 44. Это был по существу Дворец культуры комсомольского актива Ленинграда. Директором этого культурного центра был Клейн, который через несколько месяцев уехал в Москву в Высшую школу пропагандистов при ЦК ВКП (б). Я был назначен директором ДКВМ «Старая и Молодая Гвардия».

Хочу отметить, что недоразумение с поступлением в школу НКВД сослужило мне службу, которую можно назвать «нет худа без добра». Что получилось бы со мной, поступи я в органы в те страшные годы? Куда бы забросила меня судьба-злодейка?..

Второй раз меня рекомендовали на работу в органы НКВД уже в 1940 году. К этому времени я женился, и мы с моей женой Машей работали на Дальнем Востоке по комсомольской линии.

В январе 1940 года мы приехали из Хабаровска в Москву. Имея на руках разрешение Хабаровского обкома партии на выезд из края и характеристику, я на следующий день отправился в Управление кадров ЦК ВКП (б), где был принят заведующим отделом Поповым. Внимательно выслушав меня и ознакомившись с документами, он сделал предложение: пойти на работу в органы НКВД. На днях у него был заместитель начальника Главного Управления Рабоче-крестьянской милиции (ГУРКМ) Запевалин и просил помочь подобрать хорошего работника на руководящую должность.

Откровенно говоря, мне не очень хотелось идти на работу в органы милиции, так как профиль моей прошлой работы был гуманитарным, а тут вроде бы карательный.

Я сказал об этом Попову, который настоятельно советовал мне не отказываться от предложения, аргументируя тем, что кадровая работа – тоже партийная работа, но там и зарплата

повыше да и с жильем вопрос можно решить быстрее, чем где-либо. Я поблагодарил Попова за внимательное отношение к моим проблемам и ушел, довольный визитом.

20 января 1940 года я был принят в органы НКВД на должность заместителя начальника отделения отдела кадров ГУРКМ СССР. Отделение кадров занималось вопросами подбора номенклатурных работников органов милиции СССР: наркомов союзных и автономных республик, начальников управлений краев и областей и их заместителей. Это было основное комплекующее отделение. Номенклатура была огромная, а работников в отделении было меньше десяти человек. Я быстро вписался в коллектив и пользовался уважением и авторитетом. Работы было много. Секретарь часто целыми охапками приносила мне на просмотр и подпись личные дела на лиц, подлежащих утверждению в верхах. Наркомов республик назначал нарком НКВД, их заместителей – замнаркома. Начальник Главного управления милиции и его заместитель Запевалин только визировали заключения об утверждении.

Распорядок рабочего дня был, прямо скажу, дикий. Рабочий день начинался в десять утра. С 15 до 18 – перерыв на обед, его хватало только на то, чтобы приехать на квартиру пообедать и обратно. Работали до часу ночи, а иногда и до трех утра. Опоздание даже на пять минут считалось серьезнейшим проступком и наказывалось вплоть до увольнения. Работали на износ. Все с нетерпением ждали воскресенья с надеждой и мечтой – ВЫСПАТЬСЯ. Так я проработал тринадцать лет. Только с приходом к власти Н. С. Хрущева распорядок рабочего дня был изменен, и мы в органах стали работать как все нормальные люди.

Позже я узнал, что такой распорядок рабочего дня был приспособлен к режиму Сталина, который зачастую днем спал, а к вечеру собирал у себя на даче в Кунцево членов Политбюро, секретарей ЦК и других руководителей из ближайшего окружения. Там же ночью организовывались обеды, продолжавшиеся иногда до утра. Сталин ночами бодрствовал. Зная об этом, сидели в своих кабинетах наркомы и их замы, сидели и мы, рядовые работники, клевавшие носом, со слипающимися глазами, пока не раздавалась команда, разрешающая ехать домой. Кто как, кто на чем, а чаще пешком добирались мы домой, так как автотранспорт, метро и трамваи в эту ночную пору не ходили. Удивительно, как нам удавалось физически выносить такой губительный режим работы. Даже в наркомате обороны рабочий день был иным. Например, мой старший брат Василий, занимавший должность начальника отдела в Главсанупре наркомата обороны, всегда заканчивали работу не позднее семи часов вечера. Я ему завидовал.

В марте 1940 года я был назначен начальником отделения, а еще через полгода – заместителем начальника отдела кадров. Так быстро я продвинулся по восходящей линии, сам того не ожидая. В июне 1940 года мне было присвоено первое милицейское звание – лейтенант.

В должности заместителя начальника отдела кадров ГУРКМ СССР я работал непродолжительное время, так как в марте 1941 года этот отдел был упразднен и все его функции переданы в отдел кадров НКВД СССР. Я был назначен начальником отделения этого отдела.

Содержание моей работы по существу не изменилось, так как вся номенклатура руководящих работников милиции страны полностью осталась в моем отделении. Изменился лишь мой чин, мне было присвоено звание старший лейтенант государственной безопасности (две шпалы, но уже красного цвета). Изменилась и форма одежды: меня обмундировали в тогдашнюю форму чекиста.

...22 июня 1941 года ночью за мной пришла автомашина с приказом немедленно прибыть в наркомат. Приезжаю в отдел кадров, нас собирает зам. наркома Обручников и говорит, что на СССР напала Германия.

С этого времени мы не знали покоя ни днем, ни ночью. Когда немцы подошли к Смоленску, в наркомате начали активно сжигать лишние документы. Обгорелые бумаги, словно стаи грачей, витали над домами площади Дзержинского и на Лубянке.

Когда начались налеты немецкой авиации на Москву, дано было указание об эвакуации членов наших семей. Семьи сотрудников нашего отдела были эвакуированы в Куйбышев-

скую область в поселок Серноводск, где была грязелечебница. Через некоторое время Маша с сыном Львом переехала в г. Иваново, где директором небольшой текстильной фабрики работала ее старшая сестра Анна Васильевна Медведева. В период подступа немцев к Москве ко мне обратился за помощью бывший начальник милиции одного из районов Смоленской области, направлявшийся в тыл. Я попросил его заехать в г. Иваново, забрать жену и сына и сопроводить их в Пермь (тогда – город Молотов).

Одновременно я позвонил начальнику областного управления милиции Скрыпнику и просил его помочь Маше в устройстве с жильем и питанием. Скрыпник выполнил мою просьбу, устроив их в двухэтажном деревянном доме с печным отоплением, и прикрепил их к местному спецторгу для получения продовольствия. У Маши на руках был мой денежный аттестат, по которому она получала часть моей зарплаты. Несмотря на помощь, которую оказывал Скрыпник, моя семья, как и все в тот период, испытывала большую нужду, было холодно и голодно, особенно зимой 1941–1942 гг. Мне один раз удалось навестить их в Перми. Но я тоже не мог привезти что-то существенное, так как на казарменном положении питались мы в нашей столовой отвратительно, в результате чего я приобрел язву двенадцатиперстной кишки. Бывало, придешь после обеда в кабинет, наевшись котлет из немолотой пшеницы, завалишься на диван и крутишься от боли. Лекарств болеутоляющих не было, да и времени не было ходить по врачам. Осенью 1942 года я забрал семью в Куйбышев на постоянное место своей работы.

Все сотрудники наркомата в этот период находились на казарменном положении, никто не имел права отлучаться с работы. Я спал на диване, мои подчиненные – на раскладушках, а то и на полу. Иногда мы ходили в Центральные бани.

Октябрь 1941 года был критическим. В середине месяца после выступления по радио председателя Моссовета в Москве поднялась паника: жители, в том числе многие руководящие работники, потоком бежали из Москвы. Были факты, когда рабочие насильно возвращали директоров-дезертиров на работу. В городе появились группы мародеров, грабивших магазины. Но принятыми мерами грабеж был пресечен силами работников НКВД, милиции и военных Московского гарнизона.

Налеты на Москву немецких летчиков участились и, несмотря на хорошо организованную противовоздушную оборону города, отдельным летчикам удалось прорваться в центр. В одну из ночей фашисты сбросили несколько бомб в здание ЦК ВКП (б), в здание арсенала в Кремле, в дом КГБ в Кисельном переулке, а также на перекрестке ул. Кирова и Кривоколенного переулка, в нескольких метрах от моего кабинета на Малой Лубянке в доме № 5. Окна кабинета были закрыты тяжелыми шторами. Взрыв бомбы на ул. Кирова был настолько силен, что потряс все здание, а стекла в окнах моего кабинета разлетелись вдребезги. Не будь тяжелых штор, я бы получил ранение головы и лица, так как сидел рядом с окнами. Помню, секретарь, вошедшая с охапкой личных дел, как раз в этот момент упала в обморок. Потом мы привыкли к тревогам и налетам и, даже несмотря на приказ, не спускались в бомбоубежище, а ходили дежурить на крыши домов, чтобы оттуда сбрасывать фугасные бомбы...

В июле 1942 года я пришел с докладом к заместителю начальника отдела кадров НКВД СССР Свинелупову, который вместе с начальником комплектующего отделения Щепакимым обсуждали какую-то проблему.

– Чем это вы так озабочены? – спросил я.

– Нам дано указание срочно подобрать кадры для укрепления УНКВД Куйбышевской области. Туда переправляется весь дипломатический корпус и значительная часть правительства. Не исключено, что туда поедет товарищ Сталин. – Свинелупов вздохнул. – Начальника УНКВД туда уже нашли, это Блинов, зама по оперативной работе тоже подобрали, а вот заместителя по кадрам ищем. Давай помогай, ты многих кадровиков знаешь.

Перебрав кучу справок на известных нам работников, мы так и не остановились ни на одном.

– А может быть, мне поехать, если моя кандидатура подойдет на эту должность? – предложил я.

– Ты шутишь или всерьез?

– Да нет, не шучу. Если надо – поеду.

– Было бы здорово, если бы ты согласился, – кивнул Щепакин.

– Хорошо, – согласился Свинолулов, – в таком случае больше и искать не будем. Доложим заместителю наркома, и, если он согласится отпустить тебя, немедленно направим представление в ЦК ВКП (б).

Решение состоялось, и в июле 1942 года я уже принимал дела в УНКВД Куйбышевской области, которая в тот период была просто огромной – 64 района. В нее входила и нынешняя Ульяновская область. Почти одновременно с назначением на эту должность мне было присвоено очередное звание капитана (три шпалы).

Начальник УНКВД Блинов был опытным руководящим работником органов и пользовался в коллективе авторитетом. С ним легко было работать, так как он хорошо разбирался в деловых качествах кадров и в оценке их работы был объективен. Сам он работал много. Правда, у искушенного на руководящей работе разного рода привилегиями Блинова иногда проскальзывали барские замашки в личных запросах, на чем, кажется, он потом и погорел, будучи начальником главка в Центральном аппарате в Москве. У меня с Блиновым установились хорошие деловые отношения и взаимное доверие в работе, а это я считал главным.

К сожалению, в 1943 году его взяли в Центральный аппарат на должность начальника оперативного главка, а к нам прибыл бывший заместитель начальника УНКВД Московской области Петров. Он был прямой противоположностью Блинову, не обладал способностями и умением руководить коллективом, а вот чего у него было в избытке – так это посредственное знание дела и халатное отношение к работе. Зато он преуспевал в охоте и рыбалке, распитии спиртных напитков и ухаживаниях за женщинами. Предаваясь забавам и утехам, мог днями не появляться на работе. Несмотря на тяжелую обстановку в стране, нужду и страдания людей, Петров вел себя безответственно. Находились у него и дружки из числа подчиненных руководящих работников, угодливо поставлявших ему все необходимое для застолья, в том числе и «живой» товар. В коллективе это знали, и слухи о поведении Петрова пошли по всему аппарату.

Не выдержав такого поведения Петрова, я, как-то оставшись с ним вдвоем, откровенно высказал, что говорят нелестного о нем в коллективе. Петров вспылал, наговорил мне дерзостей, и я, хлопнув дверью, ушел, понимая, что после этого нам вместе не работать. В обкоме партии Петров также не пользовался авторитетом, так как там знали о его отношении к работе и поведению. Первый секретарь обкома партии В. Г. Жаворонков как-то в разговоре со мной очень нелестно отзывался о Петрове:

– У меня руки до него не доходят. Но я до него доберусь.

В семье Петров жил скверно, вечно ссорясь со своей женой. У них были дочь и сын. Моя жена неоднократно была свидетельницей этих ссор.

После бурной сцены с Петровым я написал заместителю наркома Обручникову письмо с просьбой перевести меня в какую-либо другую область или освобождающуюся от оккупации республику. Свою просьбу я аргументировал несработанностью с Петровым, не указывая на его отношение к работе и компрометирующее поведение, так как всю жизнь не любил сплетен и тем более доносов. Оказывается, я это очень правильно сделал, так как Обручников и Петров были близкими друзьями и даже в Москве имели совместную интимную компанию. Мне стало известно об этом значительно позже. Вот почему приехавший в Куйбышев начальником УКГБ Огольцов получил отказ о назначении меня заместителем в УКГБ. А он об этом возбуждал перед Обручниковым официальное ходатайство. Петров тогда меня не отдал.

В январе я был вызван в Москву, где Обручников, не ссылаясь на мое заявление, предложил мне должность заместителя комиссара НКВД Латвийской ССР, хотя республика еще не была освобождена от фашистов, но руководство НКВД уже формировалось и прикомандировывалось в качестве оперативной группы к штабу Прибалтийского фронта, которым командовал Баграмян.

Я сразу же дал согласие.

В 1944 году в органах ввели новые воинские звания, и я получил звание подполковника. Провожали меня в Куйбышеве с большим сожалением и, зная мои неприязненные отношения с Петровым, считали, что он меня «выжил», не пожелав иметь такого несговорчивого заместителя. Вскоре после моего отъезда Петрова все-таки сняли с работы.

«Айзсарги»

Прикомандированная к штабу Прибалтийского фронта, наша оперативная группа в составе наркома НКВД А. П. Эглита, первого заместителя А. П. Сиекса, Н. С. Захарова и ряда других руководящих работников с боями продвигалась к Риге. Вступление в Ригу проходило в боевой обстановке. На улицах города мы подвергались обстрелу из автоматов и пулеметов из жилых домов и учреждений, где оставались недобитые «смертники» из «айзсаргов». Эта профашистская организация была основной опорой гитлеровцев в Латвии. Структурно она была организована на военный лад: полки, батальоны, роты, взводы со строгой дисциплиной. Вооруженные немецкой техникой и боеприпасами, «айзсарги» ушли в леса, где укрывались в хорошо оборудованных бункерах.

Живучести и обеспечению бандитского подполья способствовала существующая в Латвии хуторская система. Каждый богатый хутор являлся базой их обитания и укрытия. В помощь по борьбе с политическим бандитизмом нам была придана 5-я дивизия внутренних дел НКВД СССР, которой командовал хорошо образованный генерал-майор Леонтьев. Но этого было явно недостаточно, поэтому при каждом уездном городе были созданы истребительные батальоны из солдат, признанных годными к нестроевой службе, и из латышей местного населения, перешедших на сторону СССР. Эти батальоны оказывали нам действенную помощь.

Особую трудность мы ощущали в комплектовании органов кадрами. Эту трудность одолевать пришлось мне, как заместителю министра по кадрам. Я с благодарностью вспоминаю маршала Баграмяна, который по моей просьбе направлял нестроевиков в наше распоряжение. Особенную нужду мы ощущали в оперативном составе, а Центр присылал нам очень мало людей и то не лучшего качества. Однако большая часть начальников городских и волостных подразделений была укомплектована или за счет русских, или обрусевших латышей.

Некоторое время спустя к нам приехал еще один заместитель – по хозяйственной части – Кизимов, татарин по национальности. Так что в руководстве наркомата только я был русский, что накладывало свой отпечаток на мою работу.

Обстановка в Латвии, как и во всей Прибалтике, долгое время была опасной и напряженной. Достаточно сказать, что я почти полгода ездил на «виллисе» с охраной и автоматом между ног. После освобождения от гитлеровцев «Курляндского мешка» у нас появились большие возможности вести борьбу с политическим бандитизмом. Я неоднократно выезжал в уезды для организации боевых операций. Прочесывая лесные массивы, через агентуру мы устанавливали бункера бандитов и проводили боевые операции по их захвату и ликвидации. Разъезжая по волостям с группой оперативных работников, я нередко попадал в засады, организованные бандитским подпольем. Это были очень рискованные моменты. Дважды я не надеялся остаться в живых. В Краславской волости Даугавпилского уезда в лесу была обнаружена банда, мы решили ее ликвидировать. Приехав в волость с начальником Даугавпилского отдела НКВД Титовым, остановились на ночлег в одном из хуторов. Это был наш едва ли не роковой просчет. Через своих связных банда узнала о нашем пребывании, ночью мы были окружены их крупным формированием. После длительной перестрелки мы с Титовым и с шофером спустились в цокольный этаж здания. Израсходовав почти все боеприпасы, мы оставили только по одной гранате и по одному патрону в пистолетах для себя, так как сдаваться в плен смысла не было. На неоднократные выкрики «Сдавайтесь!» мы молчали. И вдруг в самый критический момент мы услышали сильную стрельбу и крики. Бандиты бросились врассыпную. К нашему дому подъехал заместитель начальника горотдела НКВД с группой истребительного батальона на двух фугонах.

Оказывается, выручил нас латыш, хозяин соседнего хутора, который, услышав активную стрельбу у соседа, догадался, в чем дело и позвонил в горотдел, где заместитель начальника

сразу понял ситуацию и по тревоге поднял бойцов истребительного батальона. Хуторянина, подавшего сигнал о перестрелке, министр наградил именными часами.

Организация «айзсаргов» в борьбе против нас привлекала и женщин. В Цесисском уезде нам стало известно местонахождение банды в одном из лесных массивов, где у бандитов был хорошо оборудованный и заминированный на подходах бункер. Через агентуру мы знали также, что у них имеется постоянная связь, которую осуществляла известная любовница главаря банды. Наша задача была захватить эту связную при выходе ее из леса. Я направил для захвата небольшую оперативную группу во главе с заместителем начальника отдела по борьбе с бандитизмом Бедиком. Бедик, прибыв на место, рассредоточил группу по выходящим из лесу тропам, а сам остался с шофером в другом укромном месте. Случилось так, что связная вышла как раз на Бедика, который тут же ее и задержал, допустив роковую ошибку. Во-первых, он ее тщательно не обыскал, поступил как джентльмен, считая непорядочным прошупывать женщину. Во-вторых, посадил ее в кабине «виллиса», а сам сел рядом с водителем. Проезжая перелеском, эта бандитка воспользовалась ситуацией, выхватила спрятанный на груди пистолет и в упор выстрелила в затылок Бедик, убив его наповал. Водитель не растерялся, сразу дал право руля, и автомашина перевернулась в кювет. Бандитка не успела разрядить свой пистолет в водителя, он опередил ее двумя выстрелами в упор. Она прожила еще два дня, и мне пришлось с ней разговаривать. Молодая красивая девица с солидным бюстом, в котором свободно можно было спрятать не только пистолет, но и автомат. Несмотря на гуманность нашей с ней беседы и усилия врачей, связная никого не выдала. До сих пор не верится, что такое прекрасное создание природы могло стать бандитом.

Бедика мы похоронили с почетом. Это был старый опытный чекист, обрусевший латыш. На кладбище Яна Райниса я открывал митинг, поминая Бедика добрым словом. Выступать с надгробными речами в Прибалтике в то время мне приходилось неоднократно, потому что много наших ребят погибло в борьбе за установление Советской власти.

Материальное состояние жителей Латвии было несравнимо с нашим тылом, где люди бедствовали и голодали, отдавая фронту последние силы и крохи. В магазинах Риги было вдоволь промышленных и продовольственных товаров, особенно богаты были рижские продовольственные рынки.

Обеспеченность жителей Прибалтики товарами, обилием продовольствия объясняется тем, что гитлеровцы в период оккупации этих республик не подвергали грабежу и разрушению объекты торговли, не применяли к жителям той палаческой жестокости, которую они проводили на оккупированных территориях СССР. Гитлер понимал, что Прибалтика является для немцев трамплином против нас. Неслучайно поэтому значительная часть жителей Прибалтики сочувственно относилась к завоевательной политике фашистов, что осложняло работу правоохранительных органов против бандитского подполья. Необходимо отметить и такой факт: в системе торговли в Прибалтике наиболее крупные фирмы принадлежали немцам. Так что пронемецкая ориентация во всей Прибалтике была очень сильна.

Вскоре после Дня Победы я привез семью в Ригу, получив квартиру бежавшего за границу крупного бизнесмена на ул. Столбовая. Квартира была огромная: восемь комнат с двумя входами – парадным и черным, со двора. Такая квартира мне, конечно, была не нужна, но пришлось мириться с тем, что давали. Сын Лева по этой квартире на велосипеде спокойно разъезжал.

27 марта 1947 года у нас в Риге в этой квартире родилась дочь Наташа, названная в честь жены А. С. Пушкина. Сестра Маши Анна Васильевна вскоре приехала в Ригу и поступила работать директором текстильной фабрики, где работала до ухода на пенсию.

С руководством наркомата Латвии у меня сложились неплохие отношения. У министра Эглита и его первого заместителя Сиекса жены были очень общительны, и моя Маша быстро нашла с ними общий язык. Мы ходили в гости друг к другу и даже выбирали время в воскрес-

ные дни выезжать на природу, на пикники. В этот круг входил командир 5-й дивизии внутренних войск с женой, кстати, весьма культурной и образованной женщиной. Иногда разделял нашу компанию начальник республиканской милиции А. А. Кошелев.

Несмотря на это мне приходилось иногда становиться на защиту своих соотечественников. Националистический душок бывало проявлялся у министра, и мне приходилось втихую прибегать к помощи первого секретаря ЦК Латвии Я. Э. Калнберзина, который был настоящим интернационалистом и меня всегда поддерживал.

Летом 1946 года состоялся Пленум ЦК ВКП (б) Латвии, на котором стоял один вопрос: «О политическом положении в республике». Я был на этом пленуме по гостевому билету. Открывал пленум второй секретарь ЦК Латвии И. К. Лебедев. В президиуме сидели секретарь по идеологии А. Я. Пельше, представитель ЦК ВКП (б) Н. Н. Шаталин и от НКВД СССР Бабкин. Тогда во всех прибалтийских республиках были постоянные представители Центра.

Доклад делал Калнберзин. Подводя итоги года, прожитого после Победы над фашизмом, докладчик наряду с положительными результатами в работе партийных и советских органов подверг критике ряд серьезных недостатков, допущенных работниками партийных и советских организаций, указал на недостаточную борьбу с профашистским националистическим подпольем. Критика была объективной.

После перерыва начались прения по докладу. Выступления в основном проходили в духе доклада и дополнялись деловыми предложениями. Слово предоставляется министру просвещения Латвии (фамилии, к сожалению, не помню), и он вдруг обрушивает целый поток клеветы и помоев на Советский и особенно русский народ, на засилье русских в Латвии и утрату традиций латышского народа.

Этот министр, член ЦК ВКП (б) Латвии, произнес обвинительную речь как прокурор. Это была речь в злобном антисоветском духе, в ярко выраженном националистическом стиле. Видимо, он ее заранее основательно готовил и не один. Вот основные тезисы его выступления.

«В партийных и советских учреждениях вытесняется латышский язык и внедряется русский, все делопроизводство ведется только на русском языке». Это была ложь и клевета, так как в республиканских учреждениях делопроизводство было смешанным, но в основном латышским. В уездах все делопроизводство шло только на латышском языке.

Далее. «Русские не хотят изучать латышский язык». И здесь – только доля правды, потому что мы изучали его, общаясь с латышами постоянно. Это я знаю по собственному опыту, так как четыре года каждый день разговаривал с латышами и знал разговорную речь. Больше мне было не надо, я не собирался оставаться там на всю жизнь. Вообще языки прибалтов и скандинавов не очень популярны на международном фоне, хотя не спорю, каждому дорог свой язык. В латышских школах дети учились на родном языке, театры работали и ставили спектакли на латышском, кинотеатры – тоже. Мы с большим удовольствием посещали латышские музеи. Никто и никогда не посягал на культурные ценности латышского народа. Министру образования это было хорошо известно.

– «Русские в Латвии захватили все руководящие посты». Это тоже была очередная ложь. Сам оратор был латыш. В ЦК партии республики, за исключением Лебедева, все секретари были латышами, министры – тоже. Мой первый заместитель Утен был латыш, замечательный работник. Практически почти весь руководящий состав был из коренных латышей либо из обрусевших латышей, бежавших в Советский Союз при наступлении гитлеровцев. У нас они находили приют и работу.

– «Русские захватили в Риге лучшие квартиры и дачи на Рижском заливе и пользуются различными благами» – этот тезис министра просвещения также не выдерживал критики. Да, квартиры нам выделял горсовет, и мы за полученную площадь исправно платили.

– «Русские относятся к латышам пренебрежительно, смотрят на нас свысока». Это была полная ложь и клевета. Мы хорошо знали, что латышский народ трудолюбивый и скромный, и ни у кого из нас никогда не возникало чувство зазнайства или чванства.

Вот такие негативные факты преподнес этот оратор. Слушать их спокойно было просто невозможно. Поэтому я не выдержал, встал и крикнул:

– Все это ложь и клевета на русский народ!

После выступления министра объявили перерыв. Меня неожиданно пригласили в комнату президиума пленума. Ко мне подошел Лебедев и спросил:

– Ты слышал, что говорил последний выступающий?

– Да, я слышал этого националиста.

– Мы тут посоветовали и решили, что такому выступлению надо дать серьезный отпор. Подходящей кандидатурой для этого мы считаем тебя. Во-первых, ты русский. Во-вторых, можешь рассказать пленуму, сколько крови пролито за таких вот националистов.

Я взмолился, прося Лебедева найти кого-либо другого, а меня освободить от этой миссии, так как я не готовился для такого выступления.

– Ничего, выступишь. И сделать это надо обязательно резко.

Вспоминаю, с каким волнением я поднимался на трибуну пленума, когда председательствующий объявил мою фамилию и должность.

«Я – русский, – так я начал свое выступление. – Меня, как и других моих соотечественников, направило сюда Советское правительство для оказания помощи латышскому народу в восстановлении и укреплении Советской власти в Латвии. Вместе с войсками с боями входили мы на латышскую землю и в Ригу. Прошел уже год после Победы над фашистами, и за это время, как видно из доклада, многое сделано. Но что мы с вами слышим из выступления последнего оратора? Нельзя без возмущения принимать его злопыхательскую, националистическую речь. Он оскорбил советских людей и вооруженные силы, ибо они, советские воины вместе с патриотами-латышами, освобождали республику от фашистского порабощения. Позволительно спросить этого оратора: почему он стал министром и членом ЦК партии, почему он остался цел и невредим и может с высокой трибуны лить грязь на советских людей? Потому что он бежал, как трусливый заяц, при наступлении немцев. Но куда? В Россию, которая его пригрела и приютила, но вовсе не для того, чтобы, вернувшись на родину, он прививал яд национализма латышам, а не дружбу между нашими народами.

Этому оратору известно, сколько советских людей сложили головы, освобождая Латвию от фашистской нечисти? Ему известно, сколько десятков тысяч гитлеровцы замучили в застенках тюрем и специально построенном концлагере в Саумспилсе латышей и советских борцов за освобождение Латвии? Каждый порядочный житель Риги видит, что мы и сейчас почти каждую неделю идем с похоронной процессией, провожая чекистов, погибших от профашистского подполья, скрывающегося в лесах. В их бункерах мы находим свежие продовольственные запасы, оружие и боеприпасы. Возникает вопрос: кто их снабжает, откуда эта материальная поддержка? Да вот такие типы, как этот министр просвещения, конечно, отдадут им последний кусок. (Возгласы из зала: «Позор! Позор!») Да, позор слышать, когда вместо благодарности нам преподносят ложь и клевету.

Русский народ никогда не пренебрегал дружбой и традициями латышского народа. Вспомните исторический факт, когда в критический момент в 1918 году не кому-нибудь, а именно латышским стрелкам была доверена охрана Кремля в Москве. Русский народ этого никогда не забудет. (Аплодисменты в зале).

Я считаю выступление последнего оратора провокационным в ярко выраженном злопыхательском, националистическом духе. Как можно после этого доверять такому националисту занимать должность министра и в каком направлении он воспитывает наше будущее поколение? Сделайте, пожалуйста, выводы сами».

Когда я закончил, в зале раздался гром аплодисментов. Мое выступление произвело впечатление на присутствующих.

С заключительным словом выступил Калнберзин. Он был сильно возбужден и резок. Мне запомнилась одна его фраза, которая по сути охарактеризовала все его выступление: «Мы перед русским народом должны встать на колени за то, что они спасли нас от фашистского порабощения, а не возводить клевету». И тут же он внес предложение вывести из состава членов ЦК и исключить из партии этого министра. Пленум проголосовал за это предложение единогласно. «Положите сюда на стол ваш партийный билет», – предложил Калнберзин бывшему министру. Тот молча положил партбилет и покинул зал. Руководители ЦК благодарили меня за выступление, и мой авторитет после этого в Латвии сильно вырос.

В 1947 году мы отмечали 30-летие ВЧК-НКВД. Министры Эглит и Новик решили отметить этот праздник чекистов совместно и получили разрешение провести юбилейный вечер в оперном театре Риги. Выступить с докладом поручили мне. Выступать в оперном театре, заполненном зрителями до отказа да еще в присутствии всего партийно-советского руководства было ответственно, учитывая политическую обстановку в республике, но и престижно. Несмотря на то, что я болел гриппом, я собрался с силами, хорошо подготовился и сделал доклад. После этого в перерыве весь состав президиума был приглашен за кулисы, где был накрыт стол. Когда все сели и налили в рюмки вино, первым взял слово присутствовавший на собрании маршал Советского Союза И. Х. Баграмян: «Я предлагаю поднять этот первый тост за докладчика». «Правильно», – сказал Калнберзин и все выпили за мое здоровье. Для меня это была полная неожиданность, я мог только сказать «Спасибо за внимание!»

30 апреля 1946 года Указом Президиума Верховного Совета СССР за выполнение специального задания я был награжден орденом Красной звезды. Кроме того, Президиумом Верховного Совета Латвийской ССР награжден двумя Почетными грамотами. А за активную работу по борьбе с националистическим подпольем награжден знаком «Заслуженный работник НКВД» наркомом НКВД в 1946 году.

В период четырехлетнего пребывания в Латвии работа проходила в острой и напряженной обстановке. Пуля подстерегала в любом непредсказуемом месте, из любого угла. Это было хуже, чем на фронте, где виден или известен враг. Мне приходилось принимать активное участие в качестве особоуполномоченного во многих уездах. Особенно мне запомнился Абренский уезд, на границе с Россией, где в лесах буквально зверствовали «айзсарги». К концу моего пребывания в Латвии (1948 год) обстановка в республике стала более спокойной, групповой политический бандитизм по существу был ликвидирован.

В феврале 1948 года в Ригу прибыла бригада для проверки работы с кадрами во главе с заместителем начальника управления кадров НКВД СССР Владимиром Ивановичем Машковым. Работу с кадрами в МВД Латвии бригада признала положительной. Перед отъездом из Риги В. И. Машков спросил меня, не надоело ли мне ходить в заместителях и не пора ли переходить на самостоятельную работу.

Я ответил, что в принципе у меня нет возражений, хотя, учитывая семейные условия (жена, трое детей), перемещаться не хотелось бы. Но ответственности на самостоятельной работе я не боюсь, и если будет что-то подходящее, дам согласие.

Вскоре я был вызван в Москву, где меня принял министр МВД С. Н. Круглов, который меня немного знал, так как до Обручникова он был заместителем наркома по кадрам, и я работал непосредственно в его подчинении. После краткой беседы об обстановке в Латвии С. Н. Круглов предложил мне перейти на работу министром внутренних дел Чувашской АССР, аргументируя замену министра тем, что Белолипецкий «засиделся на одном месте и уже не только преступников, но и мух не ловит». Я дал согласие. Министр тут же дал указание Обручникову направить представление в ЦК ВКП (б), так как это была номенклатура Политбюро.

В феврале 1948 года я был назначен министром внутренних дел Чувашской АССР. В ЦК ВКП (б) Латвии были не согласны с моим отзывом из Риги, меня просили оставить на месте. Однако поскольку я назначался на пост министра, просьба Калнберзина была отклонена. Уже работая в центре и встречая Калнберзина на сессиях или съездах, я всегда заключал его в свои объятия, и он отвечал тем же.

Чувашские лагеря

В Чувашию я ехал с женой и тремя детьми: Левой, Валерием и Наташей. Все они были маленькими: Леве семь лет, Валерию четыре года, а Наташе – год.

Прибыли мы на станцию Канаш, где нас встречали заместитель министра И. М. Лажечников и водитель автомашины К. И. Бурашников. Никогда не забуду первого дорожного удручающего впечатления, открывшего нам вид и жизнь чувашской деревни. Особенно поразила мою жену, Марию Васильевну, картина катания детей вдоль дороги и в кюветах на коньках и в лаптях. Маша заплакала и обрушилась на меня: «Куда ты меня привез? Это же лапотное государство».

Негативное первое впечатление усугубилось еще и тем, что бывший министр МВД к нашему приезду не освободил квартиру, и нам пришлось после огромной рижской ютиться в тесной, более чем скромной квартирке. Жену мою можно было понять...

Однако правильно говорят, что время – лучший лекарь. Со временем понемногу все наладилось. После отъезда бывшего министра его квартиру заново отремонтировали, и мы переехали в нее. Наше имущество было упаковано в специальные ящики и отправлено в сопровождении сотрудников МВД Латвии до Чебоксар в специальном вагоне. Все было в целости и сохранности, и частично разместилось в квартире, а часть ящиков пришлось отправить в сарай. Сарай был небольшой, рядом с домом и в нем был глубокий погреб. Когда Маша привыкла к чувашскому быту, она ежегодно солила прекрасные овощи: капусту, огурцы и незабываемые грибы – грузди. Питались мы неплохо, но в основном все покупалось на рынке, куда Мария ездила с Костей Бурашниковым. Он был не только хорошим водителем, но и преданным мне и моей семье человеком, проявлявшим заботу о нашем благополучии.

По приезде в Чебоксары на другой же день я приступил к работе. В тот день на собрании сотрудников аппарата министерства я кратко рассказал о своей прошлой деятельности, о политической обстановке в стране и призвал собравшихся к дружной и активной работе по борьбе с преступностью в республике.

У меня были два заместителя: один по оперативной части, второй – по кадрам. В процессе работы я убедился, что мой заместитель по оперативной работе – человек малограмотный, с ограниченным кругозором и низкой культурой. Работал я с ним около года, потом «сплавил» его на ту же должность в Якутию. Вторым заместителем И. М. Лажечников был сравнительно грамотным работником и по моему представлению был утвержден моим заместителем по оперативной работе. Заком по кадрам стал бывший зам. нач. отдела кадров.

Работать было сравнительно легко. Беспокойство вызывали иногда имевшиеся лагерные подразделения, которыми руководил отдел исправительных работ. Лагерные подразделения работали в основном на лесоповале, детская колония занималась столярным производством. Кроме того, имела еще отдельная женская немецкая колония, состоявшая из бывших немецких военнопленных женщин. Я посетил однажды эту колонию, и меня поразила чистота и опрятность в бараках, где размещались эти женщины, безукоризненная чистота на кухне и в столовой... Все женщины были молоды и мне показались весьма приятной наружности. Вскоре, после приезда к нам канцлера Аденауэра, мы их отправили в Германию согласно указаниям Москвы. Эту колонию немцы отличали дисциплина, порядок и нравственность, чем не могли похвастать колонии, где размещались наши советские женщины.

В Алатырском районе были две колонии, которые разделял почти трехметровый забор. Одна из колоний была женская. Поразительно то, что мужчины не преодолевали этот забор, а женщины, особенно молодые проститутки из Ленинграда, изловчились как кошки и проникали в мужскую зону, где получали удовлетворение своим животным страстям в полном объеме.

В результате этих «вылазок» стали появляться даже новорожденные. Приходилось открывать ясли, а мамы получали соответствующие льготы, чему были очень рады.

Как-то в этой колонии я посетил штрафной изолятор. В одной из камер находились две молодые грудастые проститутки, наказанные за проникновение в мужской лагерь. Когда я их стал стыдить, одна из них ответила: «Гражданин начальник, зато я теперь на полгода сыта». Я молча направился к выходу. «Гражданин полковник, мы больше не полезем, прикажите нам дать табаку».

Вообще женские колонии всегда приносили больше беспокойства, чем мужские. В этом я убедился, когда работал в Кемеровской области. Распространение лесбиянства, фаворитизм гермафродитов, частые драки между собой и т. д. Посещая эти колонии, я наслышался всего.

Однажды в женской колонии Кемеровской области, где женщины работали на лесозаготовках, в воскресный день я попросил построить заключенных на улице с намерением узнать их жалобы и просьбы. Серьезных жалоб я не услышал, а вот просьба меня поразила своей наглостью и бесстыдством. Они просили, чтобы я разрешил надзирателям приходить к ним «на ночьку». В этой колонии происходили частые драки из-за ревности к гермафродитам. Уходя, я сказал, что за нарушение порядка будем строго наказывать. Сгрудившись в толпу, заключенные почему-то громко хохотали. Я спросил начальника лагерного отделения: чего им так смешно? Начальник смешался и даже покраснел: «Хулиганят они. Говорят, вот бы нам на ночьку такого полковника, вот и хохочут».

В пригороде Чебоксар была еще детская колония, которая приносила самое большое беспокойство. Нам в этой колонии удалось создать хороший коллектив, организовать приличную художественную самодеятельность, ребята которой даже выступали в клубах города. Но вот пришло большое новое пополнение, которое спровоцировало настоящий бунт с целью группового побега. Руководство колонии проворонило подготовку этой «волынки», и ребята вдруг не вышли на работу.

Уговоры ни к чему не привели. Все ребята под угрозами организаторов бунта забаррикадировались в жилых корпусах. Меня об этом, к сожалению, поздно поставили в известность. Я прибыл в колонию вместе с прокурором республики.

Оказывается, еще до нашего приезда произошла трагедия. Во-первых, работавшая воспитателем по культурно-массовой работе сотрудница с разрешения начальника колонии пошла в зону, надеясь на свой авторитет, и была изнасилована организаторами бунта. Во-вторых, трое заключенных, не подчинившихся руководителям бунта и призывавших прекратить «волынку», были убиты.

Когда я вошел в зону, организаторы бунта закричали: «Гражданин полковник, не входите – убьем, а из прокурора колбасу сделаем!» Тогда я вызвал пожарные машины, и водой начали вышибать всех из жилых корпусов на улицу. Только после этого нам удалось уgomонить бунтарей, а организаторов посадить в изолятор.

В Кемерово мне неоднократно приходилось уgmинять подобные «волынки» и всегда успешно, без отчета перед Москвой. Но здесь были подростки, и мне пришлось держать ответ перед Москвой на коллегии МВД СССР. Однако мой отчет был принят положительно, если не считать критических замечаний министра.

Начальника колонии я сразу же снял с работы, наказал других сотрудников, проглядевших назревающую «волынку», а изнасилованную девушку, за которую я особенно переживал, отправил на курорт в Сочи. Когда она вернулась, я назначил ее инспектором комнаты по правонарушениям несовершеннолетних в городе, где она и работала. Позднее мне докладывали, что она сожительствует с бывшим начальником колонии, по вине которого попала в лапы насильников. Возможно, они жили и раньше. Все сочувствие к ней у меня пропало.

...Интересен эпизод из практики моего допроса матерого преступника-рецидивиста, обвиняемого по «мокрому» делу и отказывающегося от показаний на следствии.

Приехав в тюрьму, я приказал привести этого преступника в комнату для допросов. Вошел здоровенный мужик лет сорока пяти, по национальности русский. Я предложил ему присесть, а надзирателя выйти и оставить нас одних. В течение двухчасовой беседы-допроса обвиняемый заговорил и стал рассказывать о совершенном преступлении и о причинах, побудивших его к этому. Оказывается, он был главой какой-то секты, о чем ранее мы не знали. Укрывался он у членов этой секты – старушек. После беседы я пригласил следователя и приказал оформить его показания официальным протоколом допроса.

На другой день ко мне приехал начальник тюрьмы, который был удивлен тем, как мне удалось добиться показаний преступника. Начальник тюрьмы доложил, что преступник, вернувшись с допроса, рассказал своим сокамерникам, как сам министр снимал с него допрос. Цитирую: «Министр, видать, человек образованный и культурный, начал допрос с предложения присесть и угощения папиросой «Казбек». Допрашивал спокойно, не повышая тона как следователь, а только упрекал и стыдил меня, как я, верующий, мог пойти на «мокрое дело». К тому же министр, видать, смелый человек, так как выпроводил надзирателя, и мы остались одни. Вначале у меня мелькнула мысль схватить табуретку и трахнуть министра по голове, но потом я ощутил, что табуретка привинчена к полу, к тому же у министра наверняка есть оружие и кнопка под столом. Эти мысли у меня отпали.

В ходе такой спокойной беседы, а министр ничего не записывал, хотя бумага лежала на столе, у меня всякая агрессивность пропала. Не знаю, то ли совесть какую-то он во мне пробудил, то ли еще что, но я не устоял и заговорил, пришлось «расколотся» начистоту.

Что мне еще понравилось у министра, так это новенький темно-синий костюм в белую полосочку. Как только выйду на волю, обязательно сделаю себе такой же».

Отношения с руководством Чувашской республики у меня сложились весьма благоприятные. Я имел значительно больший авторитет в обкоме партии, Совнарком и в Верховном Совете республики, чем мой коллега – министр КГБ, выдававший себя за интеллигента, хотя на самом деле он был весьма ограниченным человеком невысокой культуры. Впоследствии его освободили от этой должности и назначили начальником отдела КГБ на железной дороге где-то на севере. У него был хороший заместитель Столяров, на котором министр и держался какое-то время. У нас была одна приемная, так как тогда мы сидели еще в одном здании. Друг к другу в кабинеты мы не заходили, но держались корректно.

Я подружился с первым секретарем обкома партии Абхазовым. У меня в министерстве была моторная лодка, и мы неоднократно, по выходным дням, ездили на Волгу рыбачить, где варили прекрасную уху. Рыба была всегда, потому что после собственной ловли мы ехали к бакенщику, у которого был садок с рыбой. Покупали стерлядь, ерша, окуня, судака. Выбирали полянку на берегу Волги и варили настоящую уху. Это было наивысшее удовольствие. Правда, настоящую стерляжью уху мне удалось попробовать в командировке в Порецком районе на реке Суре. Там впервые я увидел крупную, жирную, желтобрюхую стерлядь. Старожилы говорили мне, что в свое время такую рыбу живьем возили в больших бочках для стола Екатерины II в Санкт-Петербург.

Да, в Чувашской АССР я приобрел много друзей и оставил неплохое наследство по работе. Но был один казус. Через месяц после моего отъезда новый министр получил орден «Красной звезды» за своевременную поставку леса на строительство канала на Волге, хотя он к этой работе не имел никакого отношения, так как этим занимался я. Новый министр набрался мужества и позвонил мне в Кемерово, извиняясь за случившееся и обвиняя в этом ГУЛАГ МВД СССР. Я ему сказал «Носи. Хорошо хоть позвонил». Так мой орден уплыл к не заработавшему его человеку благодаря бюрократической системе центрального аппарата.

ГУЛАГ

В начале октября 1951 года мне позвонил Б. П. Обручников и, не объясняя причины вызова, сказал, чтобы я срочно выезжал в Москву. Прибыв в столицу, я сразу же направился к Обручникову, который мне объявил, что есть предложение назначить меня начальником управления по Кемеровской области.

Этим сообщением я был серьезно озадачен, так как никогда не помышлял о работе в Сибири. Я попытался сказать, что если это добровольно, то я согласия не даю. Обручников заявил, что вопрос уже предreshен, доложен министру и он дал согласие. «И не вздумай у министра возражать!»

Через два часа я был на приеме у С. Н. Круглова, который меня знал по работе в центральном аппарате, когда он был заместителем наркома по кадрам.

На вопрос министра, как я смотрю на свое новое назначение, я ответил, что предложение для меня является неожиданным и нежелательным. Почему? Я привел мои доводы, но в кабинете министра понял, что звучат они слабовато. После этого С. Н. Круглов сказал:

– Ты даже не знаешь, что представляет собой эта область и какой это мощный промышленный центр нашей страны. Это же Кузбасс. Там огромная металлургическая, машиностроительная и оборонная промышленность. Во-вторых, там у нас наибольшая концентрация лагерей и колоний, в которых размещено 150 тысяч заключенных, они работают на строительстве шахт, заводов, на лесоповале. Состояние режима заключенных – на низком уровне. Мне надоело читать оттуда сводки о побегах заключенных, о «волынках» в лагерях. И уже стыдно еженедельно отписываться в ЦК КПСС о чрезвычайных происшествиях среди заключенных. Я не скрываю, участок вам доверяется тяжелый. Вы молодой, достаточно энергичный. Считайте, что вам оказывается большое доверие. Поезжайте и наведите там порядок. Или вы нашли тихую пристань в Чувашии и решили к ней прилипнуть?

После такой тирады министра я понял, что возражать бесполезно.

– Товарищ министр, тихой пристани я никогда не искал, а наоборот, всегда хотел более живого дела. Это может подтвердить Обручников, которого я просил дать мне работу с большим объемом. Я вас понял и согласен. Постараюсь сделать все, чтобы поправить положение дел в УВД Кемеровской области.

– Иного ответа я от вас и не ожидал. А с обкомом партии мы договоримся.

Тут же Обручникову было поручено подготовить на меня представление в ЦК КПСС для утверждения на Политбюро.

Так по сути в один день решилась моя судьба и приказом министра МВД СССР 16 октября 1951 года я был назначен начальником УМВД по Кемеровской области.

На жену мое сообщение об этом произвело удручающее впечатление. Оно и понятно. Если она плакала, въезжая в Чувашию, как она выразилась в «лапотное государство», то за три года мы привыкли к атмосфере и обстановке здешних мест. Хорошее положение на работе, благоприятные деловые отношения с руководством республики, приобретение большого количества друзей, у которых мы пользовались уважением, – все это, безусловно, привязывало к насыщенному месту.

Моя жена выступала с лекциями и докладами среди женских коллективов по поручению горкома партии. Да и бытовое положение нас в основном удовлетворяло. Старший сын пошел в школу. Но, конечно, главное – это климат. Поволжье или Сибирь – разница огромная. Чебоксары – город на Волге, с приволжским раздольем, красивыми пассажирскими судами, привозившими экскурсантов. Летом мы снимали дачу в деревенском доме на берегу Волги. Словом, уезжать не хотелось.

Более всего меня страшил переезд. Это была проблема. Тем более, что вещей за период семейной жизни накопилось немало. В Риге, например, я приобрел через трофейный отдел мебель, которую, хоть и не полностью, но сохранил до сих пор. Вновь надо было все упаковывать и грузить в спецвагон, который мне за плату предоставило МПС. Перед отъездом я собрал сотрудников аппарата министерства, поблагодарил их за помощь в работе и выразил искреннее сожаление, что покидаю такой хороший коллектив.

Если мое выступление носило несколько сентиментальный характер, то слова сотрудников волновали до слез. Было приятно и грустно слушать красивые слова о себе со стороны своих подчиненных. Были даже такие заявления: «У нас никогда не было таких министров и не будет никогда!»

Если из Риги на вокзале меня провожали сотрудники милиции в торжественной обстановке во главе с министром Эглитом, а жена и дети были завалены цветами так, что пассажиры невольно спрашивали, кого это провожают с таким почетом, то в Чебоксарах была несколько иная картина.

Был вечер, дул холодный октябрьский ветер. Во дворе у подъезда моей квартиры собрались почти все сотрудники аппарата министерства. Мы вышли на улицу: я, Мария Васильевна, дети – Лев, Валерий, Наташа на руках у няни, которую мы увозили с собой. Конечно, были здесь и цветы, но больше было поцелуев и слез. Вот такую симпатию и любовь оставили мы у окружающих нас людей. Первый секретарь обкома партии Абхазов пытался возражать против моего переезда, но бесполезно, хотя, как он мне говорил, вел переговоры не только с министром, но и в ЦК.

В Кемерово я сразу въехал в приличную квартиру, выходящую большим балконом на центральную площадь города. Домработницу Настю мы пока оставили у себя, и только спустя года полтора она вернулась в свой родной город Алатырь.

Ознакомившись с делами и послушав своих заместителей, я понял, насколько министр Круглов был прав, информируя меня об обстановке в УМВД Кемеровской области. В управлении было три заместителя начальника управления. Полковник Григорьев – первый заместитель по оперативной работе. Кстати сказать, опытный оперативный работник. По возрасту значительно старше меня. Второй заместитель – он же начальник исправительно-трудовых учреждений, тоже опытный работник. Оба эти зама были коренные сибиряки и отличались сибирским упрямством. Были они в тесной дружбе. Мне пришлось некоторое время ставить их на свои места, чтобы они поняли, «кто есть кто». Вскоре наши отношения наладились, и у нас установились хорошие деловые отношения, я никогда не ущемлял их деловые предложения и инициативу.

Руководящий состав мне показался способным, а дела в УМВД шли плохо, особенно в лагподразделениях, уголовная преступность в области была несравненно выше, чем в Чувашии, а раскрываемость значительно ниже. Анализируя положение, я понял, что рост преступности дает в основном лагерный контингент, отбывший в тюрьмах и лагерях сроки наказания и оседавший здесь на постоянное место жительства.

После установления этого фактора мною был издан приказ о взятии на учет и контроль бывших осужденных за тяжкие преступления, а также неоднократно судимых, то есть, рецидивистов. Эта работа дала свой положительный результат: преступность пошла на убыль, а раскрываемость значительно повысилась. Между прочим, преступный элемент знал о моем приказе из неведомых нам источников.

Но меня беспокоило другое: состояние режима содержания заключенных в лагерях и колониях. Не проходило дня, чтобы в этой 150-тысячной «армии» не совершалось бы ЧП. Побег, «волынки» с убийствами, драки с поножовщиной, невыход на работу целыми группами – все это имело место, и обо всем этом нужно было докладывать в МВД СССР. В своем распоряжении я имел три легких самолета У-2, на которых летал на расследование и ликвида-

цию ЧП. Окунувшись в этот «бедлам», я стал внимательно изучать систему содержания заключенных в лагерях и колониях и первые полгода летал по горячим точкам, изучая причины их возникновения. Вместе с группой оперативных работников УВД мы проанализировали причины ЧП и нарушения дисциплины и порядка, допускаемые как заключенными, так и nepоря- дочными начальниками лагерей.

В результате аналитической работы мы пришли к выводу, что ГУЛАГ СССР по суще- ству не знает жизнь лагерной системы и руководит бюрократическими методами, работники ГУЛАГа на местах почти не бывают. Например, в Кемеровскую область за три года моего пре- бывания никто из ГУЛАГа не приезжал, хотя там было сосредоточено (исключая Камчатку) наибольшее количество заключенных.

ГУЛАГ посылал заключенных большими партиями без разбора статей УК РСФСР, не уведомляя нас заранее о составе прибывающих заключенных. Поэтому в одни и те же лагерные подразделения направлялись и матерые рецидивисты, отказники от работы, и условно честные работяги, попавшие случайно под уголовную ответственность из-за пустяков.

Первые отлынивали от работы под любыми предлогами или открыто саботировали выход на работу, устраивая различного рода обструкции. Условно честные работяги подвергались угрозам и даже избиениям со стороны паразитирующего контингента. В результате возни- кали так называемые «волынки», заканчивавшиеся иногда жертвами. Особенно меня огор- чало, когда в колонию прибывали 18-летние девчонки, осужденные по неопытности за недо- стачу пустячных сумм, обнаруженных при ревизиях. Имея срок 3–5 лет, они попадали в среду матерых уголовных преступниц и проституток. Понятно, какую школу они там проходили и кем они могли стать по отбытии своего срока.

Проанализировав весь этот материал и посоветовавшись со своими руководящими работниками, я написал официальное личное письмо министру Круглову, в котором изложил всю безобразную систему распределения и содержания заключенных, резко критикуя ГУЛАГ в этом вопросе. В письме я коротко изложил свои предложения, которые, в основном, сводились к строго постатейному размещению заключенных и организации корпусов строгого режима для отказников от работы, для рецидивистов.

Не дожидаясь ответа от министра, мы провели у себя некоторую пересортировку заклю- ченных постатейно. Ввели практику бесконвойных из числа хорошо зарекомендовавших заключенных, приняли меры по улучшению бытовых условий. Кроме того, заменили некото- рых начальников лагерей и колоний, ужесточили требования к соблюдению порядка и дисци- плины руководящего состава и надзирателей. Все эти меры дали положительные результаты. Обстановка в лагерях и колониях стала более спокойной.

Вскоре после моего письма в центр министр созвал Всесоюзное совещание начальников УВД краев, областей и министров союзных республик. На этом совещании присутствовал и я. После доклада начальника ГУЛАГ А Долгих и выступлений с мест, выступил министр Круг- лов. К моему радостному удивлению министр несколько раз цитировал мое заявление, хваля за проделанную работу и говоря, что теперь он редко читает сводки о ЧП в лагерях Кемеровской области и что он издаст приказ, в который войдут предложения Захарова, так как он считает, что систему распределения и содержания заключенных надо резко менять. Министр подверг острой критике, ссылаясь на мое письмо, руководство ГУЛАГ а и его бюрократический метод руководства лагерными подразделениями. Не скрою, что я в тот момент был «на коне». Впо- следствии мы получили приказ министра и активно внедряли его в практику своей работы.

Сейчас я не знаю, какие порядки и какая существует система содержания заключенных. Думаю, что она должна быть более гуманной, нежели при сталинском режиме, но по опыту могу сказать, что порядок и дисциплина в местах заключения зависят от качества и квалифи- кации руководящего состава, охраны и надзорсостава.

Во-первых, заключенные уважают смелого, волевого и справедливого начальника. Никогда не увлекайся пустыми обещаниями. Но если что-то пообещал – обязательно сделай.

Во-вторых, что положено заключенным, а они это хорошо знают, отдай сполна, не экономь, не утаивай и, не дай Бог, не обворовывай. Заметят – весь авторитет пойдет насмарку, его уже не восстановишь.

В-третьих, не груби, будь вежлив в обращении с заключенными и спокоен, но не заискивай. Держись с достоинством, как положено начальнику.

Всегда надо помнить, что перед тобой не только преступник, но и человек, с которым надо уметь находить пусть официальный, но все же человеческий язык и искать необходимый компромисс.

Особенно умело и решительно надо вести себя, когда в лагере произошла «волынка», да еще с жертвами.

В восьмидесяти километрах от Ленинск-Кузнецкого был организован новый лагерь для строительства крекинг-завода. Начальником этого лагеря центром был назначен генерал-майор Титов, прибывший с Колымы. Заключенные работали на лесоповале, заготовке пиломатериалов, строительстве новых жилых бараков и готовили площадку для будущего завода.

Генерал Титов докладывал мне, что в лагере полный порядок и работа идет строго по графику. Я в этом лагере не бывал. Однажды получаю от Титова сообщение. В лагере бунт, убиты два надзирателя, заключенные на работу не выходят. Была настоящая сибирская зима. Я немедленно поездом выехал в Кузнецк. От Кузнецка ввиду полного бездорожья пробирался на американском «студебеккере» до лагеря.

Я думал, что начальник лагеря, прибывший с знаменитой Камчатки, имеет большой опыт работы с заключенными и умело поведет строительство здесь, в Кузбассе. Но я крупно ошибся. Это был чванливый держиморда с барственными замашками и преступным отношением к нуждам заключенных. Титов абсолютно не занимался созданием хотя бы маломальских условий для быта контингента, который, как показало мое расследование, был в ужасном состоянии. Видимо, действительно, такие порядки и такое отношение к заключенным, как к скоту, процветало на Колыме, откуда прибыл этот генерал и перенес это в наши края.

Прибыв в лагерь и выслушав доклад об обстановке, я понял, что надзиратели убиты неспроста. Невыход на работу всего лагеря вызван серьезными причинами. Информация начальника лагеря была неубедительной и меня не удовлетворила. «Пошли в лагерь», – сказал я Титову и начальнику оперотдела. Титов запротестовал, мотивируя отказ идти в лагерь тем, что сейчас там такой накал, что он не гарантирует мою безопасность. «Я в лагерь не пойду и прошу вас тоже пока не ходить».

– Хорошо, – сказал я, – раз довели лагерь до такого позора, что хозяевами в зоне являются заключенные, а вы боитесь туда показаться, то сидите здесь, можете не ходить. Мы с начальником оперотдела туда пойдем, только предупредите охрану на вышках обо мне, чтобы не вздумали вновь попусту стрелять.

Мы пошли в зону, смотрю – следом за нами поплелся и Титов. Заключенные были в бараках. Был сильный мороз. Мы все были в официальной форме. Заходим в первый новенький барак. Заключенные сразу же обступили нас. Я представился как начальник управления внутренних дел и сказал, что приехал специально разобраться с происходящим событием в лагере. Спрашиваю, что послужило причиной ЧП и какие претензии к руководству лагеря? Как могло случиться, что убиты два надзирателя и организована забастовка? Почему никто не вышел на работу?

Жалобы посыпались градом. Стоящий рядом заключенный подходит, отворачивает воротник косоворотки, и я прихожу в ужас: вдоль воротника стаей ползут вши. Я видел такое впервые в жизни. И невольно сжал кулаки.

- Титов, вы видите?
- Да, вижу.
- Когда вы были в бане? – спросил я у заключенного.
- Да нет ее. Мы не помним, когда мылись.
- Есть у них баня, – сказал Титов.
- Хорошо, посмотрим! – кивнул я.

В бараке – новенькие топчаны, но на них, кроме личных тряпок, ничего не лежит. Спрашиваю Титова, почему нет наматрасников, одеял и подушек, набитых сеном или соломой? Почему люди спят в мороз на голых досках? «Не успели подвезти», – последовал ответ. «Вы знаете этого человека?» – спросил я заключенных и показал на Титова. «Нет, не знаем», – ответили заключенные. «Так это же ваш начальник лагеря». «Мы слышали и знаем, что у нас начальник – генерал, но ни на работе, ни в зоне мы его никогда не видели».

Обойдя все бараки, я приказал отвести нас в столовую заключенных. Столовая была в новом здании, большой зал уставлен длинными столами. Обедали посменно. Входим в столовую. Зал полон заключенными, все стоят за столами. У меня мелькнула мысль: вот такие дисциплинированные, при входе начальства все встали. Оказалось, что стоят они потому, что скамейки в столовой отсутствуют. И это при том, что на лесопилке навалом пиломатериала. Возмутительно!

Титов объясняет мне, что постоянных скамеек нет, потому что заключенные обедают посменно и чтобы они не засиживались в столовой. «Попробуйте наших харчей!» – кричат мне заключенные. Я взял у одного алюминиевую тарелку, поднес ближе к лицу и ахнул: кормят протухшей рыбой. Я сунул эту тарелку Титову под нос. Тот шархнулся в сторону. «Покупайте наш хлеб!» – кричат обедающие. Я взял кусок хлеба и разломил пополам. Хлеб прилипает к рукам как глина. Ладно, пошли на кухню, что там? Входим на так называемую кухню. Вонь жуткая от протухшей рыбы, грязь кругом страшная, трудно представить более антисанитарное помещение. Где рыба? Повар открывает бочку с тухлятиной. Спрашиваю, давно ли завезли? Оказывается, стоит с осени, теперь, говорят, вари и корми людей, а от заключенных – одни проклятия.

«За это мало проклинать, судить надо! Титов, что же вы делаете? Ведь эту дохлятину и свинья есть не будет». «А мне сейчас кормить больше нечем», – ответил он. «Ладно, разберемся. Сейчас веди в баню». Титов стал оглядываться. Оказалось, он не знает туда дороги. На счастье, рядом был надзиратель, он и повел нас в баню. Подходим к дощатому сараю, в который ранее складывали известь. Входим внутрь и что же мы видим? Посреди сарая топится жестяная печурка с дымовым выводом на крышу, а вокруг этой печурки сидят, скорчившись, голые, но в шапках мужики. Это была трагикомическая картина, которую вряд ли кому-либо приходилось лицезреть. Спрашиваю мужиков: так что ж вы сидите и не моетесь? Воды нет, еще не привезли, отвечают они. А ветер со стужей насквозь продувает эту «баню». Махнув рукой, я покинул этой сарай и приказал вести меня в пекарню. Вижу, Титов и туда дороги не знает. Выручил начальник оперотдела. Приходим в пекарню. Приказываю пекарю подать буханку. «А хлеба нет, – отвечает он, – весь хлеб ушел в расход». Уже из практики зная, где хранится хлеб, иду в хлеборезку и нахожу там несколько буханок. Беру одну и разламываю ее пополам, хлеб слизистый, к рукам липнет. Я сую этот хлеб в нос пекарю и кричу: «Воруешь, подлец?» Пекарь – на колени и просит прощения. Я приказал посадить его в карцер и завести на него уголовное дело. Я оказался прав: ему в пекарне помогала племянница, которая, как показало следствие, пользовалась бесконтрольностью и уносила муку в деревню, где при обыске у нее были обнаружены немалые запасы.

Закончив с этим, я вспомнил, что еще не был в офицерской столовой. Пошли туда. Входим в зал, где стоят столики на четыре человека. За столами сидят несколько офицеров и надзирателей. Все они в полушубках и шапках. В столовой холодно, хотя живут в лесу. Зда-

ние столовой новое, но везде грязь невероятная, пол землистого цвета, неизвестно, когда был вымыт. На кухне – две пожилых женщины-повара. Спрашиваю их, как дела. Плохо, отвечают. Потому что часто перебои с доставкой продуктов. Нас оскорбляют всячески, сил больше нет, собираемся уходить. Тут не работа, а наказание.

Вернулись мы в кабинет начальника лагеря, и тут я не выдержал: «Генерал, вы – подлец! Вас надо судить за разложение всей деятельности в лагере и личную бездеятельность и безответственность. Была бы моя воля, я бы сейчас дал вам в ухо. За случившееся ЧП назначаю комиссию и возбуждаю против вас уголовное дело».

Титов было вскипел, но я на него прикрикнул и сказал, что отстраняю его от должности, о чем немедленно докладываю министру. Высказав все, что за день накопело у меня на душе, я пошел в шифровальную комнату и направил министру шифровку, в которой изложил состояние лагеря, причины разложения в нем дисциплины и ЧП и просил немедленно убрать Титова и привлечь его к уголовной ответственности по материалам проверки.

Через три дня Титов был отозван в Москву. Материалы расследования я направил и в столицу, и в ГУЛАГ, где они, кажется, и утонули, так как у Титова в ГУЛАГе были старые дружки, такие же держиморды.

Несколько дней я находился в лагере и провел целый ряд экстренных мероприятий по наведению порядка и дисциплины. На собрании заключенных я высказал им свое впечатление об условиях быта в лагере, виновности руководства. Одновременно потребовал немедленного прекращения забастовки и неукоснительного выхода всех на работу. Сказал, что приму меры для улучшения бытовых условий. За убийство надзирателей виновных (они были известны) будем судить.

Я объявил в лагере три санитарных дня. В одном из незаселенных бараков устроили мытье заключенных, подвозя горячую воду из кухни, прожаривали одежду в печах столовой и пекарни. Кстати, врача мне также пришлось строго наказать. Привезли из соседнего лагеря часть одежды, тюфяки и подушки, сено для их набивки. Из этого же лагеря привезли несколько бочек мороженой рыбы. Стали выпекать нормальный хлеб, выдавать положенный сахар, поить чаем и т. д. Обязанности начальника лагеря я возложил на недавно прибывшего заместителя. Эти события происходили зимой 1953 года.

Возвращался я из лагеря в Кузнецк вновь по бездорожью на «студебеккере», и меня по ухабам, видимо, так растрясло, что по приезде в Кузнецк меня прихватила почечная колика. В гостинице принимали все меры, чтобы уменьшить боли, но я стонал непрерывно. Почечный камень, выходя из почки, застрял в мочеточнике. В мучительном состоянии я добрался до Кемерово. Мне посоветовали лечь в больницу в Кузнецке, где были хорошие урологи. Пролежал я там около двух месяцев, но безрезультатно. Что только врачи ни предпринимали со мной, однако камень застрял в мочеточнике и ни с места. Так я вернулся на работу, превозмогая боли, которые не оставляли меня до лета 1953 года. Это было уже в Москве. Я регулярно посещал уролога, но помощи его не ощущал. Вылечил меня его санитар. «Вижу, – говорит, – как вы мучаетесь, а камень ваш не сдается. Такие камни бывают только у чиновников. Вы умеете косить? Это хорошо. Тогда купите косу и на даче покосите». Я купил косу и в воскресенье стал косить. Пот лил с меня ручьем. Я – в туалет. Слышу в унитазе – щелчок. Смотрю, вылетел мой проклятый камень, мучивший меня более полугола. Ура! Прибежав к жене с криком «Ура!», я с гордостью показал ей своего мучителя.

Но вернемся в Кемерово. В начале 1953 года мне доложили, что в лагере города Киселевска вновь прибывшей партией заключенных была сделана попытка массового прорыва ограждения, в результате стрелками с вышки убиты двое заключенных, в зоне убит один надзиратель, а замполит лагподразделения взят в заложники. Заключенные находятся в бараках, на работу (а они строили шахты) не выходят.

Я вылетел в Киселевск. Поскольку были жертвы, послал за городским прокурором. Помню, был сильный мороз. Начальник лагподразделения произвел на меня плохое впечатление: неряшливый, небритый, весь мятый, какой-то пришибленный. Он толком не мог доложить, что и как произошло в лагере. Я предложил пойти в зону по баракам. Начальник лагеря заявил мне, что ему нельзя идти в зону, так как заключенные грозились убить его.

Пока мы обсуждали план действий в кабинете начальника, нам доложили, что все заключенные вышли из бараков и стоят на центральной площади, вооруженные дрекольем и кирпичами, и вызывают начальство. Я обращаюсь к прокурору и прошу его пойти вместе со мной для переговоров с заключенными. Прокурор говорит, что при такой ситуации он не может рисковать своей жизнью, у него семья.

«У меня тоже – семья, жена, трое детей, но действовать-то надо, тем более, что мы не знаем, что сделали с заложником-замполитом», – ответил я. Прокурор не пошел.

Тогда я взял четырех сотрудников-добровольцев из оперсостава и охраны, разрешил им взять пистолеты (в зону по инструкции ходить не разрешалось), предупредил их, что без моей команды оружие не применять.

Весь контингент лагеря был на площади. Заключенные стояли стеной метров 45–50. Я вышел из вахты и с группой добровольцев направился к заключенным. Они двинулись к нам навстречу. Действительно, в руках у многих были колья, камни и осколки кирпича. Подойдя метров на двадцать пять, я во весь голос закричал «Стоять!»

После моего крика в нас полетели колья и камни. Тогда я повторил свое требование. Затихли. Я представился, сказал, что специально приехал разобраться с причинами ЧП, так как раньше это подразделение было на хорошем счету.

– С толпой разговаривать не буду. Приказываю выделить пять человек для переговоров, которых через час буду ждать на вахте.

– Заложников хочешь взять? Не выйдет! – и вновь в нас полетели палки.

Я ринулся шагов на пять вперед и закричал:

– Если вы не прекратите бунт, я введу войска и всех вас будет судить военный трибунал. Жду вашу делегацию на вахте через час!

Мы повернулись и ушли.

Ждем час – делегации нет. Ждем другой. Прокурор говорит: не придут! Ничего, наберемся терпения, я уверен, придут, тем более, что скоро обед, а им надо хлеб получать, его в зоне нет.

Вошел вахтер и доложил, что к вахте идут пять заключенных. Я приказал приготовить пять кружек чаю с сахаром и белым хлебом.

Вошли, как видно, опытные в жизни и в таких делах здоровенные мужики. Вообще, как я убедился большинство заключенных хорошо знали законы и нормативные акты, касающиеся их содержания в лагерях и колониях. Чай пить стали только после уговоров. Затем перешли к делу. Оказывается, новое большое пополнение поместили в холодный барак, используемый под «клуб». Клуб не отапливался, а был сильный мороз. Произвольно заключенные стали разбредаться по теплым баракам. Один из надзирателей, протестуя против этих самовольных действий, вступил в драку и был убит поленом. Но помощь пришел замполит, которого заключенные связали и упрятали. Кроме того, прибывших не покормили, не дали даже чая и сахара по положенной норме.

Видя, что они совершили «мокрое дело», убив надзирателя, матерые организаторы подбили значительную часть лагеря на попытку массового побега через проволочное ограждение, рискуя жизнью, так как на вышках стояли стрелки охраны. Были и другие законные и незаконные претензии.

Мы условились, что через два часа все собираются в этот злополучный клуб, где я изложу свои соображения и решения о данной ситуации в присутствии прокурора.

Мы пришли в клуб, который был битком набит заключенными, люди стояли даже в проходах. Начальник надзорсостава по ранее данному указанию дал команду «Встать!» и отдал мне рапорт. Я крикнул «Прошу садиться!» На сцене стоял стол, покрытый красной материей. Мы с прокурором сели. Начальника лагеря я не взял сознательно и правильно сделал.

Обращаясь к заключенным, я сказал, что прежде, чем вести переговоры, сюда надо доставить заложника-замполита. Без него собрание не открываю.

Наступило долгое молчание. Видимо, заключенные не ожидали такого начала. Тогда один здоровенный верзила из вновь прибывших позвал кого-то и сказал: «Приведите!» Через несколько минут появился щуплый и дрожащий от страха обросший щетиной замполит лагеря. При виде его заключенные заулыбались: вид у него был, действительно, неважный.

После этого я сказал, что нормативные требования заключенных будут удовлетворены. А что не законно, что не положено – того не будет.

– По факту убийства и массового прорыва с попыткой к бегству виновные будут наказаны, для чего прокурором возбуждается уголовное дело. Вы сами должны понимать, что совершили преступление, которое не может оставаться безнаказанным. Второе. Завтра все как один выходите на работу. Отказники будут наказаны и отправлены в карцер. Все ясно?

В ответ раздались отдельные выкрики, недовольные бормотания.

– Хорошо. Тогда все – на обед, а если у кого какие будут вопросы, я приду к вам в столовую.

– Гражданин полковник, разрешите мне слово сказать от имени всех нас?

– Слушаю вас, – отозвался я.

– Уберите начальника лагеря. Не уберете – убьем.

Такая злобная откровенность меня озадачила.

– В чем дело? – спросил я прилично одетого на вид и неплохо выглядевшего заключенного.

– Во-первых, он в своем кабинете с помощью надзирателей бьет нас за малейшую провинность и приучает к этому же надзирателей. Не зря один из них и погиб. Во-вторых, он – обещалкин. Наобещает сто пудов, но никогда наши просьбы не выполняет. С нами всегда груб. Незаконно сажает в карцер. По-человечески никогда не разговаривает, только кроет матом и этим озлобляет всех. Полную норму продуктов мы не получаем. Знаем, что процветает воровство. Мы свои нормы хорошо знаем. Поверьте мне, я говорю не зря, это могут подтвердить все заключенные.

– Хорошо, – сказал я. – Это – серьезные обвинения, и я постараюсь разобраться.

Вернувшись в кабинет начальника лагеря, я заявил ему:

– Теперь понятно, почему вы не пошли с нами в зону к заключенным. Они действительно могли вас убить и для этого у них есть все основания. Кто вам дал право избивать заключенных? Кто вам дал право сажать их за пустяки в карцер? Вы будете строго наказаны. Я вызываю из Кемерово комиссию для проверки всей вашей работы и состояния содержания заключенных в лагере. От работы вас отстраняю без права выезда и до окончания работы комиссии. Дела сдайте замполиту, хотя и он – не подарок. Вашу судьбу будет решать комиссия.

Вот такие факты имели место, а возникали они из-за преступно-халатного отношения к заключенным, их нуждам, из-за бездеятельности, барского чванства и издевательства некоторых начальников лагерных подразделений.

Правда, все же это были у нас единичные случаи, когда виновниками ЧП были руководители лагерей. Больше возмутителями спокойствия были все же матерые рецидивисты с огромными сроками, которые группировались и под угрозами заставляли бастовать и не выходить на работу, придумывая незаконные требования и претензии к руководству.

По долгу службы мне приходилось бывать в тюрьмах и лагерях, встречаться с закоренелыми уголовниками-рецидивистами, для которых, как они сами считали «тюрьма – это дом

родной». Вели они себя дерзко и, как правило, содержались в лагерях строгого режима или в тюрьме. Например, будучи в лагере, в Кузнецке, я выслушал доклад о том, что в карцер водворен преступник, по которому ведется следствие: убийство своего друга садистским способом. Зайдя в карцер, я увидел одетого в майку красивого парня. Внешне никогда бы не подумал о нем, что этот сильный, мускулистый парень мог быть убийцей-садистом, нанесшим своему другу 72 раны отточенным напильником.

– За что ты казнил своего товарища да еще таким варварским образом?

– За старые долги на воле. Когда я наносил эти раны, я наслаждался. Вам этого не понять. Такова была мораль этого убийцы-фанатика.

В другом лагере строго режима почти постоянно сидел в карцере заключенный рецидивист за грубое нарушение порядка и дисциплины. Зайдя в карцер, я увидел мужчину лет пятидесяти, лысого. Я стал стыдить его, как человека в годах, нарушавшего дисциплину.

«Нарушал и буду нарушать режим лагеря, а выйду из карцера и лагерь сожгу». Я приказал немедленно отправить его в тюрьму.

С женщинами были свои особенности. Будучи в изоляции от мужчин, они умудрялись беременеть и рожать детей. Стимулом для этих поступков являлись невыход на тяжелые работы, надежда на снижение срока или вовсе освобождение с ребенком. В Кемерово нам пришлось открыть детские ясли, которые, кстати сказать, мы содержали в образцовом состоянии. Дети есть дети.

Кремлевская охрана

В марте 1953 года умер Сталин. Страна погрузилась в глубокий траур. Гроб с телом Сталина стоял в Колонном зале Дома Союзов. Сами похороны народ окрестил второй «Ходынкой», так как вследствие плохой организации руководителями органов порядка многие из приезжих для прощания людей стали жертвами неимоверной давки толпы.

В траурные дни мы получили из центра приказ о слиянии органов МВД и МГБ. Для нас это была неожиданность.

Я получил телеграмму из Москвы: срочно сдать дела заместителю и явиться в управление кадров. Учитывая срочность, я уже через два дня был в Москве. Утром меня принял заместитель министра Б. И. Обручников и сообщил, что меня предполагается направить на работу в 9-е управление.

Обручников меня предупредил, чтобы я из управления кадров никуда не отлучался, так как меня должен принять Берия. Для меня это предложение было не только неожиданным, но и ошеломляющим, и я ходил по коридору здания весьма взволнованным. Во-первых, меня волновал предстоящий прием у Берии, которого мы, чекисты, просто боялись. Мне однажды пришлось побывать у него в кабинете, когда я вместе с помощником начальника отдела кадров Свинолуповым носил к Берии охапку личных дел на руководящих работниках периферийных органов НКВД. Еще тогда он произвел на меня жуткое, негативное впечатление. Это было, кажется, в 1941 году.

Во-вторых, я не знал ни структуры, ни функций 9-го управления, так как оно было всемерно засекречено, а мы, руководящие сотрудники НКВД, знали, что оно занимается охраной Сталина и других руководителей партии и правительства. Вот и все познания о 9-ом управлении. Бесперывно куря и временами забегаая в буфет для того, чтобы перекусить, я расположился в холле на диване и так продежурил до следующего утра. Берия, к счастью, меня так и не принял.

Утром Обручников объявил мне, что приказом министра я назначен начальником 1-го отдела 9-го управления. Еще Обручников сказал, что этот отдел занимается личной охраной руководителей партии и правительства и что мне оказывается великое доверие и большая честь, которые, он надеется, я оправдаю, так как он хорошо меня знает по прошлой работе.

Я поблагодарил его и сказал, что приму все меры, чтобы оправдать это доверие, так как понимаю всю ответственность выполнения функций охраны руководства страны. Как потом оказалось, дело было не только в ответственности организации охраны, но в острейшей политической ситуации в верхах, о которой мы, работники периферийных органов, не знали и при назначении на столь ответственную должность никто меня не проинформировал.

Оказывается, сразу же после смерти Сталина состоялось заседание Политбюро ВКП (б), на котором были распределены портфели власти государства СССР, а именно:

– Г. М. Маленков – председатель Совета Министров СССР и секретарь ЦК ВКП (б).

– Л. П. Берия – нарком НКВД и 1-й заместитель председателя Совнаркомата СССР. Берия тут же внес предложение об объединении органов МВД и КГБ – этих силовых министерств. Это был его первый шаг к захвату власти. Только Хрущев с Булганиным это сразу поняли, о чем говорили между собой.

– К. Е. Ворошилов – председатель Верховного Совета СССР.

– Н. С. Хрущев – руководство аппаратом ЦК ВКП (б) с освобождением от должности 1-го секретаря ВКП (б) Москвы.

Остальные лица, входящие в систему охраны 9-го управления, оставались на прежних местах.

Объединение органов МВД и МГБ в народе было встречено весьма отрицательно. Как и назначение Берия наркомом. Берия не только не уважали, его боялись, так как Берия и его предшественники превратили НКВД в пугало, народ был обуян страхом перед НКВД, который осуществлял репрессии и расправы над невинными людьми. Доносительство, подслушивание телефонных разговоров крупных политических деятелей, слежка и другие методы нарушения социалистической законности – все это было на вооружении работников НКВД.

Сообщив мне о моем назначении, Обручников сказал, чтобы я представился начальнику 9-го управления Кузьмичеву, который поставлен в известность. Из этого я понял, что мое назначение с Кузьмичевым не согласовывалось. Этот факт меня несколько озадачил.

Кузьмичев меня немедленно принял, представление состоялось. Беседа была короткой, без всякой информации и постановки задач, с чего мне начать, хотя я сказал Кузьмичеву, что не знаю структуры и конкретных функций управления.

– Поработаете – узнаете, – сказал Кузьмичев – А сейчас идите в отдел и познакомитесь с его сотрудниками.

В отделе я рассказал о своей прошлой работе и просил ребят помочь мне освоить функции охраны. Моим заместителем был полковник Дмитрий Николаевич Васильев, исполнительный и квалифицированный работник. Он много лет проработал в охране Сталина, имел большой опыт в этом деле. Мы сразу же нашли с ним общий язык. Он ввел меня в структуру 9-го управления и его функций.

1-й отдел был основным отделом в управлении по охране, так как ему была подчинена вся личная охрана членов и кандидатов в члены Политбюро ЦК, а также секретарей ЦК. В число охраняемых также входили академики Александров, Курчатов, Ландау, Харитон, Сахаров (отказался из-за жены).

В функции отдела входила охрана их мест жительства как на дачах, так и на городских квартирах и, конечно, сопровождение при поездках куда бы то ни было. Хозяйство было огромное, оно состояло из подмосковных дач, дач в Крыму, Сочи, Гаграх, Сухуми, Пицунде.

Если мне повезло на моего доброжелательного и опытного заместителя, то, забегая вперед, скажу, что мне не повезло на руководителей управления.

Начальник 9-го управления Кузьмичев был странной и загадочной личностью. Ставленник Берия держал себя независимо и чванливо. По характеру он был желчным, язвительным человеком с вечной саркастической улыбкой на бледном худощавом лице с облысевшей головой. Он частенько, когда я был у него на приеме, задавал мне каверзные вопросы, явно рассчитанные на проверку преданности Берия, с которым он при мне неоднократно фамильярно разговаривал по телефону. Каждое посещение его оставляло неприятный осадок на душе. В общем, эта неприятная личность одновременно с Берия исчезла из нашего поля зрения.

На место Кузьмичева начальником 9-го управления был назначен К. Ф. Лунев, пришедший с должности заведующего отделом Московского обкома партии. Откровенно говоря, это тоже был неудачный выбор, хотя волею судеб он вскоре был назначен зампредом КГБ СССР и курировал 9-е управление. Лунев был нерешителен, неприспособлен к военной службе и некомпетентен в функциях охраны. Не зная чекистской работы, он терялся при решении самых второстепенных вопросов, авторитета среди сотрудников не имел. Председатель ГКБ И. А. Серов его не мог терпеть и ругался, когда после нерешенного вопроса отсылал меня обратно к Луневу для решения этой же проблемы.

В таких случаях я попадал в незавидное положение и вместо того, чтобы идти к Луневу, подписывал документ сам. Таков был мой куратор, которого вскоре оформили на пенсию, чему мы были очень рады.

На смену Луневу начальником 9-го управления в 1954 году был назначен В. И. Устинов, бывший первый секретарь Пролетарского райкома партии Москвы. К нам он попал по рекомендации Е. А. Фурцевой. Не знаю, какой он был секретарь райкома, но как начальник

9-го управления он явно не соответствовал своему назначению. Устинов был весьма исполнительным, скромным и общительным, но при всех его положительных качествах ему, не знавшему военной службы и чекистской работы, трудно было выполнять свои обязанности. По характеру уживчивый, в поведении скорее аскет, по службе пунктуален. Когда я стал заместителем начальника управления, у нас с ним иногда возникали разногласия. Например, он считал постовую службу легкой и говорил, что постовые много получают. Я ему возражал: езжайте на посты и посмотрите на ноги постовых, у них не вены, а веревки. Не говоря уже о том, что постовой стоит и в студеную пору, и в промозглую осень на посту, не смея покинуть его до смены. Устинов был человек неглупый, прислушивался к моим предложениям и замечаниям. Мы с ним находили компромисс и работали, в основном, дружно.

Вскоре по рекомендации той же Фурцевой он избирается первым секретарем МГК КПСС. Мы, работники 9-го управления, зная организаторские способности Устинова, были поражены. Вскоре Устинова перевели на дипломатическую работу послом в Венгрии, а затем он оказался в комитете по внешнеэкономическим связям.

Говоря о своих непосредственных начальниках, я думаю, к месту сказать и о высоком руководстве, в частности, о председателе КГБ СССР И. А. Серове. Как оперативный работник, он был профессионально грамотен, имел солидный опыт оперативной работы, но по общему кругозору был человеком невысокой культуры, по характеру груб и самоуверен. Свое мнение считал непререкаемым и с мнением подчиненных почти не считался. Пользуясь дружественной поддержкой Н. С. Хрущева, он пренебрежительно относился к другим членам Политбюро и секретарям ЦК КПСС.

По этой причине Серов был освобожден от должности председателя КГБ СССР и при поддержке Н. С. Хрущева назначен начальником ГРУ. В ГРУ он приблизил к себе полковника Пеньковского и, потеряв бдительность, отправил свою жену и дочь вместе с Пеньковским в Лондон.

Пеньковский оказался английским шпионом, нанесшим большой урон нашим органам. Мы за ним вели наблюдение почти полгода и взяли с поличным. Большая заслуга в его разоблачении принадлежит начальнику контрразведки Грибанову, хотя он сам в последствии погорел, связавшись по совместной пьянке со своим сотрудником Носенко, сыном министра здравоохранения. Носенко, будучи в Женеве, изменил Родине и попросил политическое убежище. Это был большой провал, и Грибанов, прекрасный контрразведчик, был уволен из органов КГБ.

Возвращаясь к Серову, хочу добавить, что помимо других отрицательных качеств, он был еще и крохобор. Вот один из примеров. В Женеве сопровождающий делегацию Серов от нечего делать ездил по магазинам, скупая красивые вещи. Однажды я его долго ждал, чтобы согласовать неотложный вопрос. Когда Серов приехал, я, подождав немного, без стука захожу в его комнату и вижу комичную картину: Серов стоит на коленях и разбирает драгоценные вещи типа «бижутерии». Я обомлел, стою и молчу от неожиданности. «Чего тебе надо?» – не вставая, крикнул Серов. «Срочное дело», – говорю я. «Иди, сейчас приду!» – сказал он. Я вышел, проклиная себя, что не постучался и вошел в комнату к Серову неожиданно. Я и так его не особенно уважал, но после этого он совсем упал в моих глазах. Я понимал, что он использовал валюту из закрытого источника, т. е. злоупотреблял своим служебным положением. В Индии, будучи сопровождающим лицом, он просто украл предназначенную Джавахарлалом Неру для другого человека прекрасную настольную лампу из бивня слона. Свидетелем этого был офицер охраны Бунаев.

За дело с Пеньковским Серов был снят с работы, разжалован до генерал-майора и уволен из органов.

Описывая своих начальников и оценивая их работу и поведение, я сужу о них не субъективно, желая выставить себя в лучшем виде. Нет, что было – то было, и я ничего здесь не прибавил.

Позвонив жене в Кемерово, я сказал ей, чтобы она собиралась в Москву с расчетом, что я сам вскоре приеду за семьей, хотя у меня пока еще не было жилья. Через некоторое время, как временный вариант, мне предложили занять дачу в Сетуне, принадлежавшую коменданту Кремля. Прожил я там с семьей все лето, пока не получил квартиру на Фрунзенской набережной, откуда переехал на улицу Серафимовича, 2.

...Вскоре после вступления на должность мне было поручено опечатать дачу Сталина, в которой он умер. Эту дачу всегда называли Ближней. Сталин жил в этой даче все военные и послевоенные годы. До этого он жил в Зубалово вместе с семьей, в том числе и с женой Надеждой Сергеевной. Там же рядом жил А. И. Микоян. Через дорогу от дачи Микояна жил начальник охраны Сталина генерал Румянцев. Позднее эту дачу в Калчуге занял я, где прожил 14 лет.

В период опечатывания дачи Сталина я поинтересовался его гардеробом. Когда я открыл шкаф, то был поражен бедностью гардероба «вождя народов». Два кителя, притом один – сильно поношенный, тужурка типа кителя, две пары ботинок, шинель, две пары валенок, одни новые, другие – подшитые, старые, – вот весь гардероб верхней одежды Сталина на день его смерти. Все комнаты дачи обшиты деревом и на стенах – ни одного портрета или картины, кроме небольшой картины Серова «Девочка с персиками» – в столовой. Позже я видел все дачи Сталина, все они внутри были обшиты деревом, нигде на стенах не было ни одной картины или портрета. Не любил.

По своей структуре 9-е управление было в общем-то простым. Во главе – начальник управления. У него – четыре заместителя: по оперативно-текущей работе, по вопросам службы и боевой подготовки, по материально-техническому снабжению и четвертый заместитель-комендант Московского Кремля. Первый отдел занимался личной охраной членов Политбюро. Потом был отдел службы и боевой подготовки, отдел кадров, финансовый отдел, секретариат, гараж особого назначения (ГОН), продовольственная база, правительственная кухня в Кремле, хозяйственный отдел и инженерная инспекция по осмотру зданий. Была еще оперативная группа. Кроме того, в составе управления были четыре комендатуры. Одна в БКД, вторая – мавзолей В. И. Ленина, затем комендатура в Сочи и комендатура в Ялте. Последние две комендатуры обеспечивали охрану и порядок на госдачах.

Для обеспечения охраны при каждом члене Политбюро было отделение охраны в составе начальника отделения, его заместителей, коменданта, отвечающего за работу обслуживающего персонала и порядок на объекте. Каждое отделение насчитывало от 20 до 25 человек, а когда была так называемая выездная охрана, отделение увеличивалось на 18–20 человек, так как в хвостовой машине всегда находились пять офицеров, дежуривших сутки через двое.

Особая и главная ответственность ложится на начальника отделения или его заместителя. Эти телохранители являются как бы тенью охраняемого и в обиходе их неспроста называли «прикрепленные». Они же отвечают за поведение охранников, их дисциплинированность, внешний вид, готовность встать на пост в здоровом, бодром состоянии.

Сотрудники охраны обязаны в совершенстве владеть оружием и техникой, приданной для обеспечения охраны объекта. Кадры в охрану подбирает отдел кадров по согласованию с начальником отделения. Учитываются такие качества, как состояние здоровья, грамотность. Охранник не должен быть тупицей, он должен являться патриотом своей Родины, разбираться во внешнеполитической обстановке, в известной мере знать литературу и искусство своей страны.

Охранник должен отслужить службу в армии и хорошо ориентироваться в любой обстановке. Он должен быть храбрым, волевым и мужественным человеком, преданным охраняе-

мому и в случае опасности, не раздумывая, должен, спасая охраняемого, жертвовать своей жизнью.

Ко всему вышесказанному охранник не должен ни при каких обстоятельствах раскрывать то, что видел, что слышал, будучи на службе. Словом, не быть болтуном или хвастуном. Руководство отделения, да и весь личный состав охраны должны своим внимательным и уважительным отношением завоевать полное доверие и уважение охраняемых и членов их семей.

Берия

В должности начальника 1-го отдела 9-го управления я нес охрану и Берии, поскольку и он был членом Политбюро. По количеству человек охрана Берии на даче и на городской квартире ничуть не отличалась от других охраняемых. Руководителями были Саркисов и Надарая – оба грузины. Эти прикрепленные вели себя в отличие от своих коллег отчужденно, о чем последние мне говорили.

Надо сказать, что если я имел права доступа по делу входить на дачу или в квартиру и знакомиться с семьями, то по указанию Берии охране, как объявил Саркисов, кроме как на вахте и у ворот, в доме делать нечего. Узнав об этом «вето», я ни разу не посетил этот особняк, где происходили, как показало следствие, оргии и известные преступления.

Вообще вокруг Берия царил мертвая зона, у него не было друзей.

Он ни к кому не ходил в гости, да его и никто не приглашал. У него никто из видных деятелей никогда не был.

В доме Берии царили насилие и разврат, о чем свидетельствуют найденные при обыске особняка в столах Саркисова и Надарая списки женщин, всего около сотни человек. Саркисов и Надарая насильно завозили этих женщин в особняк, где Берия их спаивал и насиловал.

На Берии лежала основная, особая вина за военную катастрофу 1941–1945 годов. Как народный комиссар и заместитель председателя совнаркома он располагал полной и достоверной информацией о предстоящем нападении Гитлера на Советский Союз. Вся эта информация докладывалась Сталину как провокация англо-американских спецслужб.

В помощь Берии в такой же форме «дезу» докладывал Сталину и начальник ГРУ Генштаба СССР Ф. К. Голиков, который получал достоверные данные из Токио. Сталин не верил этой правдивой информации и на шифровке разведчика Рихарда Зорге написал: «Прекратите кормить меня этой дезинформацией». А в шифровке Зорге сообщал: «Девять германских армий в составе 150 дивизий начнут наступление на широком фронте 22 июня 1941 года. Рамзай».

Все это в одночасье обрекло нашу страну на миллионы смертей. А будь в руководстве страны хоть немного мудрости, скольких смертей можно было бы избежать. Их нельзя разделить, главных виновников военной катастрофы 1941 года и всех человеческих трагедий, которые обрушились на страну, – Сталина и Берию. В преступных ошибках 1941 года виновны оба.

Вот текст директивы органам МВД Берии и атташе Голикова:

«В последнее время многие работники поддаются на наглые провокации и сеют панику... Секретных сотрудников за систематическую дезинформацию стереть в лагерную пыль, как пособников международных провокаторов, желающих посорить нас с Германией. Л. Берия. 21 июня 1941 года».

«Слухи и документы, говорящие о неизбежности весной этого года войны против СССР, необходимо расценивать как дезинформацию, исходящую от английской и даже может быть германской разведок. Голиков».

Бывшие связисты Рихарда Зорге Макс Клаузен и его жена Анна, приехавшие много лет спустя за получением наград, рассказывали у меня в кабинете, что Зорге, получив последние телеграммы из Центра, рыдал навзрыд, повторяя: «Нам не верят, нам не верят!»

Эти данные наглядно свидетельствуют о преступной безответственности руководителей НКВД и ГРУ за катастрофу 1941–1945 гг.

Получив при распределении власти в 1953 году портфель наркома НКВД и зама председателя Совета народных комиссаров СССР, Берия за короткий срок осуществил ряд мероприятий, чтобы укрепить свою позицию, оправдать совершенные им злодеяния и свалить все на Сталина.

Во-первых, на ключевые позиции он поставил своих людей: Кобулова, Меркулова, Цанаву, Гвишиани, Мамулова и других. Кроме того, направил в ЦК список на 82 человека для утверждения их руководителями органов республик, краев и областей без всяких данных об этих людях.

Во-вторых, дал указание освободить из заключения ряд руководящих работников, незаконно репрессированных.

В-третьих, прекратил дело врачей.

В-четвертых, внес предложение об амнистии большого числа заключенных в марте 1953 года. Указ был принят 24 марта. Подлежали освобождению миллион сто восемьдесят одна тысяча двести четырнадцать человек. После освобождения эта армада ринулась в глубь страны и по дороге грабила и убивала ни в чем не повинных советских людей.

В-пятых, были ограничены особые совещания, так называемые «тройки», судившие без суда и следствия. После ареста Берия они были ликвидированы.

Несмотря на все это аресты и репрессии продолжались. Была установлена слежка за руководителями советских и партийных органов.

Все поведение Берия настораживало. Наглядно было видно, что он в Политбюро считает себя первым лицом. В это же время началась подготовка к перевороту, инициатором которого был Н. С. Хрущев.

В народе Берия очень мало знали лично, потому что в отличие от других членов Политбюро он держал себя замкнуто. В командировки в другие республики, края и области он не ездил, на заводских собраниях, среди рабочих не бывал. Но в газетах о нем писали, что он «в первых рядах строителей...»

Старые директора заводов рассказывали мне, что Берия курировал оборонные министерства, особенно разработку атомной бомбы, которую контролировал Сталин. Когда по ВЧ звонил Берия, директора невольно вставали с кресел, держа в дрожащих руках телефонную трубку, ожидая очередной порции мата или угроз. Раздавались такие «веселые» фразы: «Сорвешь план, голову оторву». Или «Ты что, по тюрьме соскучился? Я тебе в этом помогу, а твой партбилет полетит в помойку!» И это были не простые фразы. Многие квалифицированные директора, ученые КБ и институтов стали жертвами бериевского произвола. Берия лично принимал участие в допросах с применением пыток. Бывший начальник секретариата Мамулов на следствии показал, что у них в секретариате по указанию Берии хранились для допросов резиновые палки.

Берия, например, лично 28 ноября 1938 года приехал арестовывать первого секретаря ЦК ВЛКСМ, любимца советской молодежи А. В. Косарева и его жену Марию Павловну, не имея ордеров на арест. Жена Косарева провела 17 лет в лагерях и только из-за уважения к мужу и потому, что она была экономист, она выжила и одна из первых в декабре 1955 года была реабилитирована за отсутствием состава преступления. Через четыре месяца был реабилитирован и А. В. Косарев. Справку жене выдали, что он умер от воспаления легких. На самом деле он был казнен 23 февраля 1939 года. Косарева в ходе следствия жестоко избивали. Я помню, как, работая в Ленинграде, слушал его выступление в Выборгском доме культуры, где молодежь встречала его, как вождя. В 1937 году на фотографии в газете «Комсомольская правда» сидят рядом и мило улыбаются два секретаря: Иосиф Сталин и Александр Косарев. А в 1939 году он казнен. Невероятно, невозможно, но факт!

По долгу службы мне приходилось визуально видеть Берия. Объективно говоря, внешне он производил антипатичное впечатление: одутловатое, всегда хитрое хмурое лицо, никогда не снимаемое пенсне, за которым на вас смотрели стеклянные глаза, всегда нахлобученная на лоб широкополая шляпа, почти скрывающая лицо. В большинстве случаев он одевался в темный плащ и ходил, видимо по привычке, держа руки в карманах.

Однажды вот в таком виде мне пришлось видеть Берия рядом, когда он вместе с другими членами Политбюро проходил из Арсенальской башни к Мавзолею. Это было в мае 1953 года. Вход в Мавзолей проходил, как правило, через его левую площадку, на которой по особым пропускам всегда стояли во время парада члены ЦК, министры, видные деятели партии и правительства. Проходившие мимо них члены Политбюро приветствовали стоявших на этой площадке, а некоторым и пожимали руки. Но Берия шел понуро в нахлобученной шляпе, ни с кем не здороваясь, смотрел под ноги, словно боясь споткнуться.

...25 июня 1953 года около полуночи (так работали) ко мне в кабинет зашел мой заместитель полковник Васильев и предложил мне поехать проверить посты по улице Грановского, где у нас была небольшая комендатура, так как там жили члены Политбюро Хрущев, Маленков, Ворошилов, Каганович, Булганин и другие.

Мы поехали, проверили посты, зашли в комендатуру и собрались ехать домой. В это время неожиданно для нас к центральному подъезду подъехали четыре «ЗИЛа»: два основных и два хвостовых, в которых сидели по пять охранников. Мы с Васильевым спрятались за угол и стали наблюдать. Смотрим – из первой машины выходит Маленков, за ним Берия. Под освещенным козырьком они несколько минут стояли, жестикулировали, потом расстались. Берия уехал домой, а Маленков поднялся к себе в квартиру. Вообще тогда ходили слухи, что Берия и Маленков дружат, поэтому этот совместный приезд нас не удивил.

На другой день, 26 июня, на заседании Политбюро Берия был арестован. У Маленкова на сей раз хватило мужества скрыть заговор против Берия.

Мы в 9-ом управлении ничего не знали, так как охрана Кремля в тот период являлась самостоятельным подразделением. Во-вторых, желая сохранить эту операцию в строгой тайне, Хрущев, Булганин и Маленков решили провести ее только с помощью военных.

По словам Хрущева, Берия в предсмертной агонии Сталина вывернул себя наизнанку. Он злобно ругал Сталина, никого не стесняясь. А когда Сталин приходил в сознание, целовал ему руки и лебезил. Когда же наступил конец, он крикнул «Хрусталева, машину!» и умчался на Лубянку.

Тогда Хрущев сказал Булганину: «Как только Берия дорвется до власти, он истребит всех нас». Это была первая мысль и повод для подготовки к перевороту.

Как готовился этот переворот и как Хрущев, Маленков и Булганин обрабатывали остальных членов Политбюро, это известно. Они же готовили в секретном порядке состав исполнителей ареста, в который вошли маршал Г. К. Жуков, маршал Москаленко и его адъютант полковник Юферева, генерал-майор Баксов, генерал армии Батицкий. Следствие вели полгода в штабе Московского военного округа. Суд приговорил Берия к высшей мере наказания. Приговор тут же был приведен в исполнение. Расстрел произвел маршал Советского Союза Бабицкий.

А 26 июня 1953 года мне позвонил секретарь министра МВД С. Н. Круглова и сказал, чтобы я немедленно явился к министру. Я быстро поднялся в его приемную. В это время открывается дверь кабинета министра и от него выходят генерал и полковник. Увидев меня, Круглов сказал, чтобы я зашел. Он был в расстегнутом кителе и со взлохмаченной головой.

В кабинете Круглов говорит мне:

– Ты знаешь, что Берия арестован?

Я обомлел и ответил, что слышу это впервые.

– Так вот, тебе дается такое задание. Срочно выезжай на дачу в Сосновку. Разоружи и замени охрану другим составом. Сколько там охранников? Пять. Всех заменить, потом решим вопрос с их трудоустройством. Но это еще не все. Тебе поручается сообщить жене Берия, что муж ее арестован. Ей надо передать, что хотя к ней нет никаких претензий, но пока, до особого распоряжения, она не должна выезжать из дачи. Связь мы отключим, такая команда дана. Твоя задача тебе ясна?

– А как быть с прикрепленными Саркисовым и Надарая?

– Не волнуйся, в отношении их и особняка меры уже приняты.

Я вместе со своим заместителем Васильевым взял группу офицеров из резервного отделения и быстро приехал в Сосновку. Переговорив с комендантом, сказал ему об аресте Берия. Забрал у него пистолет и ключи от сейфа с оружием. Вызывая поодиночке, мы быстро заменили всех постовых, сказав им, чтобы они не волновались и ждали вызова из отдела кадров для получения нового назначения на другой объект.

Решив вопрос с охраной, мы с Васильевым вошли в дом и попросили горничную сказать хозяйке, что мы хотим с ней побеседовать.

Вскоре вышла хозяйка, Нина Теймуразовна Гегечкори, в цветном халате с неприбранной прической. Я попросил хозяйку присесть, так как боялся, что она при моем сообщении может упасть в обморок.

– Нина Теймуразовна, по поручению министра МВД Круглова я должен сообщить вам, что сегодня ваш муж Берия Лаврентий Павлович арестован.

– Что вы сказали? Этого не может быть! Ведь он же заместитель Маленкова. А еще кто арестован? – она заломила руки. – Я сейчас позвоню Круглову.

– Нина Теймуразовна, связь временно отключена, – сказал я.

– Так что, я изолирована?

– Нет, вы можете совершать прогулки по территории дачи, но из нее никуда до особого распоряжения не выезжать. Обслуживание пока остается, снабжение питанием прежнее.

Хозяйка с плачем поднялась и ушла.

Вернувшись на работу, я доложил министру о выполнении поручения и рассказал, как жена Берии вела себя при сообщении об аресте мужа.

– Хорошо, – сказал Круглов. – Можешь идти заниматься своими делами.

Н. Т. Гегечкори на следствии показала, что с 1940 года она не имела с Берия супружеских отношений. После суда над мужем, она уехала вначале в Тбилиси, а затем, кажется, в Киев к сыну Серго, который отсидел в тюрьме полтора года без предъявления обвинения. Серго издал книгу с вызывающим названием «Я сын Лаврентия Берия». В своей книге Серго оправдывает отца и напрочь отрицает все его злодеяния. Благодаря отцу, он – доктор физико-математических наук, закончил электротехническую академию связи, инженер-полковник. В Великой Отечественной войне не участвовал, награжден орденом Ленина, Красной звезды и пятью медалями. Женат на внучке великого Горького – Марфе Максимовне. На следствии показал, что докторскую диссертацию ему составили сотрудники теоретического отдела КГБ. «Сейчас я отчетливо понимаю, что поступил неправильно». Хотя в своей книге он и пытается оправдать отца, но весь наш народ знает, что оправданий этому злодею нет.

Хрущев

В течение года я в основном знакомился с объектами охраны 1-го отдела в Москве, Подмосковье и на юге. Бывая на объектах, я стремился познакомиться с женами охраняемых и членами их семей, желая выявить их отношение к охране, что всегда являлось немаловажным фактором в нашей работе.

А отношения были неоднозначны. Их можно отнести к капризам жен охраняемых к обслуживающему персоналу: горничным, поварам, уборщицам. Не буду перечислять всех имен, но особенно этими капризами отличались жены Молотова, Суслова, Кагановича и секретаря ЦК Аристова.

В период так называемой великой дружбы к нам приехала на лечение жена Мао Цзэдуна – Чжан Цзо Линь. Отдыхала она в Крыму в Большом Юсуповском дворце, что в Мисхоре. Мне позвонил комендант и сказал, что жена Мао капризничает, недовольна обслуживающим персоналом, кричит и ругается. Грозит позвонить мужу в Китай. Девушки плачут и отказываются ее обслуживать. Посоветовавшись с Устиновым, я вылетел в Крым.

Встретившись с Чжан Цзо Линь, я понял, что она капризничает от тоски. Ей нужны были развлечения. У нее были претензии в отношении горничных: что-то не так ее раздевают, одевают, обувают и снимают обувь. И еще: почему ее поместили не на пляже, а приходится ездить на автомашине, хотя там есть прекрасная палатка, в которой можно было хорошо отдыхать. Узнав, что я специально приехал из Москвы, она утихомирилась. Я, видимо, ей понравился, потому что когда она приехала в Москву и остановилась на лечении в клиническом санатории Барвиха, она попросила со мной встречи.

Я приехал. День был погожий. Встретила она меня очень тепло, крепко и долго пожимала мои руки. Мы сфотографировались. Затем она пригласила меня в палату на обед. Я вежливо поблагодарил, сослался на большую занятость, поцеловал ей руку и уехал.

Со временем я узнал жен охраняемых по характеру, о чем мне поведали горничные и повара. Щедрость, доброжелательность были редкими проявлениями к обслуживающему персоналу, чаще скупость, неоправданный контроль и капризы. В этой ситуации обслуживающий персонал не всегда задерживался, не вынося унижения.

Жену Маленкова, которая вместе с мужем отдыхала в Крыму в Воронцовском дворце, сильно кусали кровососы-москиты, а его – нет, видимо, он был для них несъедобен. Вокруг Воронцовского дворца росла прекрасная кипарисовая роща, где гнездились москиты. Мы с вертолета опрыскивали эту рощу, но ничего не помогало. Однажды жена Маленкова пригласила меня в укромное место, подняла подол, открыв свои толстые ляжки, изъеденные москитами. «Вот что вы со мной сделали, видите?» Я смутился, но все же сказал, что мы приняли все зависящие от нас меры. Так что, может быть, поменять дачу?

«Нет, я больше так не могу! Я уеду в Москву!» И уехала, чему мы все были только рады.

Главным в подразделениях охраны является отношение охраняемых к сотрудникам вообще и особенно к «прикрепленным». Здесь основа – полное доверие. Стаж моей службы в охране позволяет мне заявить, что большинство охраняемых относились к охране и особенно к «прикрепленным» хорошо, но неоднозначно. Отдельные примеры показывают, насколько разными были эти отношения.

Последний начальник охраны Сталина Хрусталеv рассказывал мне, что Сталин к охране относился хорошо, без всяких притязаний. Горничные, которых я принимал, навзрыд ревели у меня в кабинете, жалея «хозяина», как они называли Сталина. Повар его, Василий Судзиловский, был вообще у «хозяина» в почете. Высокий, красивый, сравнительно молодой, он был сильнейшим кулинаром. У меня на приеме он говорил, что Сталин его любил и всегда

был доволен приготовленной пищей. Я назначил его начальником правительственной кухни Кремля, где он проработал долгие годы.

Очень хорошо относился к охране Ворошилов, который знал всех охранников по имени, на прогулках останавливался около постовых, интересовался их жизнью и бытом.

Хорошо относился к охране Н. С. Хрущев. Когда в Нью-Йорке американские корреспонденты пытались скомпрометировать нашу охрану и, в частности, меня, Н. С. Хрущев дал достойный отпор, сказав, что «советская охрана профессиональна и ведет себя правильно, не нарушая американских правил. Я ею доволен».

Другой пример: начальник отделения Столяров злоупотреблял спиртным. Хрущев это знал. На мое предложение назначить вместо Столярова его заместителя Литовченко Хрущев сказал: «Подождите! Поговорите с ним сами, может, исправится». Правда, впоследствии Столярова пришлось заменить. Кроме того, Хрущев любил заниматься на даче, на берегу реки Москвы, земледелием и нередко приглашал охранников разделить с ним работу.

При Хрущеве, действительно, было тяжело работать охране, так как Никита Сергеевич часто ездил по стране и за границу, что требовало всегда особой подготовки и напряжения сотрудников.

Я читал в некоторых воспоминаниях, что Хрущев был и груб, и циничен. Он якобы на коленях стоял перед Сталиным, умоляя оставить в живых сына, который в пьяном виде, стреляя в бутылку товарища на голове, убил его, попав лоб. Конечно, это тягчайшее преступление, а не легкомысленный поступок и за него следует жестоко наказать. Любящий отец имел право просить оставить сына в живых даже на коленях. Но при чем здесь цинизм? Кстати, сын Хрущева Леонид был помилован, отправлен в авиацию, где был ранен и лечился в Куйбышеве, а по выздоровлении вновь летал на фронте и погиб в бою с фашистами.

О том, как Хрущев относился к жалобщикам. Когда он в Воронеже проезжал по центральной площади, из толпы вдруг выбежала женщина с письмом в руках. Хрущев приказал остановить машину и лично взял письмо у этой женщины. Письмо было насыщено рядом негативных фактов, обвиняющих в бездеятельности руководителей области. Вечером, выступая на областном пленуме, Н. С. Хрущев резко критиковал руководителей области, цитируя это письмо.

Находясь в Киеве вместе Маленковым Хрущев, решил поехать в колхозы, что он часто практиковал. Поехали в Броварский район в знакомые ему ранее колхозы. Хрущева сопровождал секретарь Киевского обкома партии Петр Шелест. Приехали в один колхоз, который понравился, особенно свиноферма, где работали молодые свинарки. Хрущев спрашивает у одной, сколько она получает. Она бойко отвечает, что кроме зарплаты получила премию – поросенок. Молодец, говорит Хрущев, ну, а ты как, обращается он к другой. Вторая так же бойко отвечает, что кроме зарплаты тоже получила поросенка. «Зачем же ты врешь? – сказал председатель колхоза. – Работаешь хорошо, но премии ты ведь не получала». Хрущев ее пристыдил, а она ответила, что так отвечать велел ей бригадир.

В целом Хрущев и Маленков были колхозом довольны. Сели в машины и отправились в Киев. Едем через другой колхоз. Недалеко от дороги женщины копают картофель и буквально все кричат, машут руками, приглашая к себе. Хрущев приказал остановиться. Идем в поле к женщинам.

– Ну, як живете? – спрашивает Хрущев.

– Плохо живем, Никита Сергеевич, плохо, – отвечают колхозницы.

– Как плохо? Я знаю ваш колхоз, он всегда был богатый.

– Да ведь пропили наш колхоз-то! Один пьяница придет, напьянствуется за счет колхоза, приходит другой, такой же пьяница. Вот и пропили.

– Где председатель? – крикнул Хрущев. На середину выходит щупленький мужчина. Хрущев к нему. – Судить вас надо, дорогой!

Тогда в круг вышла та же дородная женщина и говорит:

– Вы его не троньте, Никита Сергеевич, он у нас новенький и, кажется, непьющий, агрономом до этого работал.

– Ну, ладно, коли так. А с колхозом разберемся!

Шелест стоял ни жив, ни мертв. Ему, конечно, досталось. А Хрущев повернулся потом к Маленкову и сказал:

– Эта встреча дала нам больше, чем любой пленум обкома.

В начале 1954 года от белокровия умер первый заместитель начальника 9-го управления Макарьев. Это был серьезный и опытный работник со спокойным и уравновешенным характером, он пользовался в нашем коллективе большим авторитетом и все мы его очень жалели. В марте 1954 года я был назначен на эту должность с оставлением за мной 1-го отдела.

В феврале 1956 года состоялся XX съезд КПСС. Обеспеченность безопасности и пропускная система делегатов и гостей съезда приказом председателя КГБ была возложена на руководимое мною управление. С докладами выступили Хрущев и Булганин. Съезд близился к завершению, была исчерпана повестка дня, но отъезд делегатов почему-то задерживался.

Все прояснилось, когда с докладом о культе личности Сталина и его последствиях выступил Н. С. Хрущев. Я слушал этот доклад. Он произвел ошеломляющее впечатление. Съезд принял постановление о преодолении культа личности Сталина, были реабилитированы сотни тысяч невинно пострадавших людей, возвращено доброе имя оставшимся в живых. В ЦК КПСС была создана комиссия по реабилитации невинно осужденных людей в период культа личности.

Когда Хрущев объявил членам президиума ЦК КПСС о своем решении выступить с докладом о культе личности Сталина, его стали пугать непредсказуемыми последствиями. Этому противились Молотов, Маленков, Ворошилов и другие. Видя такое сопротивление, Хрущев еще раз убедился, что доклад надо делать и раскрыть людям глаза. Он предложил выступить с докладом Молотову. Тот отказался. Тогда Хрущев предупредил, что не изменит своего решения и выступит с докладом в качестве делегата съезда.

Молотов в Женеве

В моей практике по охране руководителей Коммунистической партии и Советского правительства особенно сложной и отличной от обычной организации охраны являлось обеспечение их безопасности в заграничных командировках в капиталистические страны. Во-первых, охраняемый находится во враждебном нам лагере, имеющем стремление и способном организовать любую провокацию. Во-вторых, охрану обеспечивает только небольшая группа сотрудников, так как на помощь других наших органов рассчитывать трудно, а местным органам полиции доверять нельзя. В-третьих, местность, где живет, ездит, бывает охраняемый, незнакомая, неизученная, языком данной страны сотрудники охраны не владеют, местных условий и обычаев в деталях не знают, а интерес к нашей делегации всегда огромен. В-четвертых, имеют место обстоятельства, обусловленные процедурой совещания, когда охраняемый находится среди враждебных нам лиц или вовсе без охраны (закрытые заседания), или с охраной в 2–3 человека в то время, как пропуска в залы заседаний обезличены, что дает полную возможность передачи их от одного лица к другому и, следовательно, проникновению посторонних лиц.

Опыта организации охраны в заграничных командировках у меня не было. Сталин практически не выезжал из Советского Союза, поэтому все приходилось постигать с азов.

Так вот, с целью подбора помещений для размещения главы и всего состава Советской делегации, а также для проведения подготовительных мероприятий по организации охраны в Женеву была командирована оперативная группа работников МИДа и КГБ, в состав которой входил и я. Было это в апреле 1954 года.

Серьезным недочетом при направлении нас в Женеву являлось то, что никто нас не собрал вместе для инструктажа, так что познакомились мы только на Внуковском аэродроме. Кроме того, точно не были определены функции и полномочия каждого из нас.

Как представитель 9-го управления я в основном понимал свою роль, другие же работники КГБ в полной мере ее себе не представляли и занимались выполнением отдельных поручений. В нашу обязанность входил подбор помещений. Одно здание (вилла) на 35–40 комнат для работы и места жительства главы делегации, его заместителей, членов делегации, секретариата главы делегации, охраны и спецслужб. Второе помещение (гостиница) для размещения остального состава делегации.

По приезде в Берн нами была составлена памятная записка, в которой мы просили правительство Швейцарии оказать содействие в подборе необходимых помещений. В этой же записке был поставлен вопрос: «Как правительство Швейцарии предполагает обеспечивать безопасность главы и членов делегации?»

Эта памятная записка была вручена руководителем советской миссии в Швейцарии тов. Молочковым министру иностранных дел Швейцарии, который заявил устно и письменно, что правительство окажет полное содействие в удовлетворении нашей просьбы и что оно сейчас занимается этим вопросом. Что касается организации охраны, то было заявлено, что начальнику Женевской полиции даны соответствующие указания и последний обязан выполнять наши просьбы на месте.

Общая ответственность за безопасность прибывающих в Женеву на совещание глав делегаций была возложена швейцарским правительством на начальника тайной полиции республики.

По прибытии в Женеву, мы нанесли визит мэру города, пригласили его на обед, после которого он дал согласие передать нам в аренду на период совещания министров иностранных дел великих держав единственную гостиницу муниципалитета «Метрополь» с переоборудованием ее по нашему плану.

В подборе помещения для главы и членов делегации мы встретились с большими трудностями. Несмотря на то, что женеvские власти предложили нам более десяти помещений, мы вынуждены были отказаться от них по различным причинам. В первую очередь нам предложили расположенную в девяти километрах от Женеvы на берегу озера виллу Сан-Су-Си с большим, красивым дворцом, изрядно запущенным внутри, но по количеству комнат вполне подходящим для нас. Но мы отказались от этой виллы, хотя Швейцарские власти всеми правдами и неправдами пытались навязать нам ее.

Отказались мы по следующим причинам:

Во-первых, мною были замечены в ряде мест следы от перестановки телефонов, свежие места частичной переборки паркета в комнатах, хотя этого не требовалось делать, ибо паркет был исправный, исправлены были некоторые провода, подходившие к люстрам, в то же время там, где действительно нужно было произвести ремонт, его сделано не было.

Все это казалось странным, так как во дворце более десяти лет никто не жил. Вывод напрашивался один – эту виллу готовили специально для нас по всем правилам техники подслушивания. Естественно, что в ней наша делегация работать не могла.

Во-вторых, через несколько дней после нашего осмотра этой виллы французская газета «Монд» опубликовала 24 марта 1954 года заметку «Вилла, известная под названием под названием «Красная вилла», в которой несколько лет тому назад произошло убийство, будет предложена для жительства господину Молотову».

Этот провокационный трюк газеты был направлен на компрометацию нашей делегации, так как если бы мы сняли эту виллу, продажные журналисты раздули бы это уголовное дело с применением клише места происшествия и обстоятельств убийства, что шокировало бы главу нашей делегации. Об этом я доложил остальным членам нашей группы.

Работники МИДа долго колебались, но в конечном счете согласились, что виллу снимать нельзя, так как кроме вышеуказанного она еще требовала и больших затрат на ремонт.

Вскоре нам показали другую виллу так же на берегу озера, имевшую четыре здания, расположенные в 15–50 метрах друг от друга. Нам предложили два дома из четырех, которые также нам подходили. Но рядом с домом, где мы предполагали разместить главу нашей делегации, жил бразильский посол, а в другом – бельгийский коммерсант радиокompании. Все это в одном саду, так что все прогулки и разговоры проходили бы под наблюдением и надзором из этих зданий.

От этой виллы мы также вынуждены были отказаться.

Наконец, в пяти километрах от Женеvы нам предложили комфортабельную виллу, которая нас устраивала как местожительство главы делегации и на нее мы дали согласие. Но когда я с одним из сотрудников советской миссии специально поехал вечером мимо нее, там уже работала целая бригада полицейских и оборудовала ее для своих целей.

В дальнейшем нам был предложен еще ряд вилл, явно не подходящих, с целью, что мы вернемся к первым предложениям и примем их.

Видя, что нам хотят навязать те помещения, которые бы больше устраивали тайную полицию Швейцарии, чем нас, мы приняли решение разместиться в небольшой вилле, принадлежащей советской миссии в Женеvе.

Написав план размещения главы и членов делегации, секретариата и охраны, я прилетел в Москву и после доклада Председателю КГБ СССР генерал-полковнику Серову доложил этот план В. М. Молотову.

Положительными моментами нашего плана размещения являлось следующее:

Во-первых, вилла советской миссии в Женеvе в течение ряда лет принадлежит нам и охраняется сотрудниками нашей миссии, что дает большую гарантию от внедрения техники подслушивания.

Во-вторых, вокруг виллы, на расстоянии двухсот метров, нет никаких построек, что исключало возможность постороннего наблюдения или подслушивания. Вилла в значительной степени скрыта растительностью, и охраняемый мог свободно совершать прогулки по небольшой территории виллы, что он систематически и делал.

В-третьих, вилла находилась всего в пятистах метрах от Дворца Наций, где проходило Женевское совещание, и трасса к Дворцу проходила по широкой, открытой улице, что нас вполне устраивало в смысле безопасности проезда.

Отрицательны в предлагаемом нами варианте являлась некоторая стесненность, так как в небольшом здании виллы и помещении гаража мы разместили:

- Главу делегации (местожительства и рабочий кабинет).
- Два кабинета для членов делегации.
- Секретариат главы делегации с машинистками, стенографистками и переводчиками.
- Радиослужбу.
- Шифровальную группу.
- Штаб охраны с постоянным резервом личного состава.
- Гараж для основных и оперативных машин.

Весь остальной состав делегации размещался в гостинице «Метрополь».

Естественно, что для такого большого количества служб и людей нужно было бы иметь не менее 25–30 комнат, мы же располагали на вилле только пятнадцатью небольшими комнатами, в связи с чем были вынуждены использовать подвальные помещения, чердаки и бокс гаража, которые по возможности оборудовали для рабочих мест и охраны.

Громыко, указывая на скученность и неудобства размещения, был против нашего плана и предлагал сделать рабочий кабинет главы делегации в гостинице «Метрополь» или на нашей вилле, а его местожительство перенести в загородную виллу, что нас никак не устраивало с точки зрения создания нормального отдыха для охраняемого, его питания и безопасности.

Молотов, выслушав меня о том, что предложили власти Швейцарии и о преимуществах советской миссии, согласился и сказал:

- К чекистам нам надо прислушиваться.

Это означало, что наш план по размещению делегации принят.

Для успешного выполнения задачи по охране необходимо было прежде всего выяснить оперативную обстановку, в которой нам пришлось работать. В советской миссии в Берне я познакомился с материалами о политических партиях Швейцарии, их основной деятельностью и направлениях.

В беседах с шефом Женевской полиции я узнал о большом количестве русских эмигрантов, проживающих в швейцарских городах, главным образом в Женеве, Берне, Лозанне и т. д. Как выразился шеф полиции, «русская эмиграция у нас дряхлая, расколотая на части, она не имеет единства и каждый из эмигрантов борется за то, чтобы стать ее лидером». Однако, надо полагать, что эта эмиграция представляла для нас очень серьезную опасность.

Около Женевы проходит швейцарско-французская граница, которая является условной, так как автомашины и пешеходы (и то не все) подвергаются проверке только на шоссейных дорогах, так что любой террорист или диверсант мог прийти с территории Франции в Женеву.

Согласно существующему порядку все военнообязанные Швейцарии имеют на дому боевое огнестрельное оружие (карабины и боезапас). В магазинах Швейцарии огнестрельное оружие продается свободно (револьверы, пистолеты различных систем), что также создавало серьезную опасность для обеспечения охраны и тревожило нас.

Женева является историческим местом сборища разного рода эмигрантов, шпионов, диверсантов, террористов, любителей легкой наживы, искателей приключений и развлечений, прожигателей жизни, а также круглый год изобилует туристами. Поэтому неудивительно, что там можно встретить представителей всех рас и народов мира.

Деньги в Женеве – единственный критерий морали и нравственности, так как на них там можно купить не только вещь или тело, но и душу человека. А раз так, то мы понимали, что из этого хаоса, населяющего Женеву, наши враги могут подобрать, купить и сделать своим орудием человека для совершения своих целей.

Мы выяснили также, что руководители существующей за границей антисоветской шпионско-террористической организации НТС собираются к совещанию в Женеву и имеют целью организовать ряд действий. Эта организация представляла для нас особую опасность, в чем мы убедились впоследствии, и поэтому приняли ряд мер по пресечению ее деятельности. Членами организации НТС был сделан ряд враждебных выпадов против нас. Во-первых, в автобус, курсирующий с нашими летчиками, были подброшены антисоветские листовки, имеющие форму советских денежных купюр достоинством в 25 рублей. А до этого в советскую виллу в Женеве были подброшены брошюры с наименованиями на обложках произведений советских писателей, содержащих махровую антисоветскую клевету.

Нами была получена анонимная записка угрожающего характера, которая, как мы предполагали, исходила от центра НТС. В своем бандитском листке под названием «Посев» руководители НТС поместили клише Молотова с пасквилем на нашу охрану. И, наконец, они делали попытки завязать связи с водительским составом нашей делегации.

Учитывая опасность пребывания этих бандитов в Женеве, мы посредством оперативных комбинаций сумели опубликовать в двух французских газетах статьи, где назвали главарей организации НТС и разоблачили цель их пребывания в Женеве.

Воспользовавшись этими статьями и фактами подбрасывания антисоветских листовок и брошюр, мы с согласия главы нашей делегации послали за подписью Молочкова представление в Министерство иностранных дел Швейцарии с просьбой удалить из Женевы названных нами активных членов НТС.

Одновременно мною был заявлен устный протест шефу Женевской полиции о недопущении провокационных действий со стороны членов НТС. На второй день шеф полиции сообщил нам, что лица, занимавшиеся подбрасыванием антисоветских листовок, найдены, у них изъято большое количество антисоветской литературы и они выдворены из Швейцарии. Кроме того, шеф полиции добавил, что больше мы этих листовок получать не будем, так как с их стороны приняты надлежащие меры. Действительно, больше мы этих листовок не получали.

Однако мы понимали, что дело не только в листовках, которые нас мало тревожили. Нас беспокоили более активные действия этой шпионско-террористической организации, руководители которой под нашим давлением все же убрались из Швейцарии.

Такова была оперативная обстановка, серьезность и напряженность которой обязывали нас тщательно готовиться к приему и охране главы нашей делегации в период Женевского совещания.

Кроме того в процессе подготовки помещений к приему нашей делегации мною негласно посредством прогулок, фиксации вывесок и надписей, а также отвлеченными беседами с сотрудниками нашей миссии было изучено и нанесено на специальные схемы окружение виллы, где проживал охраняемый, и гостиницы «Метрополь», куда он приезжал.

Я изучил трассу от аэродрома и до нашей виллы, подъезды к аэродрому и выезды, трассу от нашей виллы до Дворца Наций, гостиницы «Метрополь» и до загородной виллы. При этом были определены наиболее уязвимые места, перекрестки дорог и выезды, и все это нанесено на специальную карту с обозначением предполагаемых постоянных и временных постов полиции, а также нашей негласной охраны, выбрасываемой за счет резерва охраны объекта на период проезда охраняемого.

Мы полностью ознакомились с Дворцом Наций, подъездами к нему и местами подачи и стоянками автомашин. Изучили залы заседаний, рабочие комнаты для делегаций, входы и

выходы. Через нашу сотрудницу, работающую в экономическом отделе ООН, был приобретен план расположения зала и комнат всего Дворца.

Мы выбрали несколько мест для прогулок с самыми живописными видами, с удобной охраной, мы изучили основные достопримечательности Женевы, к которым могли совершаться поездки.

Зная, что охраняемый будет наносить визиты главам дружественных делегаций и главам делегаций основных капиталистических держав, мы выяснили места их расположения, изучили трассы и подъезды к ним.

Эти практические мероприятия дали свои положительные результаты, к приезду главы нашей делегации у нас были решены все основные вопросы по организации охраны.

Решающая роль в выполнении задач по охране главы нашей делегации за границей принадлежит личному составу охраны, правильному руководству и организации ее службы, повседневному контролю за работой и поведением каждого сотрудника.

Чтобы не брать лишних людей, мы определили количество постов и функции каждого. Отбор производили персонально из наиболее опытных, физических выносливых, смелых и дисциплинированных сотрудников охраны, водителей и обслуживающего персонала.

Вся охрана должна быть одета так, что ее нельзя было отличить по одежде от жителей Женевы, то есть в светлые костюмы и шляпы. Между прочим, когда мы группой впервые прилетели в Женеву, мы были одеты во все темное, теплое и выглядели смешно. Учтя это, мы одели охрану в хорошие светлые костюмы. Швейцарская газета «Ля-Сюис» по этому поводу писала: «Охрана г. Молотова одета элегантно, держит себя культурно и ее можно узнать только по широким плечам». Действительно, наши сотрудники рослые, статные, с мужественными чертами лица резко отличались своей комплекцией, внушительно подчеркивали свое превосходство перед окружающими, держали себя спокойно и уверенно.

В связи с тем, что мы должны были часто бывать в общественных местах, а оружие наше, к сожалению, было громоздкое (пистолет Макарова и Стечкина), мы строго предупредили о тщательной его маскировке, так как официально было объявлено, что оружия у нас нет. Я договорился с шефом женевской полиции, чтобы таможня не досматривала наш багаж, а считала его дипломатическим, на что он дал согласие, и в последующем мы совершенно свободно провозили то, что было нужно без всякого досмотра нашего багажа. За это одолжение я послал начальнику полиции аэропорта подарок из наших советских продуктов и литра столичной водки.

При выезде в общественные места и на постах мы рекомендовали носить оружие так: пистолет «Макарова» на поясном ремне в мягкой кобуре, а пистолет «Стечкина» под брюками за поясным ремнем или в правом брючном кармане, если же одет в пальто, то в его левом потайном кармане.

Сохранить конспирацию о наличии оружия нам удалось, так как к нашим постовым офицерам неоднократно обращались стоящие по соседству на посту полицейские с вопросами, есть ли у охраны господина Молотова оружие? На что получали отрицательный ответ. Надо полагать, что так они и остались в неведении относительно оружия у нас.

Перед личным составом я поставил следующие условия:

Во-первых, при обращении к кому бы то ни было званий не называть, есть фамилия, имя и отчество. При этом надо помнить, кто кем является и соблюдать субординацию и дисциплинированность.

Во-вторых, служебные записки держать только в штабе и по использованию сжигать немедленно там же. Никаких служебных разговоров по внешним телефонам не вести, так как мы знали, что все разговоры записываются и расшифровываются немедленно. Так же мы запретили вести служебные разговоры где бы то ни было, и особенно в гостинице «Метрополь»,

где мы жили и где основательно были обставлены техникой подслушивания посредством телефонных аппаратов.

Никто не имел права уйти в город без разрешения начальника охраны или его заместителя, хотя бы и был свободным от наряда. В город мы отпускали только группами во главе со старшим на определенный срок по действительной необходимости и по возможности с человеком, знающим французский язык. Обедать или покупать продукты ходили так же организовано. Спиртные напитки и вино употреблять мы категорически запретили. Газеты «Ля-Сюис» писала по этому поводу: «Русские, питающиеся в ресторане «Вье-Буа», вино не пьют, так как, видимо, местные вина им не нравятся».

Все эти меры гарантировали нас от всяких неожиданностей. Правильное поведение сотрудников охраны дало возможность зашифровать их местожительство. Французский журнал «Иллюстрасьон» посвятил пространную статью описанию жизни охраны В. М. Молотова в местечке Бельведер, в двенадцати километрах от Женевы, в то время как там ни один из наших сотрудников никогда не был, а проживали там наши летчики.

Получив добро на размещение делегации и одобрение подготовительных мероприятий по организации охраны, я с группой сотрудников вернулся в Женеву и приступил к делу.

Во-первых, на каждый пост мы определили три человека: один дежурит, второй – в резерве, третий отдыхает. Смена длится четыре часа.

Во-вторых, нами были разработаны табели постов, где подробно было сказано о назначении и особенности постов. Были разработаны боевые расчеты на случай боевой или пожарной тревоги. Все эти документы были изучены офицерским составом охраны.

В-третьих, мы ознакомили всех офицеров с территорией виллы, расположением комнат в зданиях и окружением, указав при этом на наиболее уязвимые места.

В-четвертых, я рассказал оперативную обстановку, в которой нам предстояло работать, особое внимание при этом обратил на бдительное несение службы и нормы поведения.

В-пятых, в ночное время систематически проводились обходы силами начальника охраны, прикрепленных, комендантом и дежурными.

Здание и территорию виллы мы готовили тщательно. Сделали технический и чекистский осмотры. Обработали все помещения и территорию по всем правилам нашей оперативной техники, после чего сразу установили охрану. Для этого на вилле Советской миссии в Женеве мы организовали два кольца, первое по внутреннему периметру виллы, состоящее из шести постов, обеспечивали наши сотрудники. Посты были расположены так, что каждый сотрудник имел зрительную связь с соседним постом днем и ночью.

Второе кольцо, также состоящее из шести постов, обеспечивали отобранные для этой цели швейцарские солдаты, и один пост по улице Де-Ля-Пз нес полицейский наряд. Хотя по заявлению полковника швейцарской армии его солдаты более серьезной операции, чем эта, еще не выполняли, службу они несли плохо, безынициативно.

Загородная вилла в семи километрах от Женевы была предназначена для жительства главы нашей делегации. Однако после моей информации о том, что накануне в ней работала бригада полицейских, охраняемый приезжал на эту виллу только для короткой прогулки по территории. В здании он был один раз не более пяти минут. Охрану виллы обеспечивали круглосуточный пост из наших сотрудников и шесть постов по периметру за оградой виллы за счет швейцарских солдат. В мансардах виллы мы разместили для жилья обслуживающий персонал главной квартиры.

В гостинице «Метрополь» были размещены заместители главы делегации и остальной ее состав. Там же были расположены служебные кабинеты нашей делегации и некоторые специальные службы, для охраны которых мы поставили круглосуточный пост из наших сотрудников.

При входе в гостиницу было организовано постоянное дежурство из сотрудников МИДа, знающих французский язык. Кроме того, с фасадной и тыльной части гостиницы были установлены два круглосуточных полицейских поста.

Мы знали, что вокруг «Метрополя» дефилируют круглосуточно агенты женевской тайной полиции в штатском. Последние фиксировали тех, кто пытался попасть к руководителям нашей делегации на прием, а наплыв делегаций и одиночек из разных стран был колоссальный.

Для недопущения посторонних лиц на охраняемые объекты нами были изготовлены еще в Москве специальные пропуска двух образцов. Один давал право входа на основную, загородную виллы и в гостиницу «Метрополь». Этим пропуском пользовался ограниченный круг людей. Второй пропуск давал право входа только в гостиницу «Метрополь», им пользовались все члены нашей делегации.

Пропуски подписывать имел право только я, как начальник охраны, и выдавались они по спискам, согласованным с заместителем главы нашей делегации, причем, выдача пропуска на виллу производилась с учетом большой необходимости.

Въезд на территорию виллы был разрешен только основной, оперативным машинам, двум заместителям главы делегации и автомашинам иностранных делегаций, прибывающим на прием к главе нашей делегации, о чем нас заблаговременно ставили в известность.

Для обеспечения охраны на трассе при выездах главы делегации нас интересовали четыре направления по трассе: 1) от аэродрома до городской виллы; 2) от городской виллы до гостиницы «Метрополь»; 3) от городской до загородной виллы; 4) от виллы до Дворца Наций.

Все эти трассы были изучены, схематично начерчены, а полицейские посты нанесены на эти схемы. Мы изучили и учли каждый перекресток и выезд, каждое укрытие, места скопления людей, растительность. Усиление охраны трассы за счет полиции мы производили только в одном направлении от виллы до аэродрома, то есть по приезде охраняемого в Женеву или при выезде из нее.

По второму и третьему направлениям проезды были очень редкие, время обычно вечернее. В целях конспирации проезда мы, не особенно доверяя полиции, считали нецелесообразным ставить ее в известность, тем более, что за нами всегда следовала автомашина со специально прикрепленными тремя полицейскими.

Наши автомашины в Женеве привлекали большое внимание. Толпы народа собирались у «Метрополя», гладили их руками, тыкали пальцами, чем вызывали возмущение наших водителей.

В целях маскировки основной автомашины мы часто маневрировали дипломатическими флажками, прикрепленными на передке. Или ставили их на все машины, или вовсе снимали, или ставили на одну из оперативных машин.

Исключительно большое значение для охраны имеет радиотелефонная связь между объектом и автомашинами в период проезда. Для обеспечения безопасности проезда мы провели специальную работу с водителями автомашин, изучили особенности уличного движения в Женеве: приоритет выезда автомашин справа, международные знаки уличного движения, движение посредством светофоров-автоматов и отсутствие полицейских постов по регулированию, отсутствие сигналов автомашин на улицах города, быстрота и массовость автомобильного, велосипедного и мотоциклетного движения в городе. Мы предупредили водителей, чтобы они не подражали этой скорости, а вели машины осторожно, помня о том, что они тоже несут функции охраны. Для ознакомления с улицами города, движением и обстановкой мы провели ряд выездов по трассам.

Основным местом временного пребывания главы нашей делегации являлся Дворец Наций, где проходило Женевское совещание. Въезд во двор Дворца Наций и вход во Дворец был возможен только по специальным пропускам. Но они выдавались обезличенными, что давало возможность передачи их другому лицу, тем более, что проверка этих пропусков про-

изводилась администрацией Дворца поверхностно, больше для видимости. С помощью такого «порядка» в зал мог пролезть любой враг. Учитывая это, я и мой заместитель Александров садились в зале так, чтобы все сидящие в нем были в поле нашего зрения.

Наиболее уязвимым с точки зрения безопасности мы считали основной подъезд Дворца, где нас всегда встречала и провожала толпа фотокорреспондентов до 150–200 человек. Надо отметить, что перед первым фотографированием в зале заседания полиция подвергла тщательному обыску всех фотокорреспондентов и проверила их аппараты. На подъезде же репортеры никакой проверке не подвергались и являлись опасной категорией, так как находились от охраняемого в двух-трех метрах.

Как мы обеспечивали безопасность на этом уязвимом участке?

Во-первых, перед выездом мы выбрасывали в среду этих фотокорреспондентов нашу оперативную группу от восьми до двенадцати человек, некоторых для конспирации вооружали фотоаппаратами. В числе опергруппы всегда были два-три человека, владеющие французским языком. Наши товарищи располагались с двух сторон по равному числу с расчетом организации заслона от общей массы и блокирования близко стоящих людей.

Во-вторых, мы стали подавать автомашины непосредственно к крыльцу, сократив таким образом до минимума проход от машины до подъезда.

В-третьих, при выходе охраняемого из машины или из Дворца мы делали небольшое, но плотное кольцо.

На одном из докладов я попросил у В. М. Молотова разрешения поставить в секретариате совещания вопрос об ограничении доступа фотокорреспондентов.

– Ограничить бы надо, – ответил Молотов, – но это делать неудобно, это же их заработок. Ничего не поделаешь, пусть фотографируют.

В перерыв всегда заходили в буфет, где главы делегаций Даллес, Иден, Смит, Бидо пили исключительно виски. Молотов же пил только фруктовый сок, который почти всегда подавал его помощник Лавров, иногда я. Трудно было ручаться за качество этого напитка, и нас, конечно, это тревожило, однако мы ничего поделать не могли, кроме того, что брать этот сок уже из початого графина и перед подачей пробовать самим.

В гостиницу «Метрополь» В. М. Молотов приезжал на просмотр кинофильма или по поводу устраиваемого им приема. В этих случаях мы заранее осматривали помещения, готовили их, устанавливали свой пропускной режим и делали окружение гостиницы за счет мобилизации всех своих сотрудников.

Перед поездкой к делегациям капиталистических стран мы предварительно знакомились с трассой, подъездами, а иногда с комнатами, где готовился прием, выясняли обеспечение охраной и возможность введения своих людей в здание. Все это мы делали в очень деликатной форме, и наши просьбы вежливо удовлетворялись.

Швейцарское правительство пригласило В. М. Молотова посетить столицу страны Берн, на что был получен положительный ответ.

Мне стало известно об этом за сутки до поездки. Я немедленно выехал в Берн, расположенный от Женевы в 160 километрах с проездом через Лозанну. По дороге я помечал на карте места, где надо выставить охрану, искал дорогу в Берн без заезда в Лозанну и обратно. В Берне я ознакомился с подъездами к зданию Советской миссии, к дому швейцарского правительства и ко дворцу, где был назначен прием.

Вернувшись в Женеву я составил план поездки. Едем в Берн, не заезжая в Лозанну, хорошей асфальтированной дорогой. Расстояние тоже, что и через Лозанну – 160 километров. Возвращаемся другим путем, весьма красивым, но на 30 километров длиннее, зато более безопасным, так как это будет внезапный неожиданный проезд. Этим путем я ехал накануне обратно.

В населенные и лесные места выбрасываем по два человека в штатском за счет мобилизации своих сотрудников и сотрудников Короткова. В каждой паре один – знающий француз-

ский язык. Полицию на трассе не увеличивать, а выставить в штатской одежде в населенных пунктах по усмотрению полиции Швейцарии. Поездку пока не афишировать и наш точный маршрут никому до последнего момента не давать.

Этот план был доложен В. М. Молотову, который одобрил его с оговоркой, что на пути в Берн он хочет заехать в Лозанну, а обратно – как мы предлагаем.

Выехали мы в 7.30 утра и, несмотря на церемонии в Берне и обед у швейцарского правительства, в 18 часов были уже в Женеве.

Ехали мы тремя автомобилями, четвертая машина была полицейская. Всех членов делегации мы отправили раньше, чтобы не создавать колонны и спутать карты тем, кто нами интересовался. План нашей поездки был удачен, и Молотов отозвался о нем похвально.

Французский журнал «Иллюстрашон» по поводу этой поездки поместил такую заметку:

«Кажется, что мирная обстановка в Швейцарии произвела благоприятное впечатление и ободрила господина Молотова, Министра иностранных дел СССР. И, действительно, не отказался ли он на время поездки из Женевы в Берн от просьбы перед швейцарскими властями (которые, кстати, не знали, по какой дороге пройдет советский караван) предпринять специальные меры безопасности по время поездки. По пути в Берн, по желанию государственного деятеля России, колонна автомашин сделала небольшой тур по Лозанне».

Несмотря на то, что вся система по организации охраны была построена правильно и в ходе работы мы часто и оперативно перестраивались, нами были допущены и некоторые недочеты.

При выходе охраняемого на прогулки за пределы виллы мы поднимали большое количество сотрудников, создавая плотное кольцо, что можно было бы допустить в ночное время, но не днем. На этом нас и засекли иностранные фотокорреспонденты. Днем нужно было расставлять охрану более рационально и незаметно для окружающей публики, что мы впоследствии и делали.

Наши сотрудники из числа выездной охраны и водители автомашин неправильно себя вели, закрывая лица руками, шляпой, наклоняясь, и в смешном виде попали во французский журнал с пасквильными комментариями. Это было в первые дни приезда. Я разъяснил товарищам, что уклоняться от фотографирования можно разумно, а если нет такой возможности, то не так уж и страшно, если тебя заснимут.

На вилле, где проживал В. М. Молотов, было двое ворот и два поста, телефоны которых были хорошо и удобно спрятаны в кустах. Но некоторые из постовых офицеров расшифровали эту связь, так как вместо того, чтобы, услышав звонок, аккуратно взять трубку и предварительно осмотреться, опрометью бежали к телефону, хотя на дороге в это время стояли прохожие и видели, как продлевается эта операция.

При организации охраны в гостинице «Метрополь», когда там был В. М. Молотов, мы ставили парные посты на улице. Но наши офицеры вместо того, чтобы держать себя непринужденно и переговариваться между собой, и здесь стояли как столбы, долго не могли принять такого положения, чтобы не обращать внимания проходящей публики.

Одним из серьезных недостатков было еще то, что мы, сотрудники охраны, очень много работали за секретариат МИДа, который по сути жил и работал на всем подготовленном нами. В работе по охране они не заинтересованы и считают, что мы им мешаем и ограничиваем их своим режимом и распорядком.

В нашей работе, особенно за границей, есть золотое правило: когда требуют интересы охраны, не стесняться действовать решительно, смело и обдуманно. Не считаться с тем, что кому-то из аппарата или окружающих руководящих товарищей не понравятся наши меры. Мы должны в любой обстановке заставить считаться с нами, с интересами охраны. Этого правила мы придерживались и в Женеве. В. М. Молотов при моих докладах об обстановке всегда был очень внимателен и лично давал практические советы.

Основные продукты мы получали из Москвы самолетом. Часть из них – фрукты, свежие овощи покупали на месте. Все продукты хранились у одного материально ответственного лица, а доступ к ним имели два наших официанта и шеф-повар Молотова.

В среднем ежедневно за столом питались 14–16 человек, и нареканий на еду не было никаких.

В соответствии с указаниями В. М. Молотова мы делали все, чтобы помочь нашим друзьям – делегациям Китая, Кореи и Вьетнама: помогли им подыскать помещения и обрабатывали их нашими людьми. На каждом объекте провели дислокацию охраны. С товарищами Нам Иром, Фам Ван Донгом и начальником охраны Чжоу Энь Лая товарищем Ли мною были проведены длительные беседы о системе организации охраны их делегаций в Швейцарии.

Все руководители дружественных делегаций были очень довольны оказанной им помощью и горячо благодарили нас за это. Поначалу работники охраны стеснялись нас, но вскоре почти ежедневно обращались к нам за советом, консультацией и помощью, вплоть до мелочей, и мы им всегда шли навстречу. Помощь им действительно была нужна, так как во многих вопросах они показали себя совершенно неопытными и даже наивными.

Для успешного выполнения нашей задачи необходимо было держать весь личный состав в мобилизационной готовности, соблюдать строгую дисциплину. Наши агитаторы ежедневно читали свежие сообщения о Женевском совещании и других текущих событиях в нашей стране и за рубежом. Для более подробной информации о женевском совещании мы приглашали помощника В. М. Молотова по информации тов. Ведясова, которого всегда с удовольствием слушали.

Нами регулярно проводились оперативно-служебные совещания по предварительным итогам работы и устранению отмеченных недостатков. При получении ориентировки или малейшего сигнала мы срочно созывали заинтересованных сотрудников и давали конкретные указания, что им нужно делать и как себя вести. Вся эта работа дала свои положительные результаты.

Парижский обозреватель радио 24 мая 1954 года заявил, что «охрана В. М. Молотова держит себя очень скромно, но полна решимости. Вилла по улице Де Ла Пэ ничем не отличается от обычной».

На протяжении всего Женевского совещания основное внимание участников и общественности было приковано к главе нашей делегации. Когда он выступал, в зале стояла абсолютная тишина, все слушали, затаив дыхание, и друзья, и враги.

Достоинство представителя великой державы выражала вся его фигура и все почтительно расступались, давая дорогу, когда он проходил по залам и коридорам Дворца Наций. Мы не раз были свидетелями того, как в перерывах пытались заискивать перед главой нашей делегации Иден, Смит, Било и даже принц Таиландский.

Мы были заинтересованы в том, чтобы местные органы полиции оказывали нам действенную помощь в организации охраны. Для этого мы воспользовались благосклонным расположением к нам шефа женевской полиции Кнешта.

Я и заместитель начальника 1-го главного управления Коротков решили с санкции руководства КГБ пригласить Кнешта на обед и попытаться установить с ним доверительные отношения.

Кнешт заявил, что «согласен информировать нас по интересующим вопросам и лицам, за исключением швейцарцев». Через несколько дней мы получили большой список членов организации НТС, находящихся в Женеве. Все наши просьбы по охране Кнешт удовлетворял немедленно и лично сам часто проверял ночью и днем постовую службу внешнего кольца.

Мы передали Кнешту подарок из советских продуктов и двух бутылок водки.

Встречи с Чарли Чаплином

В конце нашего пребывания нашей делегации в Женеве меня пригласил к себе В. М. Молотов и спросил:

– Вы знаете, что здесь неподалеку живет Чарли Чаплин?

– Да, знаю, – ответил я. – Об этом мне говорили Любовь Орлова и ее муж кинорежиссер Александров. Они вручали на вилле Чарли Чаплину Международную премию мира.

Говорят, Чарли Чаплин выпустил очень хороший кинофильм «Огни рампы», – сказал Вячеслав Михайлович. – Нельзя ли договориться с ним, чтобы он дал этот фильм для просмотра нашей делегации? Если речь пойдет об оплате за прокат, мы заплатим.

– Об этом фильме очень хорошо отзывается пресса, я попробую организовать просмотр.

Разговор состоялся в пятницу, а на другой день я вместе с Геннадием Борзовым рано утром выехал к Веве к Чарли Чаплину. В 9.00, поставив недалеко машину марки «Ситроен», мы подошли к калитке и нажали на кнопку. Через несколько минут к нам подошел портье лет пятидесяти с длинными бакенбардами. Мы представились и попросили доложить Чаплину, что представители советской делегации хотели бы поговорить с ним по поручению господина Молотова.

– Пожалуйста, пройдите вот в эту беседку, – сказал нам привратник и указал на ротонду в метрах пятидесяти от калитки. Минут десять мы осматривали здание виллы, аллеи и кустарники, которые были красиво подстрижены, аллеи посыпаны мелким серым песком, а газоны гладко скошены газонокосилкой. Словом, райский уголок.

Вскоре мы увидели идущих к нам двоих мужчин. Один из них был среднего роста в белой рубашке навыпуск в светлых ботинках без головного убора. На голове пышная как снег шевелюра. Я бы никогда не подумал, что это Чарли Чаплин. Вместо маленького бродяжки с черными усиками и неизменной бабочкой, котелка на голове и трости в руках, вместо узкого жилета и вечно сваливающихся штанов, вместо больших ботинок, выбрасываемых при ходьбе в разные стороны, к нам степенной походкой шел человек выше среднего роста в белоснежной сорочке, в светлых серых брюках.

Мы были сильно взволнованы, а когда Чаплин подошел ближе, это волнение заметно усилилось. Но благодаря простому обращению Чаплина с нами быстро пришли в себя и представились. Чаплин пригласил нас присесть и сразу же спросил, чем может быть полезен.

– Мы приехали к вам по поручению господина Молотова с просьбой разрешить нам взять напрокат ваш фильм «Огни рампы», о котором так хорошо отзывается пресса. Нам нужен один сеанс для просмотра этого фильма советской делегацией. Все расходы мы согласны оплатить. Если вы удовлетворите нашу просьбу, мы вам, мсье Чаплин, будем очень благодарны.

– О! – воскликнул Чарли Чаплин, – Для советской делегации я дам этот фильм с удовольствием. Ни о какой плате не может быть и речи. Знаете, я, возможно, сам приеду. Мне очень бы хотелось познакомиться с Молотовым. Если же не приеду я, тогда киноленту привезет вот этот человек, – сказал Чаплин на пришедшего вместе с ним мужчину. Это был, видимо, продюсер фирмы Чаплина. На вид ему было лет пятьдесят, среднего роста, с полноватой фигурой, с залысинами на голове. После приветствия он все время молчал.

Я поблагодарил Чарли Чаплина за оказанную любезность и сказал, что мы были бы очень рады видеть его у нас в гостях не только в Женеве, но и в Советском Союзе, куда он обещал приехать Орловой и Александрову.

– Я постараюсь у вас побывать. Я давно мечтаю посетить вашу страну, но обстоятельства складываются так, что я не могу выбрать время и выбраться к вам.

– В нашей стране, мсье Чаплин, вас хорошо знают по фильмам «Огни большого города», «Новые времена» и другим, которые прошли на советском экране с большим успехом.

– Я слышал об этом и мне это очень приятно.

В это время на дорожке появился гарсон с подносом, на котором были кофе и коньяк.

– Прошу вас, – пригласил нас Чарли Чаплин. – Выпьем по чашке кофе, пока он не остыл, и, пожалуйста, коньяк.

Когда кофе и коньяк были выпиты, пользуясь хорошим настроением знаменитого собеседника, я похвалил его виллу.

– Да, она мне тоже нравится. Очень тихо, я здесь отдыхаю душой и телом и одновременно работаю.

– А по Америке не скучаете?

– Нет, я не жалею, что уехал из США. Меня там перестали понимать.

– Мсье Чаплин, у нас, в Советском Союзе, вас знают не только как великого мастера кино. В период войны вы активно выступали на митингах, боролись против фашизма, за что вас в США критиковали и травили. В советской печати, например, публиковали письма с благодарностью за оказанную вами поддержку Илья Эренбург, Константин Симонов, Александр Довженко, многие другие. А вам в Америке припомнили, что вы так и не приняли американского гражданства.

– Да, гражданства я действительно не менял. Спасибо вам за высокую оценку моей деятельности. Я всегда восхищаюсь советским народом.

Мы поблагодарили Чаплина за беседу и угощение и направились к машине. Он проводил нас до калитки и, попрощавшись, пожелал счастливого пути.

В воскресенье, во второй половине дня приехал продюсер фирмы Чарли Чаплина, привез ленту «Огни рампы». Сам Чаплин не приехал, так как в этот день он неожиданно выехал в Англию.

Просмотр мы организовали в кинозале отеля «Метрополь». Фильм «Огни рампы» произвел очень хорошее впечатление. В. Молотов и все зрители были довольны. После просмотра фильма Молотов сказал мне: «Николай Степанович, хорошо угостите продюсера, пусть он запомнит наше русское гостеприимство». После угощения нам пришлось вести под руки продюсера к машине, где его ждал водитель, которого мы хорошо накормили.

Чарли Чаплин женился второй раз в 1943 году на дочери известного драматурга Юджина О'Нила. Ему было пятьдесят четыре года, а жене, юной Ундине – восемнадцать, но это не помешало им прожить вместе более тридцати счастливых лет и воспитать восемь детей. Дочь Джеральдина Чаплин говорит, что разница в возрасте не создавала никаких проблем между ними. Они были безумно влюблены друг в друга и никогда не расставались.

Вторая моя встреча с Чарли Чаплиным состоялась в сентябре 1955 года, когда советская делегация, возглавляемая Хрущевым и Булганиным, находилась в Англии с официальным визитом. В состав делегации входили Громыко, Курчатов и Туполев. В конце пребывания посол СССР в Англии Малик в ее честь дал большой прием в ресторане отеля «Клареджис», где и размещалась наша делегация. Товарищ Малик, рассчитывая, видимо, на значительный отсев пригласил большое количество гостей. Посол не учел того, что это был первый официальный визит на высшем уровне руководителей партии и правительства СССР. И гости явились все. Словом, в залах ресторана было так много гостей, что Малик получил серьезное замечание от главы советской делегации.

Учитывая трудность прохода почетных гостей от подъезда в зал, где находились руководители делегации, Н. С. Хрущев поручил мне встретить премьер-министра Англии Идена и провести к ним в зал. Я совместно с Маликом вышел из подъезда, встретил Идена с супругой и с трудом провел их в зал, где находились руководители советской делегации. Я шел впереди, работая локтями и обращаясь к присутствующим с просьбой расступиться и дать нам дорогу. Когда мы вошли в нужный нам зал, Н. С. Хрущев после обмена приветствиями спросил в

шутку Идена: «Как вам удалось добраться до нас?» Иден, показывая на меня, ответил: «Если бы не этот броненосец, то мы не скоро бы попали в этот зал».

Иден с женой на приеме пробыли недолго, я вместе с Маликом вывел их через другой подъезд. После отъезда Идена меня позвали Н. С. Хрущев с женой: «Говорят, что на нашем приеме присутствует Чарли Чаплин с женой? Пригласите их к нам для беседы». «Хорошо, постараюсь это сейчас же сделать. Если они еще здесь».

Вместе с переводчиком я нашел Чаплина в одном из залов в окружении группы гостей, с которыми он оживленно о чем-то беседовал. Через переводчика я сказал, что господин Хрущев желает познакомиться с Чаплиным и приглашает его вместе с супругой пройти к нему.

«Я польщен этой честью!» – воскликнул Чарли Чаплин. Он взял под руку жену Уну, и мы прошли в зал, где находились руководители советской делегации. После обмена приветствиями все сели около большого низкого курительного стола, на который подали кофе, коньяк, фрукты, конфеты, «Боржоми» и «Советское шампанское». Я сел за соседний столик с полковником Столяровым.

Беседа продолжалась около сорока минут. Н. С. Хрущев спросил, не скучает ли Чаплин по США. Тот ответил отрицательно и добавил, что очень доволен обстановкой, в которой сейчас он работает, что в Англии он живет наездами, а проживает в Швейцарии. В заключении беседы Н. С. Хрущев пригласил Чарли Чаплина и его жену приехать в Советский Союз. Чарли Чаплин вновь подтвердил свое непереносимое желание посетить вместе с Уной нашу страну. Ундина в переговоры почти не вступала, а во время беседы, которая пересыпалась шутками, она заразительно смеялась. Ей было тогда около сорока лет. Среднего роста, стройная брюнетка с красивыми правильными чертами лица, Ундина производила приятное впечатление. Близко знавшие жену Чаплина говорили, что это была идеальная пара, а Ундина – идеальная женщина.

Прощавшись с Н. С. Хрущевым и Н. А. Булганиным, Чаплин вышел с женой в общий зал, обращаясь ко мне, он сказал:

– Мне кажется, я вас где-то видел ранее, но никак не припомню, где и когда.

Я заметил, что еще во время беседы с руководителями нашей делегации Чаплин неоднократно пристально смотрел в мою сторону, а я смотрел на него. Тогда я напомнил Чаплину, что в июне 1954 года я приезжал к нему просить на один сеанс кинофильм «Огни рампы».

– О! Мистер Молотов! Мистер Молотов! – воскликнул Чарли Чаплин.

– Да, это по его поручению я приезжал к вам на виллу в Веве в Швейцарии.

– Знаете что, – заявил мне Чарли Чаплин, – я хотел бы с вами сфотографироваться. Вы не возражаете?

– Для меня это будет большая честь и ценный подарок иметь ваше фото вместе с супругой. Надеюсь она присоединится к нам?

– Конечно, конечно, – ответил Чаплин.

Неподалеку от нас стоял фотокорреспондент из журнала «Советский Союз» Егоров. Я махнул ему рукой, подзывая к себе, и попросил нас сфотографировать. Столяров также попросился стать рядом, и мы предстали перед объективом. В этот момент к нам подошел главный комиссар Скотланд-Ярда, с которым мы по долгу службы были уже знакомы: «Разрешите мне присоединиться к вам? Я буду очень благодарен, если получу эту фотографию».

Не могу сказать, доволен ли был этим компаньоном Чарли Чаплин и его жена, но я был явно огорчен, хотя отлично понимал, что отказать этому человеку нельзя. Поэтому мы попросили его стать рядом. Снимок этот я получил позже, на котором стояла группа в следующем составе: Чарли Чаплин с женой Ундиной, я, Столяров – телохранитель Хрущева и комиссар Скотланд-Ярда. Неправда ли, оригинальная компания?

Этот снимок я храню как реликвию, напоминающую мне о встрече с дорогим человеком. Чаплин тихо скончался рождественской ночью, успев проститься с женой, детьми и многочис-

ленными внуками 25 декабря 1977 года на 88-м году жизни на вилле в швейцарском городке Веве. В этом городе на берегу Женевского озера стоит и сейчас черная фигурка в котелке и с тростью.

О столетии со дня рождения Чарли Чаплина Великобритания почему-то скромно умолчала. Бедный Чаплин. Великий Чаплин!

Мороженое для Тито

В июне 1955 года наш посол в Югославии сообщил, что Иосиф Броз Тито согласен на встречу с руководителями Советского Союза в Белграде. По поручению Н. С. Хрущева я вылетел в Белград за несколько дней до приезда нашей делегации. Хрущев просил сообщить ему, кто и как примет меня, что я и сделал после прибытия в Белград.

На аэродроме меня встречал госсекретарь (министр) югославской жандармерии Стефанович, с которым мы поехали в будущую резиденцию нашей делегации. После завтрака мы осмотрели помещение будущей резиденции – это было огромное здание с большим количеством комнат, огромным залом, кухней и подсобными помещениями. Дом располагался недалеко от основной резиденции Тито на окраине Белграда.

Я сказал, что доволен помещением, а кого в какую комнату поселить, решу сам. Расставшись со Стефановичем, я поехал на автомашине в наше посольство. Стефанович сказал, что завтра меня примет Тито. Проехав по городу и посмотрев в посольстве некоторые местные газеты, я обратил внимание посла на то, что нигде, ни в городе, ни в печати нет ни слова о приезде советской делегации в Белград. Посол Афанасьев сказал мне, что это указание самого Тито. Я, конечно, был возмущен, так как в других странах подобного не было.

О своем приезде в Белград и первом впечатлении я тут же сообщил в ЦК КПСС.

На другой день в 10.00, как было условлено, я приехал в «Белый дом», резиденцию Тито. Встречал меня генерал Жежель – начальник охраны президента, с которым я потом подружился. Поздоровавшись, мы вошли в здание и сели за столик в огромном зале-фойе. Жежель сказал, что президент сейчас придет. Действительно через несколько минут я вижу – по широкой ковровой лестнице спускается Тито.

Мы встали. Тито был в маршальской форме, поэтому я по-военному отрапортовал, кто я такой и какова цель моего приезда. Обменялись рукопожатиями. Тито сел за стол и стал расспрашивать о здоровье Хрущева и Булганина, попросил рассказать обо мне, о том, доволен ли я помещением для нашей делегации. Я сказал, что помещение хорошее, вполне нас устраивает. Во время беседы нам принесли кофе и печенье.

Никаких намеков о политике и взаимоотношениях наших стран Тито не допускал. А в конце разговора сказал, что предстоящая встреча должна была давно состояться. Эта фраза для меня была очень важна. Вообще от нашей беседы у меня осталось самое благоприятное впечатление. Встреча была очень корректной. Об этом я также сообщил в ЦК КПСС.

В день прилета нашей делегации я рано выехал на аэродром, самолет прибывал в 10 утра. Недалеко от аэропорта были высланы ковровая дорожка, вдоль которой был построен весь дипломатический корпус, большой ковер недалеко от трапа самолета и небольшой ковер вдали от дипкорпуса, который прибыл своевременно.

Вот-вот прилетит наш самолет, а руководства Югославии нет. Но как только в небе показался наш самолет, тут же подъехали члены Политбюро Югославии и встали на малый коврики. Самолет идет на посадку, а Тито все нет. Я был серьезно взволнован. Наконец, когда самолет приземлился, Тито приехал на «Паккарде». Выйдя из машины, он встал на большой ковер и стоял один в позе Наполеона. Члены Политбюро стояли отдельно и подошли, когда наши руководители стали спускаться по трапу самолета. Подойдя к Тито, Никита Сергеевич сказал: «Здравствуйте, товарищ Тито, вот наконец-то мы и встретились». Тито кивнул и подошел к стоящему рядом микрофону. Сказав несколько формальных приветственных слов, он представил слово Хрущеву. Н. С. Хрущев начал говорить с переводчиком, но Тито резко отодвинул переводчика в сторону и сказал, что переводить не надо, так как в Югославии хорошо знают русский язык. Таков был первый негативный жест со стороны Тито.

После церемонии встречи Тито, Хрущев и Булганин на «Паккарде» поехали в резиденцию. Несмотря на то, что никакого оповещения о прилете нашей делегации ни в печати, ни по радио не было, людей на улицах было много и они приветствовали советских гостей. За полкилометра до резиденции по обе стороны улицы была выстроена шпалерами «титовская гвардия», одетая в оригинальную красочную форму.

Расставаясь по приезде в резиденцию, условились, что переговоры начнутся завтра в десять утра в «Белом доме» Тито.

После завтрака в этот день Хрущев и Булганин согласно программе посмотрели некоторые достопримечательные места Белграда.

На другой день начались переговоры. Руководители нашей делегации всячески пытались свалить вину разрыва добрососедских отношений на Берия. Однако Тито категорически возразил и прямо сказал, что во всем, что произошло, виноват только Сталин. Тито был обижен на советские средства массовой информации, которые печатали клеветнические материалы на руководство Югославии и самого Тито. В подтверждение принесли охапку советских газет с этими материалами.

В частной беседе генерал Жежель говорил мне, что были случаи, когда Тито слушал передачи советского радио о Югославии и плакал.

Нашей делегации пришлось признать вину советской стороны и переговоры закончились принятием декларации, которая означала прорыв в наших отношениях с Югославией. Далее согласно программе для делегации была организована поездка по стране. Мы были на острове Бриони – это красивейшее место с реликтовыми соснами, превращенное по существу в отдельную резиденцию Тито. На острове делегацию встречал сам Тито. Он пригласил Хрущева и Булганина в автомобиль, и, выпроводив из машины водителя, сам сел за руль, а мы, сопровождающие лица, сели на приготовленные кареты с извозчиками, одетыми в русскую форму. По дороге на полянах паслись пятнистые олени и фазаны. Во время пребывания на острове Бриони мы совершили прогулку на яхте Тито по Адриатическому морю. Затем состоялась поездка в Словению, красивейшую провинцию, где мы остановились на даче Тито на озере Блед.

Нами были привезены богатые подарки. Помню, в Бледе Н. С. Хрущев вызывает меня и говорит: «Надо сегодня же развести по квартирам членов Политбюро наши подарки по списку». «Хорошо, – сказал я, – сейчас же выезжаю». Подарками занимался зав. отделом управляющего делами Совмина СССР К. И. Рыженков. Из Бледа через Загреб я приехал в Белград, и мы с Рыженковым начали развозить подарки по квартирам. Мужчинам – охотничьи ружья специального изготовления, женам – меха. Никогда не забуду, как радовались жены подаркам, угощали нас. А жена Ранковича, накинув песцовый палантин, пустилась в пляс. Это вручение подарков было приятной процедурой, и мы с этой задачей справились успешно, потому что руководители Югославии благодарили Хрущева и Булганина за подарки.

Накануне отъезда нашей делегации Тито дал роскошный обед, где были произнесены речи с обеих сторон. Бурными аплодисментами, стоя приветствовали слова Н. С. Хрущева, говорившего о героической партизанской борьбе югославского народа и совместных боевых операциях с нашими войсками против гитлеровской Германии. Обед обслуживали около тридцати официантов и, что поразительно, молодых как на подбор, одетых в голубые костюмы, что производило впечатление. Даже в Белом доме на обеде у президента США Эйзенхауэра я ничего подобного не видел. Н. С. Хрущев пригласил Тито и его жену Иоанку посетить Москву в удобное для них время. Тито поблагодарил и дал согласие.

На другой день наша делегация вылетела в Москву. С этого времени у СССР с Югославией установились самые добрососедские отношения.

На следующий год в июне югославская делегация прибыла в Москву. В ее состав вошли Тито с женой Иоанкой, которая воевала вместе с ним в горах в партизанских отрядах, а также Кардель и Ранкович.

В Унгенах, куда Тито прибыл на своем поезде, они пересели на наш спецпоезд. Когда мы тронулись, я зашел в вагон к Тито. Он сидел в большом салоне. Я спросил Тито, что ему приготовить на обед. Он мне ответил: «Товарищ Захаров, приготовьте мне на обед настоящих русских щей и хорошего черного хлеба, я страшно соскучился по этим харчам». Я изумился и сказал, что все будет сделано. Тито в свое время жил в Сибири и не забыл русские блюда.

После окончания официальных переговоров югославская делегация выехала в Ленинград. Перед отъездом из Ленинграда домой в честь гостей был дан обед, где было множество похвальных тостов в адрес Тито и Югославии.

Провожать Тито на вокзал в открытой машине поехал Булганин. Невский проспект был буквально забит народом. Тито и Булганин стояли в автомашине. «Да здравствует Тито!», «Братский привет югославским рабочим от ленинградцев» – подобными лозунгами делегацию сопровождали до самого вокзала. Через несколько минут после того, как тронулся поезд, я зашел в салон, где сидел Тито и... плакал. Увидев меня, он сказал: «Захаров, знаете, как я взволнован проводами простых людей, их симпатией к нам, югославам».

В один из дней пребывания югославской делегации Тито предложил Хрущеву пройтись пешком по городу, по улице Горького (ныне Тверской). Хрущев согласился и сказал об этом мне. Я тут же вызвал группу сотрудников охраны и одновременно приказал начальнику ГАИ перекрыть движение автотранспорта по улице Горького. Хрущев и Тито с женой и сопровождающие их лица вышли к памятнику Пушкину, постояли и направились к Красной площади. Публика, увидев Хрущева и Тито, стала окружать их. Я подошел к Хрущеву и сказал: «Никита Сергеевич, может быть свалка и нам не выбраться из толпы. Вот кафе-мороженое. Зайдем в него. А я вызову машины». Хрущев ответил: «Молодец, правильно. Пошли».

Я поставил у входа своих ребят. Когда гости вошли, двери закрыли. Я сказал директору, чтобы гостям как можно быстрее подали мороженое и кофе. Вызвал автотранспорт. Милиция организовала проезд. Когда мороженое съели и выпили кофе, Хрущев, обращаясь ко мне, громко спросил: «Захаров, у тебя есть деньги? Расплатись, пожалуйста, а то у меня денег нет», «Не волнуйтесь, все оплачено». Я действительно рассчитался в кафе деньгами из собственного кармана. После этого все встали и уехали.

Согласно программе пребывания югославская делегация отъезжала из СССР через Новороссийск, Сочи, Адлер. До Новороссийска ехали на автомашинах, любуясь прекрасными полями Краснодарского края. Здесь Хрущев распрощался с Тито. Прощаясь со мной, Тито подарил мне золотой портсигар и часы, а Иоанка – большую коробку гаванских сигар, которые хранятся у меня до сих пор.

Англия. Неприятный Черчилль

В Англии я был в составе правительственной делегации в апреле 1956 года. Для подготовки визита в эту страну вылетал Серов, но в связи с устроенной ему там обструкцией, он быстро вернулся в Москву. Решением ЦК КПСС в Лондон предложено было срочно вылетать мне. Я не знал, по какой причине Серов вернулся в Москву, хотя перед отъездом я у него был. Ничего он не сказал и об обстановке, которая меня ждет в Лондоне. К сожалению, я узнал о причинах быстрого возвращения Серова в Москву от борзописцев на аэродроме, которые засыпали меня вопросами, доволен ли я, что прибыл в Лондон вместо Серова. Откуда корреспонденты узнали, что я «вместо» – не знаю, но думаю, что это, видимо, прошло по дипломатическим каналам. Во всяком случае, Серов обязан был меня проинформировать о сложившейся ситуации. Умолчав об этом, он только осложнил мое положение. Надо сказать, что тень Серова потом следовала за нашей делегацией вплоть до Эдинбурга в виде надписей на плакатах с кровавыми пятнами в его адрес. Уже после я понял, что Серов крайне разобижен, что ему не удалось поехать в Англию.

Послом СССР в Англии тогда был Малик. По приезде в Лондон на другой день я с представителем посольства посетил Главного комиссара Скотланд Ярда.

Главный комиссар принял нас очень приветливо. На столике появились кофе и коньяк. Были приглашены еще два сотрудника, один из которых был представлен как начальник отдела Скотланд Ярда, отвечающий за безопасность прибывающих в Англию делегаций. Позже я узнал, что он – один из старейших работников этого учреждения, который впоследствии, уйдя на пенсию, неплохо упомянул меня в своих мемуарах. Меня ознакомили с программой и организацией охраны нашей делегации при встрече в Портсмуте, по железной дороге при следовании в Лондон, встрече на вокзале и другим местам пребывания делегации. Я, уже имеющий опыт пребывания наших правительственных делегаций за границей, остался доволен грамотно разработанной программой, и, за исключением мелких поправок, поблагодарил Главного комиссара за радушный прием и информацию.

В юности мне много пришлось читать о «великих» сыщиках – Нате Пинкертоне, Нике Картере, Шерлоке Холмсе, где часто упоминалось это учреждение – Скотланд-Ярд. Теперь мне пришлось в нем побывать.

Наша делегация шла в Портсмут на крейсере «Орджоникидзе», который сопровождали два эсминца. В составе делегации были Н. С. Хрущев, Н. А. Булганин, А. А. Громыко, А. Н. Туполев, И. В. Курчатов. Туполева я знал раньше, а познакомился при следующих обстоятельствах. В ноябре 1955 года я возвращался из Индии для доклада главе нашей делегации о готовности предстоящей поездки в эту страну. Возвращался я на спецсамолете ИЛ-14. Когда мы прилетели в Термез на заправку, мне сообщили, что на аэродром в Карши прилетел испытываемый самолет ТУ-104. Я предложил своим летчикам перелететь в Карши, что и было сделано. Там, действительно, стоял, готовясь к отлету, красавец ТУ-104. Я уговорил командира экипажа, летчика-испытателя Барабаша взять меня на борт их самолета, и мы вскоре полетели. Командир мне сказал, что я первый пассажир на этом типе самолетов.

Я был просто поражен, когда летчики мне говорили о данных полета. Во-первых, что летим мы со скоростью 900 километров в час. Во-вторых, что высота полета 9000 метров, и, в-третьих, что за бортом 50 градусов ниже нуля. В общем, получилось так, что завтракал я в Дели, а обедал уже дома, в Москве. По сравнению со скоростью полета ИЛ-14, это было чудом. Когда мы приземлились на аэродроме нынешнего Звездного городка, нас встречали члены правительственной комиссии: Д. В. Дементьев – министр авиационной промышленности, А. Н. Туполев – главный конструктор самолета.

Я вспоминаю, с каким пристрастием спрашивали у меня эти члены комиссии мои впечатления о полете. Их, правда, больше интересовало мое самочувствие. Чувствовал я себя великолепно, несравненно лучше, чем на самолетах ИЛ-14, на которых уже налетал десятки тысяч километров. Так я доложил и членам комиссии. А. Н. Туполев поблагодарил меня за такой ответ и сказал, что мне как первому пассажиру самолета ТУ-104, положен золотой значок этого самолета. Или он об этом забыл, да и я, конечно, не напомнил, но значка я не получил.

Так я впервые познакомился с А. Н. Туполевым. Должен сказать, что этот высокоталантливый авиаконструктор имел крутой и своенравный характер, в чем мне пришлось убедиться при поездке в Англию. Противоположностью ему был И. В. Курчатов, внешне всегда опрятный, приятный в общении, спокойный и обаятельный по характеру человек. Человек высокой культуры.

Резиденцией для нашей делегации стал в Лондоне королевский отель «Клариджес». По количеству помещений и комфорту отель нас вполне устраивал. Корабли с нашей делегацией пришвартовались в Портсмуте, где делегацию встречал премьер-министр А. Иден. От Портсмута до Лондона ехали по железнодорожной трассе в специальном поезде. По приезде в Лондон сели в автомашины и прибыли в отель «Клариджес».

В первые дни пребывания в Лондоне Н. С. Хрущев и Н. А. Булганин в сопровождении посла Великобритании сэра У. Хайтера совершили поездку по Лондону. После поездки по городу руководители прибыли в Вестминстерское аббатство – усыпальницу ученых, писателей, общественных и государственных деятелей Англии, где были встречены настоятелем аббатства А. Доном. Гости осмотрели здание аббатства, знаменитый памятник английской архитектуры, провели минуту молчания у находящейся здесь могилы Неизвестного солдата. Затем посетили новейший концертный зал Лондона «Ройял-фестиваль-холл». Они поднялись на крышу здания, откуда открывается широкая панорама Лондона. Затем Хрущев и Булганин направились к собору Св. Павла и ознакомились с его достопримечательностями.

После этого высокие гости посетили Хайгетское кладбище – могилу К. Маркса, где были сотни людей.

В завершение Хрущев и Булганин осмотрели знаменитый замок Тауэр, где гостям были показаны хранящиеся королевские регалии.

На следующий день Булганин и Хрущев возложили венок у обелиска Сенотаф, установленного в память английских солдат и офицеров, павших в первой и второй мировых войнах.

На другой день пребывания нашей делегации в Лондоне премьер-министр А. Иден дал завтрак в честь нашей делегации. Завтрак проходил в резиденции премьер-министра в Уайтхолле, на Даунинг-Стрит-10. Знаменателен для меня, например, этот завтрак был тем, что на нем я впервые увидел бывшего премьер-министра Уинстона Черчилля, который с первых дней Октябрьской Социалистической революции принимал самые энергичные меры, чтобы задуть молодую Советскую республику, а после нашей победы над фашизмом, будучи в США, в г. Фултоне произнес свою антисоветскую речь с призывом к холодной войне против СССР и других социалистических стран. Его у нас считали врагом № 1. Таким он был до самой смерти.

По характеристике Черчилль еще в молодости был большим авантюристом. В юности он потерял право на титул герцога. По сложившимся правилам наследования законным герцогом Мальборо стал двоюродный племянник юного Черчилля. Мечтавший о военной карьере Уинстон дважды проваливался на экзаменах в военное училище Санд-херст. Позже, когда он избрал уже политическое поприще, тогдашний премьер Бальфур не включил его в свое правительство. Это было публичное оскорбление. Черчилль отомстил тем, что перешел из консервативной партии в либеральную, за что получил прозвище «Бленхемская крыса». Бленхемским назывался замок, где он родился.

Природа наградила Черчилля сильной волей, личной смелостью, даром литератора и живописца, талантом политического деятеля. При всем том, он был одной из самых трагиче-

ских и противоречивых личностей XX века. Аристократ до мозга костей – и по рождению, и по воспитанию, и по строю мыслей – Черчилль презирал человеческие массы.

С юных лет Черчилль бросался в самые невероятные авантюры. Он участвовал в англо-бурской войне 1899–1902 гг., попал в плен, бежал, едва унеся голову, за которую уже было назначено вознаграждение. Писал книги, менял союзников, добивался высоких правительственных постов, терпел поражения, уходил в тень, чтобы затем вновь появиться на политической арене.

Черчилль с неизменной сигарой, Черчилль со стеклом в руке, Черчилль в цилиндре или в котелке, Черчилль в Индии в пробковом шлеме, Черчилль в гусарской форме на белом коне, Черчилль на визитке, Черчилль в генеральской форме и т. д. Черчилль делал все, чтобы оттянуть открытие второго фронта. И вот эта личность была приглашена на завтрак, который Иден давал в честь нашей делегации. Я был свидетелем, когда при помощи двух сотрудников Черчилля извлекли из автомашины, ибо сам выйти он был не в состоянии. Неописуемо тучный, он медленно передвигался на своих толстых, коротких ногах. Массивная голова с толстой шеей и бульдожьим лицом производили весьма неприятное впечатление. За завтраком были тосты, но Черчилль не проронил ни слова.

Кроме этого завтрака в честь нашей делегации давались еще приемы, обеды от имени парламента, мэрии города Лондона, где неизменно подавали на первое блюдо черепаховый суп, считавшийся большим деликатесом. Для одного раза этот суп действительно оказался вкусным.

Но когда нас стали кормить этим супом ежедневно, то мы заскучали по русским щам и украинскому борщу. Во всяком случае, я, например, наелся этого супа из черепахи на всю жизнь. Зато английский пирог с яблоками нам очень понравился. Несмотря на то, что мы были в апреле, нас угощали свежими яблоками и клубникой из Африки. Эта колониальная держава, эксплуатируя подопечные страны, ввозила за бесценок водным путем все, что росло на земле и находилось в недрах этих стран, пользуясь дешевой рабочей силой.

Встречи в парламенте и в мэрии проходили в строго обставленном церемониале. Руководителей нашей делегации встречали спикер палаты, а в мэрии – мэр города, одетые в черные мантии и четырехугольные, также черного цвета головные уборы. В такой же одежде нас встречали отцы городов Бирмингема и Эдинбурга в Шотландии, а также ректорат Оксфордского университета. Все это сопровождалось строгим, заранее разработанным ритуалом, подчеркивающим важность и официоз проводимых мероприятий. Короче говоря, все это происходило в стиле средневековья.

Для характеристики этого стиля достаточно привести такой пример, что в Великобритании органы государственной власти руководствуются законами, изданными в XIII и XVII веках. («Великая хартия вольностей 1215 года», «Билль о правах 1689 года» и др.)

Об английском парламенте ходило много анекдотов. Рассказывали, что для заседаний парламента установлен строгий распорядок заседаний по времени, и когда установленное время подходило к концу, в зале появлялся дежурный по охране Вестминстерского дворца, где проходило заседание, и объявлял: «Ваше время истекло, прошу покинуть дворец». Все члены палаты немедленно исполняли этот приказ.

Известный английский писатель Джеймс Олдридж так описывает свое посещение парламента. «Много лет назад я впервые отправился в палату общин, чтобы посмотреть, как проходят прения в нашем парламенте. Усевшись на галерее для публики, стал внимательно слушать речь о налоговой реформе. Я достал блокнот, чтобы кое-что записать. Но как только я вынул ручку, ко мне устремился один из служителей галереи и строго сказал: «Здесь нельзя делать заметки, сэр. Это запрещается». Пришлось убрать блокнот. Но я тешил себя надеждой, что на следующий день смогу прочесть в газетах все, о чем говорилось. Но, увы ничего из того, что я услышал в палате общин, нельзя было найти на страницах газет». Такова «демократия»

английских консерваторов. Поэтому недаром Джеймс Олдридж назвал свою статью «Парламентский театр».

Из достопримечательностей Лондона запомнился Букингемский дворец, столичная резиденция королевы. Охраняет дворец специально подобранный, из числа рослых гвардейцев, почетный караул. Гвардейцы одеты в яркую форму с аксельбантами и черными папахами на головах, по щекам от которых под подбородок спускается блестящая медная цепь. Форма придает караулу торжественный вид. Папахи у гвардейцев сделаны, кажется, из медвежьих шкур. В 1984 году газеты писали, что несмотря на сильную охрану Букингемского дворца, к королеве в спальню проник проситель. Плохого он королеве не причинил, а только подал жалобу, но все же был арестован. Это, конечно, была сенсация, особенно для борзописцев. Проситель проник по водосточной трубе.

Запомнилась Трафальгарская площадь, на которой стоит 60-метровая колонна адмирала Нельсона. На этой площади традиционно собирается народ для выражения своих требований. В 1978 году два альпиниста Эдвин Драммонд и Колин Роув в течение двух часов восходили на вершину колонны и укрепили там полотнище с надписью «Баркслейс банк наживается на жертвах апартеида». С вершины они бросили конверт с посланием к мировой печати с протестом против апартеида. Под аплодисменты публики они спустились вниз, но тут же были арестованы и обвинены якобы в преднамеренном нанесении ущерба историческому памятнику. Однако протест этих молодых альпинистов умножил ряды массовой демонстрации борцов против апартеида, которая состоялась в тот же день в Лондоне.

Из архитектурных сооружений в Лондоне примечательны масштабностью и красотой здание Парламента и собор Св. Павла. Красив находящийся в центре Лондона Гайд-парк, где лондонцы любят отдыхать. Очень красива и многолюдна всегда одна из главных улиц Лондона, улица Пикадилли, где световая реклама вечером слепит глаза, и где в основном расположены значные места.

Кажется, на третий день нашего пребывания в Лондоне ко мне ночью прибыл командир нашего крейсера контр-адмирал Иванов и доложил, что с борта стоящего нашего эсминца дежурным матросом был обнаружен плавающий под бортом нашего крейсера аквалангист. Руководители нашей делегации уже спали, поэтому мы с адмиралом решили докладывать утром. Перед завтраком мы доложили о происшествии. Н. С. Хрущев спросил, что мы думаем о причинах появления аквалангиста. Контр-адмирал высказал соображение, что англичане давно стремятся узнать ходовую часть и конфигурацию днища наших крейсеров, т. к. знают, что они более быстроходные, чем английские. Я высказал свое подозрение на подготовку диверсии. «Принимайте меры по обеспечению безопасности крейсера, – сказал Хрущев. – Обратно, в Москву мы пойдем на крейсере» – добавил он.

Мы с контр-адмиралом поехали в Портсмут, к начальнику порта и заявили ему протест. Сухопарый английский адмирал внимательно нас выслушал, а затем заявил, что это «галлюцинация советских моряков». Но мы были уверены, что это не так, и приняли возможные и необходимые меры безопасности, используя своих водолазов, которые просмотрели все днище корабля.

Впоследствии выяснилось, что мы были правы, т. к. этот аквалангист через несколько дней всплыл мертвым. Английская пресса широко об этом писала, прозрачно намекая, что смерть этого шпиона – дело рук советских органов безопасности. Подобного рода вопросы задавались корреспондентами и мне. На самом деле у этого шпиона, видимо, отказал акваланг, а вода в гавани Портсмута – сплошная нефть, и, несмотря на то, что этого аквалангиста расписывали, как пловца-аса, он, видимо, заплыв на большую глубину, задохнулся.

В соответствии с программой наша делегация посетила старинный университетский город Оксфорд, где определенная группа молодчиков, из числа студентов-эмигрантов, пыталась устроить нам обструкцию, улюлюкая и крича антисоветчину из собравшейся огромной

толпы студентов. В городе – многочисленные здания колледжей и церквей, также историческая библиотека Радклиффа – шедевр английского классицизма. Университет построен в XII веке. При осмотре колледжей нас сопровождала большая группа руководителей университета, одетых в черные мантии и четырехугольные черные головные уборы. Поражала средневековая обстановка, интерьер классных помещений. Толстые некрашенные скамьи и столы, и трибуна преподавателя – вот все убранство класса.

Оригинальным событием для нас было посещение резиденции английских королей города Виндзор и старинного замка, где нашу делегацию принимала королева Елизавета. Вокруг замка на значительном расстоянии построен в давнем прошлом высокий монолитный забор-ограда из гранитного камня. Замок-дворец также внушает впечатление.

В вестибюле дворца нас встречала сестра королевы принцесса Марго. Одета она была в длинное платье с широким кринолином. Сделав реверанс, она жестом руки пригласила нашу делегацию подняться на 2-й этаж, где нас ожидала королева Елизавета. Королева стоя приветствовала делегацию и пригласила сесть на приготовленные стулья.

Нас обнесли кофе, на столиках было печенье, конфеты и какие-то орехи. Беседа продолжалась около 30 минут и носила чисто протокольный характер. Королева была тоже в кринолине, внешне некрасива. Принцесса Марго выглядела более интересной, чем ее сестра. Про нее вообще ходили легенды, что она инкогнито вылетала в Париж, где в кабаре предавалась веселью, вплоть до того, что танцевала на столе. Но ее инкогнито было раскрыто одним бойким фотокорреспондентом, который заснял ее танцующей в кабаре и стал шантажировать. Пришлось дорого заплатить этому фотокорреспонденту, чтобы замять эту сенсацию, компрометирующую королевскую фамилию.

Обращает на себя внимание в замке богатейшее собрание произведений живописи. Уникальные картины.

Уместно заметить, что английская королева царствует, но не управляет государством. Вся исполнительная власть сосредоточена в кабинете министров на Даунинг-Стрит.

На обратном пути мы остановились в летней резиденции премьер-министра А. Идена в местечке Чекере, где и ночевали.

Следующим объектом нашего посещения была атомная электростанция, что особенно интересовало И. В. Курчатова.

Определенный интерес вызвало у нас посещение Шотландии и ее столицы – г. Эдинбурга. Вспоминается пышный прием в городской ратуше, устроенный властями Шотландии в честь нашей делегации. Отцы города да и все высокопоставленные гости были одеты в черные мантии с четырехугольными, также черного цвета, головными уборами. Прием сопровождался торжественным церемониалом.

После приема нас повезли на всемирно известный завод по производству виски, где мы осмотрели несколько цехов этого производства и символически приняли участие в дегустации, конечно, хвалили виски, но между собой говорили, что наша водка, особенно «столичная», куда лучше. На прощание нам подарили по бутылке знаменитой Скотч-виски «Белая лошадь».

Следующим объектом нашего посещения был высоко возвышающийся над обрывом Северного моря замок-дворец Марии Стюарт, которая являлась королевой Шотландии с 1560 по 1567 год. Дворец стоит на окраине Эдинбурга на высокой горе, берега ее омывает прибой Северного моря. Дворец отделяет огромный ров, большой глубины, через который устроен подъемный мост. Вообще внешне этот дворец виден с любой точки Эдинбурга и своей строгостью и мрачностью подчеркивает жестокую власть.

Экскурсия по залам этого дворца была по существу посвящена бывшей легендарной хозяйке, королеве Марии Стюарт. Нам показали ее комнаты и даже спальню с потайными ходами, обгаженными в свое время кровью этой любвеобильной женщины. В большом зале под

стеклом хранится ее голова-маска, снятая после казни. Можно сказать, что она была красивой женщиной.

При выходе из дворца, когда мы перешли подъемный мост, для нашей делегации на открытой площадке был устроен концерт, состоящий из чисто шотландских жанров, а в заключение перед нами несколько раз продефилировала большая группа музыкантов, одетых в шотландские юбочки. Играли они на своих национальных инструментах-волынках. Это было красивое зрелище. Все музыканты мужчины. Омрачило это зрелище только то, что перед нашим отъездом появилась группа молодчиков из числа эмигрантов из Венгрии и наших послевоенных предателей Родины, выставивших антисоветские плакаты. После данного властями обеда мы покинули Шотландию.

Последним нашим объектом в Англии был город Бирмингем, где делегация посетила автомобильный завод. На этом заводе работает, как я установил, группа бывших советских людей, продавших Родину и влачивших там жалкое существование. Это в основном бывшие каратели, бежавшие после войны от справедливого суда советского народа. Когда мы проходили мимо, один из этого сброда выкрикнул «варвары», полицейские вмиг схватили его и куда-то уволокли. Сомкнувшись с венгерской и прибалтийской эмиграцией, они устроили пикет с плакатами антисоветского содержания на площади, против ратуши Бирмингема. Жест в их сторону главы нашей делегации – палец к виску. Бирмингем – город с двухмиллионным населением. Один из крупнейших промышленных центров страны, где сосредоточено производство автомобилей, тракторов, самолетов, а также предприятий военной, химической промышленности и цветной металлургии.

На другой день после приема мне было поручено отправить всех лишних людей на прибывших Ту-104. Основной состав делегации отправлялся обратно на крейсере. Самолетов было два, поэтому я постарался всех людей, вплоть до прессы, разместить в самолеты и объявил им об этом, в их числе была и дочь А. Н. Туполева. Туполев запротестовал, что я не включил его дочь в состав сопровождающих лиц, едущих на крейсере «Орджоникидзе», и сказал мне, что будет жаловаться Хрущеву, что он и сделал. Я возразил: кроме одной горничной Хрущева ни одной женщины на крейсере не будет. Не положено это у моряков. Туполев на меня был сердит. Боялся, что ли, посадить дочь на самолет собственной конструкции Ту-104.

В Японии с Микояном

В 1959 году меня пригласил в кабинет А. И. Микоян. «В Токио, – сказал Анастас Иванович, – открывается международная выставка, куда я должен поехать на открытие советского павильона и пробыть там несколько дней. Отношения с Японией у нас не оформлены мирным договором из-за некоторых наших островов, прилегающих к северной части Японии, на которые они, как известно, претендуют. И, кроме того, японцы еще помнят позорную для них капитуляцию, поэтому обстановка там для нас не безопасная. Видимо, учитывая это, Хрущев порекомендовал мне направить вас заблаговременно в Токио, у вас имеется большой опыт по организации охраны при поездках за рубеж. Вам по приезду в Токио необходимо обсудить с местными органами полиции меры по обеспечению моей безопасности».

– Я вас понял, Анастас Иванович. Надеюсь, что будут приняты надлежащие меры. Один только вопрос: кто там у нас посол?

– Посол Федоренко – грамотный человек, он китаевед и Восток знает хорошо. Ему будет дано сообщение о вашем приезде.

Через три дня мы с сотрудником «девятки» Соломатиным вылетели в Токио. Полет наш проходил через Дели и Гонконг. О Гонконге я был много наслышан, поэтому хотелось рассмотреть вблизи то, о чем у нас можно было узнать разве что из легенд. Из зала были видны высокие, упирающиеся в небо дома и узкие, как щели, улицы. Но мы томительно просидели в транзитном зале несколько часов и наши попытки выйти в город не увенчались успехом. Нас так и не выпустили из здания аэропорта.

В Токио уже на другой день была достигнута договоренность о встрече с руководителем МВД Японии. На встречу, кроме министра, были приглашены и руководящие сотрудники внутренних дел Японии.

С нашей стороны присутствовали: я, Соломатин и старший советник посольства Животовский.

Министр кратко, но очень детально изложил комплекс подготовленных японской стороной мер по обеспечению безопасности Микояна. Я поблагодарил министра за подготовку этих мер и попросил только, чтобы не публиковали в печати о предполагаемых поездках Микояна и поменьше было шумихи при поездках.

Японцы держались с нами подчеркнуто официально, хотя я старался быть общительным и даже шутил, но представители Страны восходящего солнца оставались неприступными. Закончив переговоры, я пригласил министра и всех присутствующих на другой день на завтрак в посольство. Приглашение было принято.

Наш посол Федоренко, который вообще произвел на меня хорошее впечатление, и в этот раз лицом в грязь не ударил. Он устроил прекрасный стол из русских продуктов, которые японцы с аппетитом поглощали.

Если японцы во время переговоров держали себя сухо, то после нескольких рюмок «Столичной» повеселели и разговорились. Обедом гости остались довольны и, поблагодарив посла и меня, пригласили сделать ответный визит на другой день. Приглашение с благодарностью было принято. Уходя, министр переспросил, как приготовить завтрак: по-английски или по-японски. Я сказал, что, находясь в их стране, желал бы завтракать только по-японски. Откланявшись, они уехали.

На другой день, как было условлено, в 14 часов мы подъехали к двухэтажному древнему зданию с готической крышей, от которого прямо веяло загадочной японской стариной. Стены и углы этого дома были увиты какими-то вьющимися растениями с листвой наподобие плюща.

Мы не стали изменять русским традициям («Три богатыря», «Три медведя» и т. п.) и на завтрак отправились втроем: Животовский, Соломатин и я.

Прямо у крыльца нас встречали министр с сотрудниками. Пройдя на крыльцо, мы неожиданно увидели гейшу, которая сидела, сложив ноги по-турецки, и низко склонив голову, попросила нас снять обувь. Несколько непривычно, босиком на официальном приеме, мы прошли за министром на второй этаж и вошли в небольшой прямоугольный зал.

Зал был пустой. Никакой мебели. Пол был настолько зеркальным, что я в шелковых носках боялся упасть. Я чувствовал себя, как на льду, ноги разъезжались по сторонам. Неожиданно вбежали несколько гейш, одетых в кимоно, и разбросали принесенные ими подушки по периметру зала. Министр пригласил сесть и первый занял центральное место на подушке, приглашая меня расположиться рядом. Я с удовольствием занял предложенное место и протянул свои длинные, при двух метрах роста, ноги. Японцы сели по-турецки, но я так не мог и все время ерзал. Министр заметил и что-то сказал гейше, которая принесла мне вторую подушку. Я устроился на двух подушках, как на троне, стало терпимее. У каждого гостя был установлен крошечный столик, возле которого прислуживала гейша.

Первое блюдо – отварная форель. Собственно, ничего удивительного. Но далее начались сюрпризы. С удивлением я увидел, как гейша министра очистила от косточек мякоть и двумя пальчиками положила ему в рот. Моя гейша также хотела, очистив форель, положить мне в рот рыбу, но я нежно отвел ее ручку и сказал, что буду кушать сам. Она поняла.

Второе блюдо – в маленьком керамическом горшочке какая-то жидкость, в нем плавали две сливы и одна травинка.

На третье два повара завезли в зал на тележке живого тунца длиной с метр. На голове у поваров восседали полуметровые колпаки. А с учетом их очень маленького роста смотрелись они в этих огромных колпаках очень комично. Тунец неподдельно вилял хвостом. Повара прямо при нас быстро разделали рыбу, а гейши разнесли в пиалах по два кусочка каждому гостю. Кроме ломтиков рыбы подносили соевый соус. Откровенно говоря, я подумал, что если это съем, то вскоре придется искать туалет. Но сидящий рядом японский министр взял палочками ломтики тунца и аппетитно скушал, предварительно обмакнув их в соус. Пришлось последовать его примеру.

Ничего, обошлось.

Затем был зеленый чай с церемониалом по-японски. Все расположились вокруг высокого кресла, перед которым стояла высокая керамическая ступка. В ступу был всыпан сухой чай. Здесь же располагалась керамическая толкушка, которой одна из гейш принялась растереть в чаше сухие чайные листья, доводя массу до состояния пыли. Все это заварили крутым кипятком и подали в пиале каждому гостю. Мне сказали, что этот ритуал питья чая отработан годами, если не веками, и считается священным. По истечению нескольких дней уже во время приема Микояна церемониал с чаем был с точностью повторен.

Закончив с едой, гейши быстро убрали столики и каждая села рядом с гостем. Затем в задней части зала расстелили коврик и на него сели вошедшие новые гейши с музыкальными национальными инструментами.

Они исполнили несколько национальных произведений и ушли. Мы им горячо аплодировали. Музыка была красивой и очень приятной.

Когда все встали, обслуживающие нас гейши окружили меня и, громко смеясь, что-то принялись щебетать. Я спросил нашего переводчика, в чем дело, и почему они хохочут. «Они говорят, что редко видят такого высокого и красивого мужчину и просят приехать к ним без японцев». Я рассмеялся и, дабы не обидеть, послал им воздушный поцелуй. Поблагодарив министра за обед, договорились встретиться на другой день уже в аэропорту, при встрече главы советской делегации.

Прилет Микояна не остался незамеченным. На аэродроме любопытствующие зрители, журналисты и фотокорреспонденты с интересом наблюдали за встречами. Премьер-министр Японии лично прибыл в аэропорт. Но отмечу, что визит был организован без лишней помпы.

В поездке безопасность Микояна обеспечивал только один человек – начальник его охраны Крюков.

На следующий день поехали на выставку, где советский представитель осмотрел наш павильон, который по своей насыщенности превосходил павильоны других стран.

На третий день Микоян нанес протокольный визит премьер-министру Японии Катаяма. Переговоры проходили около часа. Меня очень удивило, что у резиденции премьер-министра стоял танк с экипажем. Зачем этот монстр войны здесь, посередине мирного города? Однако я понимал, что мое любопытство было бы в этом случае просто неуместно.

Большую часть времени в поездке Микоян проводил на выставке. Трасса проезда его автомобиля все-таки была опубликована в прессе. Движение автотранспорта на улицах было очень медленным. Несмотря на многие эстакады в центре города, постоянно создавались автомобильные пробки. В поездках нашу машину сопровождали два мотоциклиста и хвостовая машина с пятью полицейскими.

Однажды, когда мы ехали с выставки в посольство, произошло «ЧП». Попад в пробку, мы остановились. В это время из переулка выскочил здоровенный японец с поднятой рукой, в которой был кинжал, и бросился на нашу машину, где сидел Микоян. Я выскочил из машины, выхватил пистолет и прыгнул через капот к японцу. Ничего не мешало мне применить по нападавшему оружие, но меня опередил мотоциклист и полицейские с хвостовой машины. Они скрутили японца и волоком поволокли в переулок. После я спросил о личности нападавшего и причинах такого поступка.

– Таких у нас не один, – ответил представитель полиции, многозначительно повертев пальцем у виска.

– Но почему он бросился именно на нашу машину?

– Он, видимо, сообразил, что раз советский флажок, советская марка автомашины, эскорт мотоциклистов, – значит, едет важная персона из СССР. Да и из печати было известно, по какой трассе ездит Микоян. От журналистов не скроешь трассу, – ответил старший полицейский, отвечавший за сопровождение советского гостя. – Флажок и машина дают хорошие опознавательные знаки.

– Ладно, – сказал я, – мы посоветуемся, может быть, флажок снимем и пересядем в другую машину, японской марки. Но прошу вас, чтобы этот случай не попал в печать. Подумайте об изменении трассы.

Этот разговор состоялся уже в резиденции, куда мы вернулись после происшествия на дороге.

– Хорошо, мы доложим министру и примем все меры, чтобы подобный случай не повторился, – сказал старший полицейский.

Микоян на этот выпад реагировал спокойно, только просил все же узнать, кто был нападавший. Я ему сказал, что по версии полиции это невменяемый. «Похоже, что так, но в таких случаях всегда ссылаются на сумасшедших», – ответил Анастас Иванович.

В Токио более 11 миллионов жителей, поэтому на тротуарах толчея была непролазная. Проезжая часть была забита транспортом до отказа. Скорей можно пройти пешком, чем на машине. Улицы узкие, рядом с небоскребами лепятся хибарки, у которых вместо дверей висят камышовые циновки. Но чистоту соблюдают везде. Они понимают, что при такой гуще народа не дай бог эпидемия – это катастрофа.

На следующие поездки японцы значительно изменили трассу. Флажок с машины я снял, но машину Микоян сказал оставить нашу.

В один из дней пребывания, мы поехали по железной дороге в старую столицу Японии, город Киото. Расположились в одном из отелей. В Киото много достопримечательностей древней архитектуры и японского искусства. Бросилось в глаза множество статуэток Будды различных размеров.

Здесь мы впервые ощутили землетрясение в четыре балла. Что должен в этих случаях делать начальник охраны? Прежде всего обеспечить безопасность охраняемого даже при непосредственной угрозе собственной жизни. Все произошло в середине дня. В номерах вылетели стекла, а само здание закачалось. Все кинулись к выходам. Я же, выскочив в коридор, побежал в номер к Микояну. К счастью, он уже выходил на улицу. Жертв не было, но пережитое состояние беспомощности перед природной стихией надолго отложилось в памяти. Мы не стали дальше задерживаться в Киото и вернулись в Токио. По дороге был очень хорошо виден знаменитый вулкан Фудзияма. Его живописный вид совсем не соответствовал ужасу того землетрясения, которое мы недавно пережили.

Пользуясь отдыхом Микояна, я посетил могилу советского разведчика Рихарда Зорге и возложил цветы к памятнику, который на свои скромные сбережения поставила его подруга Исси Исоака. По нашей просьбе она приехала к нам и со слезами вспоминала о том времени, которое их связывало. Я доложил Микояну о том, кто такой Зорге. Он порекомендовал послу Федоренко поставить хороший памятник советскому разведчику. К нашей общей радости спустя некоторое время это пожелание было выполнено.

К истории разведчика Зорге мне еще пришлось возвратиться, когда по нашей инициативе Председателем КГБ было подготовлено представление и Зорге присвоили звание Героя Советского Союза. Для нас это было делом чести, несмотря на то, что Зорге не был сотрудником нашего разведоргана – внешней разведки, а работал в Главном разведывательном управлении Генерального штаба Министерства обороны. Он был не только советским разведчиком и патриотом своей Родины, но и просто замечательным по своим душевным качествам человеком. Чуть позже, когда после награждения в Кремле орденом «Красного знамени» шифровальщика Зорге Макса Клаузена, а его жены – орденом «Красной звезды», Макс рассказывал у меня в кабинете, что Зорге, получив ответ на свою последнюю телеграмму, в которой сообщал точную дату нападения Гитлера на СССР, закричал: «Нам не верят, нам не верят!», – и заплакал навзрыд. Вот так все необычно переплелось в той командировке в Японию.

Вообще с японцами в течение трех дней пребывания мы хорошо сотрудничали и, надо отдать им должное, они работали добросовестно. На прощание мы вручили им подарки. В ответ на это министр Японии в знак завязавшейся дружбы подарил мне статуэтку гейши в стеклянном футляре, в национальном костюме-кимоно, с инкрустированным кинжалом. Эта гейша до сих пор напоминает о той далекой поездке.

В Америке с Хрущевым

Понимая всю серьезность визита Н. С. Хрущева в Соединенные Штаты Америки, Комитет Госбезопасности готовил его со всей ответственностью. Руководил всей подготовкой поездки лично Александр Николаевич Шелепин, который повседневно следил за ходом подготовительных мероприятий, вникал буквально во все детали.

К подготовке поездки были подключены не только оперативные управления КГБ, но и ряд других ведомств, имеющих прямое или косвенное отношение к ним. Были составлены планы оперативно-чекистских мероприятий по обеспечению безопасности охраняемого при перелете в США, его пребывания там и обслуживания.

В этих планах предусматривалось:

- Подготовка самолета Ту-114 в строгом соответствии с требованиями особо важного полета и перелета через океан. Тщательный подбор экипажей.

- Обеспечение безопасности по всей трассе полета с учетом особенностей перелета через океан. Перелет совершался: Москва-Рига-Стокгольм-Берген-Исландия (Рейкьявик) – Гренландия (Кэпларвик) – Ньюфаундленд-аэродром Гандер, затем еще один запасной аэродром-Вашингтон. В океане было восемь точек – это рыболовные суда, расположенные по трассе на случай вынужденной посадки самолетов на воде.

Организация перелета была очень строго продумана. И эти суда, которые помимо того, что они стояли, все время держали связь с Москвой и с самолетами. Безопасность в этом отношении была обеспечена.

Обеспечение плавсредствами всех пассажиров и экипажей на случай вынужденной посадки на воде, обучение сотрудников и экипажей и инструктаж пассажиров по правильному пользованию этими средствами. На самолете были соответствующие жилеты, лодки, оборудованные необходимым запасом воды и пищи в случае необходимости на первые несколько часов. Были изучены способы и правила пользования всеми этими плавсредствами.

Планами предусматривался также подбор сотрудников охраны, их специальная экипировка и обучение по особой программе. Весь наш состав по сути дела был специально экипирован и выглядел, надо сказать, неплохо.

- На занятиях сотрудники 2-го отделения 1-го отдела знакомились с государственным строем, политическими партиями и экономикой США, с вопросами деятельности контрразведки, бытом и нравами и обычаями американцев, с этикетом, с характеристикой на американские антисоветские организации и оперативной обстановкой в США. По всем этим вопросам были прочитаны лекции. Сотрудники просмотрели документальные кинофильмы и провели специальные занятия по стрельбе, самбо и с плавсредствами на воде.

- Большую помощь в подготовке во время поездки Н. С. Хрущева в США оказало 1-е Главное управление – лично начальник управления Сахаровский, который уделял большое внимание данному вопросу.

Немаловажную роль в организации безопасности и других вопросов сыграла моя предварительная поездка в США. Эта поездка намного облегчала нашу последующую работу в период визита Н. С. Хрущева.

Во-первых, я вместе с работником 1-го Главного управления Бурдиным побывал во всех городах, за исключением Питтсбурга, посещение которых было намечено по программе пребывания Никиты Сергеевича. В каждом городе мы имели встречи с руководителями службы безопасности Госдепартамента и полицейских органов городов и штатов, с которыми установили деловой контакт и наметили подробные планы организации охраны во всех местах пребывания Н. С. Хрущева.

Во-вторых, мы ознакомились на месте с политической и оперативной обстановкой и наиболее подробно узнали о положении дел в эмигрантских организациях, а также о принимаемых к ним мерах со стороны органов безопасности и полиции на местах. При встрече с представителями службы безопасности Госдепартамента и службы полиции в штатах нами было обращено их особое внимание на враждебные действия эмигрантских организаций. Данными об этих действиях мы уже располагали и из прессы, и из других источников. На нашу просьбу информировать нас о мерах, принимаемых к этим организациям, руководители службы безопасности и полиции заявляли, что они понимают серьезность обстановки, так как кроме официальных имеют ряд сигналов и писем угрожающего характера, исходящих от отдельных враждебно настроенных эмигрантов, и принимают все необходимые меры для обеспечения полной безопасности Н. С. Хрущева. А именно: они устанавливали наиболее активных деятелей эмигрантских организаций и авторов этих писем для привлечения последних к ответственности. По нашей просьбе почти во всех местах пребывания начальники полиции вызывали руководителей наиболее крупных и активных эмигрантских организаций и строго предупреждали их о недопущении каких-либо враждебных акций.

Начальник полиции Сан-Франциско господин Кехел выступил по радио и телевидению с призывом к гражданам города и эмигрантам вести себя достойно в период пребывания высокого гостя в их городе.

Начальник полиции города Де-Мойн Гарольд Эйб заявил мне, что к нему приходили руководители польской и литовской эмиграции с просьбой организовать демонстрации протеста против визита. Эйб заявил им, что если они только организуют демонстрацию, то будут иметь дело с полицией. В беседе с нами он также заявил, что может всех эмигрантов на период пребывания Н. С. Хрущева в Де-Мойне посадить в тюрьму, если мы этого пожелаем. Я ему ответил, что оптом в тюрьму людей не сажают, а делают это только по отношению опасных элементов, и что им виднее, кого действительно надо посадить в тюрьму, то есть изолировать от общества как социально опасных элементов.

Работники безопасности и полиции заявляли нам, что они хорошо знают положение эмиграции, так как имеют там свою агентуру, и всякое организованное враждебное действие им будет известно заблаговременно и будет немедленно ими пресечено.

Однако, ссылаясь на невозможность запрещения пикетов, они обещали принять необходимые меры по удалению демонстрантов, если они появятся, на такое расстояние, откуда их советская делегация не увидит. И эти пикеты будут носить мирный характер.

Надо отметить, что не все руководители полицейских органов выполнили данное обещание. Нам пришлось видеть этих пикетчиков неоднократно.

В целях облегчения работы органов безопасности среди эмигрантов нами были вручены начальнику отдела безопасности Госдепартамента Хипсли на известных нам руководителей и наиболее активных членов эмигрантских организаций письма с просьбой о принятии всех необходимых мер и наблюдения за этими лицами в период пребывания в США Н. С. Хрущева. Хотя они нас за это и благодарили, когда я вручал им эти списки, однако, после я усомнился в действительном использовании этих списков, так как, например, руководитель венгерской эмиграции Бела Фабиан был арестован всего на одну ночь, а затем сопровождал нас по всему маршруту, выставя против резиденции один и тот же антисоветский плакат.

Хипсли сказал, что американский народ и эмигрантские организации каких-либо организованных враждебных акций против Н. С. Хрущева не допустят, но могут быть отдельные фанатики и психически ненормальные лица, а также уголовники, за которых ручаться нельзя. Эти враждебные действия могут носить только уголовный характер.

Конечно, опасения в отношении психически ненормальных лиц действительно были, так как в Америке 18 миллионов психически ненормальных людей. Но все же я не мог согласиться с такой классификацией и, возражая против данной формулировки враждебных действий, в

категорической форме заявил тогда Хипсли, что не согласен с такой классификацией враждебных выпадов против Н. С. Хрущева от кого бы они ни исходили и что любое покушение на него Советским Союзом и общественным мнением будет расценено как серьезный политический акт со всеми вытекающими последствиями.

Хипсли со мной согласился. Однако через два дня после нашей беседы и моего отъезда по маршруту программы заместитель Государственного секретаря Госдепартамента США Мэрфи пригласил к себе нашего посла Меньшикова и заявил ему устный протест о том, что якобы генерал Захаров в беседе с работниками безопасности Госдепартамента угрожал закидать бомбами Соединенные Штаты Америки и сделал при этом такой жест рукой, что в случае покушения на Хрущева Соединенным Штатам Америки будет капут. Меньшиков категорически отверг эту провокацию, так как действительно ни о каких, разумеется, бомбах я не говорил, да и не мог говорить, и особого жеста, говорящего о капуте Америки, я не мог делать. Мое предложение встретиться с Мэрфи и разоблачить его в этой провокации Меньшиков счел нецелесообразным, так как якобы Мэрфи после внушительной отповеди сам понял несостоятельность своей провокации. Но этот факт свидетельствует о том, насколько нам необходимо быть осторожными в беседах и разговорах с официальными и другими лицами в командировках в капиталистических странах.

Правда, я брал товарищей из посольства, которые стенографировали протокольно всю нашу запись и у меня был документ в случае чего. Хотя оправдываться перед ними я был не намерен...

Как мы строили охрану? Мы условились о следующем. Госдепартамент выделяет группу руководящих работников госбезопасности во главе с начальником отдела Хипсли, которая сопровождала Н. С. Хрущева по всей стране. На эту группу возлагалась руководящая роль в организации охраны во всех местах пребывания. Кстати, когда мы беседовали с Хипсли, он сказал: «Я еще ни одного гостя, насколько бы он ни был высок, в том числе были короли и королевы, лично не сопровождал, а господина Хрущева буду сопровождать сам». Я его за это поблагодарил.

Для обеспечения безопасности при встречах и проходах на аэродромах, вокзалах и на пути следования на автомашинах и по железной дороге привлекались все имеющиеся в распоряжении службы безопасности и полиции силы, а в отдельных случаях и войсковые подразделения. В этих же целях были привлечены некоторые другие секретные службы США, известное вам ФБР, служба иммиграции, таможенная полиция, служба безопасности Министерства финансов. Так многие в ведомстве имеют свою или службу безопасности, секретную службу или свою полицию в компании и т. д. Трудно разобраться вообще во всей этой системе. Например, президента охраняет секретная служба Министерства финансов.

У нас была согласована расстановка автомашин головной колонны с учетом организации охраны. Как мы строили автомашины? Первая автомашина следует с сотрудниками службы безопасности Госдепартамента и в ней от КГБ – Бурдин, который хорошо знает английский язык. Вторая, основная автомашина, в которой рядом с водителем постоянно должен был находиться Литовченко, так он и ездил всегда. Хотя и президент ездил с Н. С. Хрущевым, но все равно в машине сидел Литовченко. Мы так условились и так было до конца. Третья автомашина с сотрудниками службы безопасности Госдепартамента, прикрывающая основную машину, и в ней рядом с водителем сидел Захаров. И четвертая автомашина с сотрудниками охраны, в которой сидели Волков, Бунаев и смена охраны Литовченко.

Головную колонну повсеместно должен был сопровождать мотоциклетный эскорт. Это было везде, даже больше, чем следовало, особенно в Нью-Йорке.

Затем следовали автомашины А. А. Громыко, члены семьи Н. С. Хрущева и другие лица в протокольном порядке.

Для Н. С. Хрущева выделялись две семиместные автомашины: открытая и закрытая. Семиместные машины также выделялись и для нашей охраны. Подготовка и проверка этих автомашин производилась работниками безопасности Госдепартамента. Водителем основной автомашины во всей поездке, как договорились, был шофер президента Соединенных Штатов Америки.

Для передвижения Н. С. Хрущева и сопровождавших его лиц по Америке выделялся один из самолетов президента Боинг-707. Специальная подготовка и техническое обслуживание его поручены представителям ВВС США совместно с сотрудниками безопасности Госдепартамента. Подбор экипажа самолета был поручен личному летчику президента полковнику Дрейперу, который и занимался этим вопросом. Что из себя представлял самолет?

В самолете салон с двумя диванами и шестью креслами, общая кабина на 28 мест. Американцы заявили нам, что в этом самолете должно быть не более 34 человек.

На всех стоянках самолет охранялся войсковым нарядом ВВС, местной полицией и сотрудниками безопасности. Такой же порядок устанавливался и для охраны советских самолетов в Вашингтоне. А всего летали мы на пяти самолетах. Делегация получилась большая: советские товарищи, господа-капиталисты и сопровождавшие лица. Три самолета Боинг-707 и два самолета типа «Дуглас» для багажа и второстепенных пассажиров.

Что мы еще дополнительно условились и что мы сделали практически? В целях обеспечения безопасности, организации встречи, размещения и обслуживания мы создали две перелетных группы. Первая группа: Волков – начальник 1-го отдела, Кардашов от посольства и один господин от службы Госдепартамента. Вторая группа: Коротков, Сахно и наш обслуживающий персонал. Первая группа вылетала накануне, вторая – за несколько часов до вылета самолета. Эти группы, надо сказать, значительно помогли нам организованно проводить мероприятия по встрече и размещению нашей делегации на новых местах пребывания. Я считаю, что нам надо практиковать это дело.

Мы осмотрели все места размещения Н. С. Хрущева и сопровождавших его лиц. При этом определяли место охраняемого, членов его семьи, группы охраны, основных сопровождавших лиц, договаривались о планах обеспечения охраны резиденции, проверки обслуживающего персонала, допускаемого в эти резиденции. Везде улаживались о местах и функциях нашего обслуживающего персонала. Не везде их встречали уж так приветливо. Поэтому мы заранее обуславливались, чтобы здесь не было каких-либо недоразумений.

Насколько было возможно, мы старались также облегчить программу пребывания Н. С. Хрущева в США, напряженность которой нас очень тревожила. А так оно впоследствии и было. Через посла в США Меньшикова и протокольный отдел Госдепартамента нам удалось внести ряд корректив, облегчающих программу, а именно: перенести начало работы на более позднее время, иногда мы высчитывали минуты. Например, начало в 8.00, мы просим – в 8.30.

Создать в отдельные дни короткий отдых. И главное: заменить поездку из Лос-Анджелеса в Сан-Франциско поездом вместо автомашины. Это было целесообразно со всех точек зрения, что потом подтвердилось и с политической точки зрения. Предварительно мы проехали на автомашинах 700 километров и приехали в Сан-Франциско полутрупами. Очень много было различного рода неудобств. А так мы ехали в поезде, Никита Сергеевич выходил на станциях, встречался с народом, очень хорошо получилось, и обозрение было лучше, и океан виден, чего он хотел.

Мы также договорились с послом Меньшиковым в Вашингтоне и нашим постоянным представителем в ООН в Нью-Йорке Соболевым, что весь мужской состав будет нами мобилизован на мероприятия по охране, что мы и делали во время визита. Мы это дело поручили представителям наших органов, находящихся в Вашингтоне и Нью-Йорке.

Анализируя все мероприятия, которые мы проводили и согласовывали в своей поездке по организации охраны, размещения и обслуживания Н. С. Хрущева и сопровождавших его

лиц, можно было сделать вывод, что органы безопасности Госдепартамента и полиция штатов вообще придавали большое значение этому вопросу. Руководители этих органов в беседах с нами неоднократно подчеркивали их личную ответственность за успешность визита и безопасность Н. С. Хрущева. При этом они заявляли, что, понимая серьезность обстановки, они будут охранять главу Советского правительства в большей степени, чем охраняют своего президента. Необходимо отметить, что, действительно, работники службы безопасности Госдепартамента добросовестно и со всей ответственностью выполняли свое обещание. Мы к ним по своей линии не имеем никаких претензий.

Другое дело – работа полиции в штатах. Здесь требовались коррективы. Однако попытки нашего вмешательства в их порядки встречали с их стороны недружелюбное отношение, а подчас даже резкие, обидчивые выпады в мой адрес. Это было в Нью-Йорке, это было в Лос-Анджелесе, это было и в Питтсбурге и еще в Сан-Франциско, где работник безопасности Госдепартамента обиделся на меня за вмешательство в их внутренние дела.

Вот те главные вопросы подготовительной работы, которые, надо сказать, обеспечили успешное выполнение поставленных перед нами задач, связанных с визитом Н. С. Хрущева в США.

О своей предварительной поездке подготовки к визиту в США я докладывал лично Никите Сергеевичу. Он все наши мероприятия одобрил, и через сутки я вылетел обратно в Вашингтон.

Было особенно заметно: город жил ожиданием приезда Никиты Сергеевича. Это было видно из печати и из разговоров американцев, главной темой которых был приезд Н. С. Хрущева.

Например, к Блэйрхаузу, где должен размещаться Н. С. Хрущев, мы там часто бывали, ежеминутно подъезжали частные автомашины, и американцы подолгу там застывали и фотографировали этот дом во всех направлениях, хотя любопытного там, собственно говоря, ничего не было. Дом как дом. Вообще же любопытство было необычайное. Печать сообщала, что состязание за право принять у себя Хрущева или хотя бы присутствовать при встрече с ним, достигло невероятных размеров. Например, газета «Нейшнл гардиан» писала, что Вашингтон утопает в приглашениях, Хрущева приглашают церковные приходы, телевизионные компании, частные клубы и торговые палаты, губернаторы и рабочие. Он получил сотни приглашений на торжественные банкеты, тысячи приглашений на скромные обеды простых людей.

Возбуждение взрослых передавалось и детям. Члены школьной бейсбольной команды штата Вирджиния убедительно настаивали, чтобы Никита Сергеевич обязательно присутствовал на их бейсбольных состязаниях.

11-летняя девочка Барбара Дэнич пригласила Никиту Сергеевича на обед в дом ее родителей в городе Бронксе. «Моя мама, – писала девочка, – готовит замечательно вкусный борщ, а русские ведь любят борщ, и я уверена, что мистеру Хрущеву мамин борщ очень понравится». Мать девочки Рут Дэнич подтвердила приглашение Барбары. «Мы были бы очень рады, если бы премьер-министр принял приглашение нашей дочери и выкроил час, чтобы посетить нас и пообедать бы вместе с нами».

Надо сказать, что очень благоприятно было встречено американцами сообщение, что с ним едет Нина Петровна, супруга Никиты Сергеевича, и члены семьи. Это создавало хорошее впечатление у американцев. И, действительно, пребывание членов семьи возымело хорошее действие на многое, в том числе на разоблачение различных пасквилей, клеветнических измышлений. Нина Петровна давала там пресс-конференции, где откровенно говорила о жизни женщин в Советском Союзе, о своей личной жизни и приводила биографические данные. Это имело самое благотворное влияние на рядовых американцев.

Надо сказать, что дни волнений и надежд переживала возбужденная Америка. Америка с нетерпением ожидала приезда Хрущева.

Резиденция была в Блэйрхаузе. Что такое из себя представляет резиденция? Эта резиденция для гостей президента, четырехэтажный старый большой дом, обставленный в значительной части старинной мебелью, за которую дрожала управляющая этим домом мисс Гени. Хотя было ей за 60 лет, но мы все ее называли мисс. На нее это благотворно влияло. Я ее успокоил, что в доме будут жить культурные люди. Она думала, что дикари придут. И мебель не сломают и тем более не унесут собой. После того, как я вручил ей некоторые подарки, она меня иначе не называла, как «дорогой генерал».

При доме был небольшой сад, куда Никита Сергеевич уходил иногда читать материалы и газеты. Охранялся этот дом, я бы сказал, более чем достаточно. Все подходы и входы в него, соседние дома и крыши были обставлены постами и, конечно, в дом злоумышленнику было трудно проникнуть. В соседнем доме был расположен штаб секретной службы безопасности Госдепартамента с резервом полиции в 15 человек. В доме имелся лифт на три человека, который приносил нам немало беспокойства, так как работал он не совсем исправно и был расположен недалеко от кухни. Лебедев непременно бы закрыл этот лифт, но так как его там не было, то Никита Сергеевич иногда на нем поднимался на третий этаж. Пищеблок и другие подсобные хозяйства соответствовали нашим требованиям.

Мы накануне приезда Хрущева увидели первых пикетчиков. Когда мы пошли в Блэйрхауз накануне приезда, а Блэйрхауз располагается почти напротив Белого дома, то, проходя мимо Белого дома, мы увидели двух пикетчиков, которые бродили по тротуару напротив Белого дома. Первый ходил с плакатом, на котором было написано: «Еврей» и на плече – лопата. Что хотел этот тип сказать, – то ли, что надо закопать еврея, или что его закопали, – для нас осталось неясным. А второй нес плакат с большой молитвой, с просьбой к богу не допустить советскую ракету на Луну. Просто смешно было смотреть на этих первых пикетчиков.

Но дальше, конечно, они активизировали свою деятельность.

Аэродром Эндрюс. Мы его осматривали раньше. А когда я приехал, нам вдруг заявили, что не могут принять ТУ-114 потому, что ширина колес шире, чем дорожка, которая подходит к аэропорту. Это было ошеломляющее известие. Мы поехали на аэродром, договорились. Они уширение сделали, но все-таки нам пришлось встречу Н. С. Хрущева организовать не так, как мы планировали первоначально. А именно: самолет шел дверцами не к аэропорту, а в поле. И очень долго решалась задача: может ли развернуться самолет с тем, чтобы прийти именно дверцами к аэропорту, чтобы президент подошел непосредственно. Решено было, что это сделать невозможно. Поэтому Хрущев выходил не к аэропорту, а наоборот. Но, надо сказать, что президент, как только смолкли моторы, немедленно двинулся на ту сторону и встретил как полагается Н. С. Хрущева. На этой встрече была маленькая группка людей в количестве трех человек: президент, Лодж и мэр города Вашингтона, которые встречали непосредственно у трапа.

Когда президент приехал на аэродром, вдруг заиграл марш.

На аэродроме встреча была очень торжественная. Весь церемониал был обставлен очень хорошо. Пресса, которая всегда вносит беспорядок, была отделена, и все прошло нормально.

Что нового я впервые увидел? На площадке, где стояли официальные лица и все наши люди, начиная с Громыко и кончая нашей официанткой, все фамилии были приклеены на площади, кому где встать. Это, по-моему, сверхпротокольное мероприятие.

Аэродром был оцеплен воинскими частями, режим был очень сильный.

Какой был протест при согласовании программы? Мы с послом Меншиковым перед приездом были в госдепартаменте и требовали, чтобы допустили дипломатический корпус, в частности, дипломатов социалистических стран, которые должны были приехать и приветствовать Н. С. Хрущева. Они категорически возражали. У нас, говорили они, полагается из дипломатического корпуса быть старшине. Наш посол все же послал извещение о приезде

Н. С. Хрущева и дипломаты социалистических стран приехали, встали вместе с народом, Никита Сергеевич с ними поздоровался, когда отъезжал с аэродрома.

Мы ехали с аэродрома до Вашингтона, его центральной площади. От памятника Вашингтону стоял оркестр, примерно с батальон войск разных родов. Оркестр, затем батальон, потом машины – так мы шествовали километра полтора до резиденции. Было очень торжественно и очень красиво. Народ очень тепло встречал делегацию. Никита Сергеевич и президент сидели вместе в закрытой машине, чем публика была не очень довольна. Мы не возражали против закрытой машины, учитывая обстановку, о которой я писал вначале. Полиция очень крепко держала свои линии с тем, чтобы не пропустить ближе народ, но на тротуарах народу стояло очень много и все тепло и сердечно приветствовали Н. С. Хрущева. Народ никто не выводил, а на улицу вышли тысячи.

Мы ехали в открытой машине, и нам было видно лучше, особенно в негритянском районе, народ стоял на склонах дамб и приветствовал Н. С. Хрущева, вплоть до плясок.

Перед тем, как проезжать автоколонне, чья-то машина, так мы и не дознались чья, прошла вдоль трассы по Центральной улице с транспарантом: «Принять господина Хрущева вежливо, достойно, но без аплодисментов». Эта провокация в некоторой степени сыграла свою роль, но народ нас встречал очень тепло.

Кроме того, пикетчики сразу показали свое лицо. Мы их увидели против Белого дома по соседству с резиденцией. Это были две небольшие кучки людей, которые выставили черные флажки с изображением человеческого черепа и этими флажками размахивали. Что они хотели этим сказать? Непонятно. Такие «манифестации» со стороны пикетчиков были проявлены при въезде в Вашингтон.

Заведующий отделом печати Госдепартамента Уайт сообщил нам, что пребывание Хрущева будут освещать более двух тысяч американских и иностранных корреспондентов, представляющих около четырехсот различных органов печати, радио и телевидения всего мира. Непосредственно в поездке его сопровождало 300 журналистов, в том числе 100 иностранных корреспондентов из 36 стран мира, в распоряжение которых было предоставлено четыре специальных самолета. Уайт заявил при этом, что до сих пор ни одно событие не освещалось у них таким большим числом журналистов.

Надо сказать, что отношение американцев к прессе особенное. Мне заявил начальник полиции Лос-Анджелеса Паркер, когда я стал с ним говорить в отношении принятия соответствующих мер к прессе, что не мы прессой управляем, а пресса нами управляет. Но я сказал, что меры принимать надо.

Мы имели маленькие значки, которые говорили, что это член советской делегации. Всем нашим товарищам, за исключением Никиты Сергеевича, Нины Петровны и Громыко, выдали такие значки, чтобы их везде пропускали, не смешивали с другими людьми. Потом они несколько нарушили свою строгость, потому что мы заметили эти значки и у американских сопровождающих лиц.

Полицейские Белого дома имели свои отличительные значки. Пресса – свой знак. Это давало возможность более четко определить категорию сопровождавших работников, что облегчило нашу работу.

В первый день приезда мы посетили Белый Дом. Он трехэтажный, здание кажется очень невысоким, распростертым вправо и влево. Внутри хорошие представительские помещения, где мне удалось побывать, потому что Эйзенхауэр водил Никиту Сергеевича к себе в апартаменты. Ничего особенного, на что можно было бы обратить внимание, нет: две большие комнаты и две поменьше. Служебное помещение и кабинет Эйзенхауэра.

Состоялась первая беседа. На этой первой беседе Никита Сергеевич вручил подарок Эйзенхауэру – копию вымпела заброшенной ракеты на Луну. Надо было видеть восторг Эйзенхауэра, когда он принимал этот подарок. Он позировал вначале фотокорреспондентам во всех

позах, как артист на сцене, это дело ему польстило. Затем фотокорреспондентов убрали, зашла группа кинооператоров, он снова в таком же плане позировал и был очень доволен.

После беседы и вручения подарка президент сделал предложение посмотреть Вашингтон сверху, с вертолета. Я до этого летал на вертолете, зная о том, что предложение такое, возможно, будет. Я летал в Кэмп-Дэвид и обратно на вертолете. Вертолеты у них, надо сказать, приличные. Президент имеет в своем распоряжении три вертолета.

Сели в вертолет Никита Сергеевич, Эйзенхауэр, Трояновский, начальник охраны президента из Белого дома, я и адъютант, который командовал этим вертолетом. Примерно минут 45 мы летали над Вашингтоном, обзревали местность. Прогулка эта была хорошая, потому что город сверху был отлично виден.

Вечером, когда мы пришли в Белый дом на обед, каждого гостя встречал в военной форме адъютант, спрашивал фамилию, подводил к столику. Я был тоже гостем президента, поэтому и меня привели и показали рассадку, дали билетик с указанием места и затем провели до зала. Так встречали каждого гостя, но при входе в зал, где собираются гости, обязательно делается объявление: «Генерал Захаров», по-английски. После этого всех там выстраивали по рангам. Советская сторона – на одной стороне зала, американская сторона – на другой стороне. Ждут главных гостей. Главные гости – Хрущев и Эйзенхауэр находятся в других апартаментах. Затем их выход. Трое военных впереди, в форме морской пехоты и один в форме ВВС с аксельбантами, торжественно шествовали, за ними шел Эйзенхауэр под руку с Ниной Петровной, затем Никита Сергеевич с женой президента. Такой выход был весьма торжественным. Они стояли и все шли к ним по очереди представляться.

Обед прошел, как полагается, как и у нас. Правда, меню контрастное. Например, впервые я ел дыню с ветчиной.

После обеда все встали, женщины ушли в свой зал, мужчины в свой зал. Мужчины покурили, пошли в дамский зал, взяли под руку дам и повели на концерт. Такая процедура была только в доме президента. Остальные обеды были аналогичны нашим.

На другой день, 16 сентября, мы поехали в Белсвилл, это недалеко от Вашингтона, на сельскохозяйственную экспериментальную станцию. Это хорошее научное сельскохозяйственное учреждение, где ученые работают над разведением новых растений, улучшением их роста. Выступили трое ученых и прочитали нам лекции. По сути дела все сводилось к влиянию света на рост растений. Показывали хорошие примеры. Например, сосна при естественном свете меньшего роста, а при искусственном – в рост человека. Никита Сергеевич этим делом очень заинтересовался.

Потом осматривали животных: коров, свиней, телят. Птицу, в том числе индюшек. Никита Сергеевич взял одну белую индюшку на руки, в это время его сфотографировали. Реакционный журнал «Лайф» поместил эту фотографию, показав белую индюшку с окровавленным горлом. По этому поводу мы хотели заявить протест. Этот журнал всегда писал о Советском Союзе клевету. Здесь были и более серьезные вещи, где они дали страниц 18 о визите Н. С. Хрущева, а затем дали 11 страниц – об убийстве Троцкого с прозрачным намеком на работу НКВД.

На сельскохозяйственной станции один из местных полицейских, оберегая Нину Петровну, взял ее за руку, оба смеются, их сфотографировали, получился очень хороший снимок. После опубликования снимка этот полицейский стал самым знатным человеком и раздавал автографы.

В этот же день было посещение пресс-клуба в Вашингтоне, где Никита Сергеевич давал пресс-конференцию. Мы заранее знали, что это очень серьезное мероприятие, и постарались достать большое количество билетов, послали туда группу Фомина, работников посольства, своих журналистов проинструктировали и сами заняли соответствующие позиции вблизи охраняемого.

Американцы стремились попасть в пресс-клуб за любые деньги. На этой пресс-конференции задавались первые провокационные вопросы, на которые Никита Сергеевич давал достойные ответы. Первый же вопрос был сугубо провокационный и он резко ответил: если хотите по-серьезному задавать вопросы, то задавайте. Он ответил им с исчерпывающей глубиной, дал понять, что их провокация не удастся. Президент пресс-клуба, когда поступали вопросы, как картежный шулер смотрел их и подсовывал именно такие вопросы.

Затем мы осматривали достопримечательности Вашингтона: памятники Линкольну, Вашингтону, Джефферсону, потом проехали по негритянскому району, туда вообще американцы везти Никиту Сергеевича не хотели, потому что негритянские районы, как правило, окраинные. Когда мы ехали, то видели оборванных, босых ребятишек. Но мы с Меньшиковым еще заранее договорились в данном случае немножко обойти и охрану. Когда мы ехали по городу, вдруг машина, где сидели Меньшиков и Литовченко, повернула в другую сторону. Были и паника, и страх у мотоциклистов и ведущих машин, но мы все-таки поехали и показали товарищу Хрущеву эти районы, и вернулись обратно.

Вашингтон красивый город, со скверами. Небоскребов там мало. Все это в центральной части города, а за центральной частью – одноэтажная Америка. В Нью-Йорке, например, тоже в центральном районе – небоскребы, от которых на улице темно даже при солнце, а за центральным районом – одноэтажная Америка. Поэтому нельзя говорить, что Нью-Йорк – город небоскребов. На окраинах там обветшалые, покосившиеся дома, куда гостей не возят.

На другой день – отъезд в Нью-Йорк. Приехали мы на вокзал. Никите Сергеевичу решили показать металлический шкаф для хранения багажа пассажиров. Действительно, это удобно. Металлический большой шкаф разделен на секции, надо положить 25 центов, дверцу можно после этого открыть, берете ключ, ставите чемодан, закрываете и уходите. Вещь, действительно очень удобная, но краж там немало. И вообще, преступность страшно большая. Я беседовал с шефом полиции Вашингтона. Он очень серьезно переживал, когда рассказывал о преступности, особенно детской. В столице, культурном центре, ночью в скверах, парках, в темных переулках ходить нельзя, особенно женщинам. И убийства ежедневные, грабежи, разбои – все это с сенсацией публикуется в газетах. Особенно страшно то, что в стране большая детская преступность. Мы очень серьезно беседовали с шефом полиции и о том, как они воспитывают детей и как мы воспитываем детей. Во время нашего пребывания один американский мальчик убил отца, мать, брата и двух сестер, и это было расписано во всех газетах. Когда я ему сказал, что у нас убийца-подросток является исключительным явлением, он воспринял это с недоверием.

Мы очень тревожно себя чувствовали, когда ехали из Вашингтона в Нью-Йорк на поезде. Накануне приезда мы получили письмо с угрозой. Я это письмо передал в службу безопасности Госдепартамента. Американцы начали искать автора, все следы шли на венгерскую эмиграцию. Тогда они стали ее проверять. На автора наткнулись на одной из мебельных фабрик, расположенных вдоль полотна железной дороги между Нью-Йорком и Вашингтоном, где венгр купил винтовку и боеприпасы с целью, что когда поедет специальный поезд с Н. С. Хрущевым, он будет стрелять. Когда мы об этом узнали, венгра немедленно арестовали, но винтовку так и не нашли. Это нас беспокоило, потому что винтовку могли передать в другие руки. Что придумали янки? Они закрыли фабрику, в этот день она не работала. Все обошлось благополучно.

Затем мы приехали в Нью-Йорк. Надо сказать, что на вокзале в Нью-Йорке встреча у нас прошла не совсем так, как подобает. Когда я был в Нью-Йорке предварительно, то был решен вопрос о том, какой будет вокзал, во всяком случае, мне было так заявлено.

Когда я приезжал на вокзал, мне только показали платформу, с которой пойдет Никита Сергеевич. Когда мы приехали, поезд наш загнали куда-то, платформа находилась примерно на уровне 3-го этажа. Когда мы вышли из вагона, нас посадили в громадный грузовой лифт. Правда, они потом говорили, что всегда так встречают во избежание недоразумений, все безопасностью прикрываются. Поднялись на 3-й этаж, где были наши машины. В них мы по суще-

ству садились в темную, хотя это было среди белого дня. И только потом выехали с эскортом. Как только мы выехали, я смотрю, 60 мотоциклистов нас окружили, шум, гам, быстрота езды, проезд по улицам отгородили деревянными барьерами вдоль всей трассы, чтобы ни один человек не мог выйти на проезжую часть. И мы быстро промчались до резиденции – отеля «Волдорф-Астория».

После того, как мы поехали в Гайд-парк на другой день, наш эскорт был в сто мотоциклистов. Шум невозможный. Кроме того, нас сопровождал еще вертолет. Но, может быть, вертолет действительно был нужен, потому что в Нью-Йорке дать зеленую улицу – это надо уметь. Миллион с лишним машин в городе привыкли нестись с головокружительной быстротой. В данном случае надо было обеспечить наш проезд. С вертолетом имелась связь, откуда сообщали, где колонна, где перекрывать и т. д.

А с другой стороны, генеральный комиссар полиции города Кеннеди заявил мне, что он все может сделать, но не может гарантировать безопасность с тех небоскребов, которые имеются на пути. Вообще он был прав, потому что десятки тысяч окон, 50 этажей и т. д., улицы очень узкие, бросить вниз бутылку, взрывчатку или другой предмет, даже бытовой, случайно, это легко. Поэтому проезд по улицам Нью-Йорка был сопряжен с некоторой опасностью. И, оправдывая это, Кеннеди сказал, что он должен возить господина Хрущева по улицам города только очень быстро, он так возил английскую королеву и других деятелей, и мы, действительно, ездили с большой быстротой.

Когда мы приехали в «Волдорф-Астория», получился первый конфуз. Только сели в лифты, специально бронированные (я тоже сел в одну кабину с Никитой Сергеевичем, нас было пять человек, а лифты вмещают до 15 человек) и поднялись на 28 этаж, как встал наш лифт. Конфуз. Я сразу подумал, что это шпилька. Господин Лодж, член кабинета министров, тоже был с нами, управляющий гостиницей с нами, представители с их стороны. Кое-как мы дверцу открыли, я выскочил, пришлось подать стул. Никита Сергеевич сказал, вот хвалитесь, а американская техника качается. Все были сконфужены. И мы шли четыре этажа пешком на 32 этаж. Они расследовали это дело. Оказывается, нагрузили сразу все четыре лифта, и все лифты поднялись, получилась перегрузка, выскочила одна пробка.

Около отеля собрались венгерские, украинские и другие эмигранты, а дело было уже к вечеру, и начали кричать. Они стояли с другой стороны отеля и при подъезде мы их не видели, а когда поднялись на 32-ой этаж, все увидели и услышали их. Но потом их убрали, очень уж они активно кричали, но никаких враждебных действий, кроме выставления плакатов, не было.

На другой день мы поехали с визитом к Гарриману, который пригласил на обед Хрущева. Когда приехали туда, одна женщина тоже кричала. Подошел к ней американец, я был свидетелем этого, и говорит: «Что вы кричите? Что вам нужно? Кто вы такая?» Она говорит, что венгерка. «А чего вы кричите? Не к вам же приехал мистер Хрущев, он к американцам приехал, убирайтесь немедленно». Собралась толпа, и она ушла.

Там же был другой случай. Нашелся один удалый человек и с 15-го этажа вылил ведро с водой на головы пикетчиков, и они разбежались. Это показывает отношение самих американцев к этой швали.

17 сентября был дан обед в Экономическом клубе. На этом обеде выступили отдельные господа, затем слово взял Н. С. Хрущев. Все шло, в основном, нормально. Вообще мы знали о том, что здесь собрались тузы всех мастей, капиталисты не только Нью-Йорка, а кое-кто приехал и из других городов, и поэтому свои силы тоже расставили соответственно, в этом нам помогали работники безопасности. Мы сели в зале, Литовченко тоже пришел. В данном случае мы сели за передние столы, как почетные гости. Выступил Никита Сергеевич, после этого пошли вопросы.

Редактор, владелец реакционнейшего журнала «Лук», начал задавать вопросы, затем другой господин. Надо сказать, мы страшно переживали за Никиту Сергеевича, он сильно волно-

вался, голос у него немножко сорвался из-за пикирования с ними, но бой он дал им беспощадный. И, хотя ему это досталось нелегко, но отповедь была такая, что они стали аплодировать ему, потому что поняли, что он победил. Он заявил о том, что «вы меня тут хотите «перевоспитать», такие планы даже проскальзывали кое-где в печати. Вот, мол, посмотрю Америку, что тут есть, чем богата, тогда и пойму, что этот образ жизни лучше. Так, да? Так вот, я хочу вам прямо сказать: ничего насчет перевоспитания не выйдет. Знайте, с кем вы имеете дело, я хотел, чтобы вы это поняли».

После обеда мы поняли, что Никита Сергеевич очень устал. Он пошел в отель, говорит: «А все-таки сорвался, не удержался, может, и резковато».

Он отдохнул, и на другой день настроение у него улучшилось, тем более, что он сам понимал, что дал хорошую отповедь провокаторам.

Гайд-парк – это бывшая резиденция Рузвельта, особняк превращен в музей, на могиле белая высокая плита находится на полянке, огражденной кустарником. Домик, где галерея с подарками и картинами и фотографиями, относящимися к его деятельности. Старое имение, красивое, в сельской местности, в ста милях от Нью-Йорка. Сама Элеонора живет в пяти милях от этого особняка, в небольшом уютном домике, куда мы на 10 минут заезжали. Там она подарила Никите Сергеевичу несколько книг, видимо, мемуаров, написанных Рузвельтом.

Из Гайд-парка мы приехали в здание Организации Объединенных Наций. Это мероприятие готовилось заранее, когда я раньше приезжал в Нью-Йорк. Стремление попасть на встречу, помимо делегатов Генеральной ассамблеи, было большое. Обычно продавали места для гостей. Когда я приезжал в Америку первый раз, на черной бирже за билет давали по 70 долларов.

И мы опасались, что на это заседание могут попасть провокаторы, а это было одно из решающих выступлений Никиты Сергеевича. Для того, чтобы этого не случилось, мы заранее договорились о том, чтобы билеты не продавались вообще. Нас очень хорошо принял заместитель Хаммаршельда, когда я приезжал, сам Хаммаршельд был в другой стране. Мы с ним договорились, и он твердо дал указание о том, что билеты будут только раздаваться по определенным делегациям и организациям. Это первое.

Второе. Мы попросили у них 400 билетов для себя. Мы имели в виду раздать эти билеты работникам советского посольства, постоянного представительства, находящегося в Нью-Йорке, коммунистам-американцам, прогрессивно настроенным лицам, то есть, создать благоприятную обстановку. наших людей мы проинструктировали, где, кто должен садиться на случай безопасности Н. С. Хрущева. Мы прямо говорили, закричит – пресекать, сажать на место, потому что иначе невозможно. Кричать будет непорядочный человек, а раз он непорядочный, то надо с ним такими же мерами расправляться.

Мы сказали народу о том, что когда Никита Сергеевич войдет – смотрите, потому что сидят люди, которые на нас смотрят косо, потому что, естественно, делегаты социалистического лагеря настроены с симпатией, они будут приветствовать. Все вышло очень хорошо. Когда мы вошли в зал, наши люди поднялись, гром аплодисментов, кто не хотел встать, встали и тоже аплодировали. Встреча была очень хорошая.

После этого мы осмотрели здание ООН. Это типичная коробка, 42 этажа, небоскреб, построенный на деньги всех налогоплательщиков мира. Здание хорошее. Никита Сергеевич прошел все помещения, посмотрел, мы поднялись на самый верхний этаж, откуда открывался красивый вид на Нью-Йорк.

Потом мы поехали по улицам, правда, показали нам в Нью-Йорке немного, провезли нас по Уолл-стрит, туда и обратно, между небоскребами, и мы подъехали к самому высокому небоскребу в США, 102 этажа.

Вечером был обед в здании ООН. Я хочу на нем остановиться, потому что когда мы поехали на обед, то пикетчики нас атаковали в двух местах, примерно в 300 метрах от здания, на углу специально ждали венгры, и затем украинцы, поляки, русские и другие.

Когда мы приехали, мы с Бурдиным сняли значки и пошли к пикетчикам, посмотреть на них поближе. Когда мы подошли к ним, они вели себя спокойно.

19 сентября мы вылетели в Лос-Анджелес. Первый перелет с Атлантического океана на берег Тихого океана продолжался 4 час. 35 минут.

Когда мы ехали из аэропорта, злополучный помидор был брошен в полицейскую машину кем-то из эмигрантов. Начальник полиции, видя такое дело, струсил и запретил нам ехать в детский киногородок в Голливуде. Американская пресса вместо того, чтобы принять вину на себя, все свалила на генерала Захарова, – мол, генерал Захаров, органы советской безопасности не разрешили, боялись и т. д. Я вынужден был дать интервью корреспонденту «Комсомольской правды», которое было напечатано в газете: никаких возражений против поездки в киногородок мы не делали.

Потом прояснилось, в Голливуде собралось тысяч 40 народу, который ждал, чтобы приветствовать Никиту Сергеевича. Американские власти испугались этой встречи.

Мы посмотрели в Лос-Анджелесе на ланч кинозвезд, которые пользуются большой популярностью среди американцев. Кинозвезды не только сидели и обедали с нами, но и пришли в декольтированных нарядах. После этого нас повели на съемки новой картины «Кан-Кан». Нас там приняли очень хорошо. Одна кинозвезда на плохом русском языке приветствовала Никиту Сергеевича. Когда постановщик фильма спросил Хрущева, понравился ли фрагмент и не склонны ли вы купить эту кинокартину, он ответил: «Советский народ больше любит смотреть на лица, поэтому такую картину покупать не будем».

Вечером в Лос-Анджелесе мэром города был дан обед. Он давался в отеле, где мы размещались. На этом обеде мэр города снова вытащил старую утку, которую задавали нам в первое время в Вашингтоне, затем в экономическом клубе, что вот, мол, якобы Хрущев хочет закопать Америку. Но и тут Никита Сергеевич дал очень серьезную и достойную отповедь.

В этот момент я пошел с Волковым в американский офис, протокольный отдел, договариваться об отправке завтра по железной дороге. Мы все обговорили, зашли в свой номер, где работал телевизор. Я смотрю, Никита Сергеевич с волнением, в повышенном тоне что-то говорит. Мы с Волковым побежали бегом. Прибегаем, а Хрущев нервно настроен, вызвал Громыко, дал ему указание поговорить с сопровождавшим нас господином Лоджем о том, чтобы подобных вопросов больше не было. Действительно, потом американцы повернули на 180 градусов в другую сторону, и все пошло, как надо.

Мы очень хорошо проехали по железной дороге, встречи с народом были очень теплые.

Когда мы приехали в Сан-Франциско, нас очень тепло встретили, было темновато, вокруг отеля скопилось несколько тысяч человек. Приехали мы в закрытой машине, Никита Сергеевич направился было в отель. Я вижу, что народу много и говорю Никите Сергеевичу, что надо бы поприветствовать людей. Очень уж много их собралось, чувствуется, что ждали. Он тогда с лестницы повернул обратно и – к народу. Сперва подошел к одной стороне, его встретили громом аплодисментов, потом подошел к другой стороне. Очень хорошо встретили. А на другой стороне стоял один пикетчик с лозунгом. Меньшиков говорит Хрущеву, что не надо, Никита Сергеевич, эту сторону приветствовать. Ничего, отвечает Хрущев, на тысячу людей всего один дурак. Пикетчик показывает на плакат, а Никита Сергеевич показывает ему на голову, в своем ли он уме. И пикетчик быстро свернул лозунг и ушел.

Вечером мы поднялись на самый верх отеля. Никита Сергеевич осмотрел город сверху. Сан-Франциско расположен на горах, в нем нет ровных улиц, все пересечено холмами, но город белый, чистый, хороший, приветливый, очень удобный, с одной стороны бухта, с другой стороны – океан. И дома на окраинных районах построены террасами.

Мы посетили в городе продовольственный магазин. Потом сами не рады были, еле выбрались оттуда, потому что там заранее уже узнали, что приедет Хрущев смотреть продоволь-

ственный магазин. Собралась масса людей, многих не пустили. Когда мы зашли в магазин, было много народа.

Потом была прогулка на корабле, мы посмотрели бухту, город, мост, самый длинный в мире и остров, где находится знаменитая Калифорнийская тюрьма. Нам сказали, что в истории еще не было, чтобы оттуда кто-нибудь убежал, хотя там сидят самые крупные гангстеры. Мы спросили, сколько там человек. Ответили: 200.

Здесь мы заезжали к рабочим-грузчикам. Заезд был внезапный. Рабочие окружили Н. С. Хрущева, не пускают, не верят, что он опять приедет, приглашают зайти к ним. Никита Сергеевич дал слово, что после прогулки на корабле приедет опять к ним. Один рабочий особенно просил, говорит: «Господин Хрущев, останьтесь». На обратном пути мы снова заехали к ним.

Рабочие собрались, встретили, Никита Сергеевич произнес речь, обменял свою шляпу на кепи, побратался с рабочим-грузчиком. Когда он стал перед ними выступать, я почувствовал, что он находится среди своих людей.

Мы получили сигнал о том, что обстановка в Питтсбурге не совсем благоприятная, туда съезжаются эмигранты из Нью-Йорка и Кливленда. Я с Бурдиным прилетел в Питтсбург часов в 6 вечера. Пока мы занимались вопросами размещения нашей делегации, пришло сообщение, что по городу идет колонна в 30 автомашин демонстрантов-эмигрантов с антисоветскими лозунгами. Я сразу спустился вниз, колонны этой нет. «Где?» – спрашиваю. Говорят, что отправилась по направлению к аэропорту. Я взял начальника полиции к себе в машину, мы нагнали их недалеко от аэропорта. Начальник полиции по рации дал команду: пока мы не доехали, гнать этих демонстрантов за аэропорт, в лес. И мы их действительно нагнали уже за аэропортом, в лесу. Начальник полиции вышел из машины, к нему подошел полицейский. Около машины полицейского стоял мужчина средних лет, в белой сорочке, без пиджака. Оказалось, это руководитель демонстрации. По нашей договоренности полицейские продержали их до часа ночи, а затем отпустили.

На другой день утром, когда я вышел на улицу, я был обрадован с одной стороны, но и возмущен. Тысячи людей собрались вокруг отеля. А на площадь выходило окно Никиты Сергеевича, и все устремили туда свои взоры. В это же время там стояли две группы пикетчиков с оскорбительными лозунгами. Я вышел, не выдержал и тут же потребовал от зама мэра по безопасности навести должный порядок. Он побелел как бумага и затрясся. Через 15 минут на наших глазах трем демонстрантам скрутили руки. Посадили в машину и увезли. Все лозунги свернули, сломали при нас, бросили в машину, и двое полицейских их увезли. После этого в Питтсбурге мы не увидели ни одного лозунга, хотя там был пресловутый Бела Фабиан, который сопровождал нас со своей женой везде.

В Питтсбурге весь народ вышел на улицы, несмотря на то, что эмигрантские организации навезли туда всякого сброда, такой активности, такой теплоты, пожалуй, нигде не было. Я не вытерпел и утром сказал Никите Сергеевичу, что хотели дать открытую машину. «Это правильно, это хорошо». В нескольких случаях я сам предлагал ему открытую машину, в других случаях подавали закрытую, я скромно умалчивал, потому что считал это правильным, когда обстановка была не в нашу пользу.

В Вашингтон мы прибыли нормально. Когда поехали с аэродрома, ко мне подъехал американский мотоциклист, передал записку: в районе Белого дома сейчас собирается в Хрущева стрелять один из эмигрантов.

Напряжение было страшное. Что делать? Этот сигнал прислал мне начальник отдела Госдепартамента Хипсли. Со мной в машине не было ни одного человека, знающего русский язык. Я стал объяснять американцам, как мог, что у Белого дома собираются стрелять. Они, оказывается, по связи получили эти данные, отвечают, что знают об этом.

А что мне делать? Первое. Мотоциклетный эскорт поставить по два с той и другой стороны, у каждого колеса по два, чтобы двое полицейских прикрывали справа и двое слева, чтобы это было надежное прикрытие. Дальше. Машину свою надо подставить, но откуда будут стрелять: справа или слева? Шоферу говорю: если где-то будет заметно шевеление, поезжайте в ту сторону.

Я встал и ехал стоя в открытой машине от самого аэродрома до резиденции.

Напротив Белого дома стояла кучка эмигрантов с теми же флажками, с которыми они нас встречали, когда мы въезжали в Вашингтон впервые, но никаких происшествий тогда не было.

Потом мне Хипсли сказал, что они только что получили анонимное письмо о том, что при приезде к Белому дому будут стрелять. Но, к счастью, все окончилось благополучно.

Спать нам приходилось маловато, ели мы кое-как. Но с этим не считались, потому что понимали задачи и, надо сказать, наши сотрудники никогда не были чем-то недовольны.

В Кэмп-Дэвид сначала хотели поехать на автомашинах, а полетели на вертолетах. Кэмп-Дэвид – государственная резиденция президента.

Это несколько маленьких домиков, деревянных, обшитых тесом. Один побольше. Все домики одноэтажные, внутри отделаны они более-менее прилично, уютно. Я осмотрел все помещения от начала до конца, когда приезжал раньше.

В отношении охраны в Кэмп-Дэвиде мы были спокойны. Резиденцию президента охраняют постоянно в три кольца, батальон морской пехоты. Такая охрана, что туда и комар не проскочит. Если вы зашли в зону, вам одевают значок, что вам здесь разрешено ходить.

26 сентября Никита Сергеевич посетил ферму Эйзенхауэра. Это его личная ферма, небольшая, он там раньше работал.

После этого была пресс-конференция в пресс-клубе и выступление по телевидению. Никите Сергеевичу предлагали попудриться и одеть голубую рубашку, чтобы его было лучше видно в цветной телевизор. Я предупредил Литовченко, что будут это предлагать, но мы сразу это исключили. Как приедет одетый, так и будет выступать. Так и получилось.

Когда он выступил по телевидению, вышел в коридор и сказал: «О'кей, все, в самолет теперь и на Москву!»

Это было последнее выступление, за исключением прощальной речи на аэродроме. Мы были очень довольны, что за период такой тяжелой командировки он ни разу не заболел, нас это очень радовало.

Затем полетели в Советский Союз. В самолете он подошел ко мне: «Ну, как, отходите?» Я говорю, что не могу «отойти», пока мы не приземлимся, но уже чувствую себя, как на советской территории.

Ботинок Хрущева

...Одиннадцатого мая 1960 года Н. С. Хрущев посетил парк культуры имени Горького, где были выставлены обломки сбитого над советской территорией 1 мая американского разведывательного самолета У-2. А далее последовал провал четырехсторонней встречи в Париже. Политическое противостояние между президентом Эйзенхауэром и Н. С. Хрущевым, сопровождавшееся ультимативной полемикой, нарастало. Готовясь к публичным выступлениям с целью оказания морального давления на противоположную сторону, Никита Сергеевич подыскивал на его взгляд самые разящие выражения, например: «Бог шельму метит», чем повергал в ужас министра иностранных дел СССР А. А. Громыко.

Известие о приезде советской делегации во главе с Н. С. Хрущевым на американскую землю, в Нью-Йорк для участия в XV сессии Генеральной Ассамблеи ООН буквально подлило масла в огонь. На сотрудников охраны легли колоссальные трудности по обеспечению безопасности этой поездки.

Было решено, что основная делегация пойдет морем на электротурбоходе «Балтика», стоящем на причале в Балтийске. Руководство охраны в свою очередь высказало руководителю страны свои замечания по поводу передвижения в Америку морским транспортом. Никто не мог застраховать от диверсий, которые могли списать на счет плавучей мины, оставшейся со второй мировой войны. Судно в океане было практически беззащитно от всевозможных террористических актов. Однако мнение плыть кораблем возобладало.

Это нестандартное решение сразу обросло множеством предположений. Американская печать высказала самые различные прогнозы. Считалось, что на «Балтике» будет размещен главный штаб всех глав, представляющих коммунистические страны, по разработке плана наступления на Запад и ООН. Далее, что Хрущев едет на «Балтике» потому, что не хочет себя связывать с американскими властями, а пристанет прямо к зданию ООН и будет независим от США. С этой целью на корабле находится до 200 отборных, хорошо натренированных, вооруженных до зубов офицеров охраны. И, главное, что глава советского правительства везет на борту осужденного летчика Пауэрс, двух американских летчиков с самолета «РБ-47», сбитого 1 июля 1960 года на советской территории, обломки самолета «У-2», и все это он выставит в здании ООН, чтобы устроить американскому правительству судилище.

Получив необходимые указания от Председателя КГБ Шелепина, мы вместе с командующим Военно-морским флотом СССР адмиралом Горшковым вылетели в Балтийск для подготовки «Балтики» в далекое плавание. Корабль «Балтика» был голландского производства и имел хорошие условия для труда и отдыха пассажиров. Накануне поездки судно было тщательно осмотрено. Были приняты все меры, чтобы сделать риск пребывания на судне минимальным. По указанию Горшкова судно было обеспечено дополнительными плавсредствами на случай непредвиденных обстоятельств.

Я встретился с начальником отдела КГБ и дал ему указание о проверке личного состава экипажа. Это же указание поступило ему из Москвы. Но, как впоследствии оказалось, эту работу «особисты» сделали некачественно. Уже в Нью-Йорке пришлось докладывать Никите Сергеевичу о том, что один матрос, эстонец по национальности, ушел с корабля и попросил у американских властей политического убежища. Зная взрывной темперамент главы нашей делегации, мы ждали, что полетят головы в фуражках. Падкая до сенсаций пресса находилась в ожидании скандала. Никита Сергеевич заранее продумал свой ответ, стараясь при этом выглядеть как можно более снисходительным. И когда одним из корреспондентов все же был задан вопрос: «Господин Хрущев, как вы смотрите на то, что матрос с вашего корабля попросил убежища в Соединенных Штатах?», глава советской делегации не замедлил разъяснить: «Очень тяжело ему приспособиваться к американским условиям жизни, ничего ведь нет у него за

душой. Глупо он поступил, необдуманно. Если бы он мне сказал, что хочет остаться, я бы оказал ему какую-то помощь на первых порах». И на этом, к нашему удовольствию, инцидент был практически исчерпан, за обещанной помощью к Хрущеву по этому вопросу так никто не обратился. Сами понимаете – почему.

Решив все вопросы подготовки к отъезду делегации, я вместе с Владимиром Павловичем Бурдиным и Андреем Ивановичем Чупиным за 10 дней до прибытия «Балтики» в Нью-Йорк вылетел в Вашингтон.

Нашим послом в США был Меньшиков. На другой день мы с ним направились в госдепартамент США с визитом к помощнику государственного секретаря США Колеру. Прием был холодным.

Колера мы официально поставили в известность о том, что Н. С. Хрущев прибывает на сессию Генеральной Ассамблеи ООН в качестве главы советской делегации на турбоэлектроходе «Балтика» 19 сентября. Постоянной резиденцией главы советской делегации будет здание представительства СССР при ООН в Нью-Йорке и советская дача в Гленкове (в 60 км от Нью-Йорка). Мы выразили просьбу обеспечить безопасность советской делегации во время ее пребывания в США. При этом было сказано, что хотя Н. С. Хрущев и является гостем США, но по общепринятым международным правилам принимающая страна, на территории которой проводят подобные международные совещания, считает всегда своей обязанностью обеспечивать безопасность их участников и создавать нормальные условия для работы. Кроме того, мы заявили, что с делегацией будет также и советская охрана, которая имеет оружие, на что мы просим разрешения.

Выслушав нас, Колер заявил, что правительство США уполномочило заниматься приемом прибывающих на сессию глав государств и правительств американскую миссию при ООН и местные власти Нью-Йорка. «Что же касается обеспечения безопасности высоких гостей, – продолжал Колер, – то госдепартамент примет в этом необходимое участие вне пределов территории ООН».

Из ответа было ясно, что госдепартамент, адресуя нас к нью-йоркским властям, отказывает нам в оказании какой-либо помощи и содействии и развязывает себе руки для организации всевозможных провокаций. Это стало началом всех наших дальнейших проблем.

На другой день после переговоров с Колером мы с Бурдиным и Чупиным вылетели в Нью-Йорк и сразу же прибыли в наше представительство при ООН, где нас ожидали новые неприятности.

Прежде всего, главный наш представитель Соболев заболел и улетел в Москву, оставив за себя заместителя Морозова и Зою Миронову. Как впоследствии я убедился, Морозов, несмотря на высочайший пост, отнесся к предстоящему визиту очень безответственно, а Миронова больше следила за своей внешностью, чем за делами.

Меня возмутила их бездеятельность, так как они палец о палец не ударили для подготовки приезда главы государства. Вырисовывалась следующая картина. В сложившейся ситуации «Балтике» суждено было стоять на рейде вдали от берега, так как под давлением госдепартамента руководители нью-йоркских профсоюзов отказали сдать в аренду какой-либо причал. Такой вариант был абсолютно неприемлем. А варианты были. Здесь же, в представительстве, мне подсказали, что на реке Ист-Ривер, неподалеку от здания ООН, есть запущенный ветхий причал, принадлежавший муниципалитету. Я с Бурдиным быстро приехал к этому пирсу. Сторож в будке сказал, что пирс ветхий и не годится для причала судов. В разговоре выяснилось, что хозяин этого пирса – муниципалитет и его глава мэр города по фамилии Вагнер.

Мэр принял нас хорошо и сказал, что пирс стоит долгие годы свободным, так как не годится для причала судов из-за ветхости настила и крыши. «И все-таки, мы его арендуем и пришлем человека из советского представительства для заключения договора», – сказал я. Вагнер согласился и посоветовал, где найти рабочих для ремонта и строительные материалы.

Пирс, действительно, был непригоден для эксплуатации, потому что не ремонтировался уже 20 лет. Настил провалился так, что пройти вдоль было невозможно. Крыша в том месте, где ставится трап корабля, была вся в дырах и ее необходимо было менять. Но нас устраивало место, так как было близко к зданию ООН, на случай, если Никита Сергеевич захочет жить на корабле.

Казалось бы, с пирсом вопрос был решен. Но в дальнейшем за несколько дней до прихода «Балтики» мы шифром запросили капитана о водоизмещении корабля и метраже погружения. Ответ нас поверг в шок. Оказалось, что глубина реки в этом месте не позволяет принять «Балтику» из-за мелководья. Что делать? А что если углубить фарватер? Были найдены водолазы, которые, надо отдать им должное, в предельные сроки углубили дно до нужных размеров.

Понимая, что в оставшиеся дни придать пирсу приличествующий вид вряд ли удастся, я приказал после проведения работ вывести под отремонтированный на берегу навес все ковры и ковровые дорожки, находящиеся в представительстве, и этим хоть как-то скрасить неприглядность причала.

Мироновой следовало подготовить для Хрущева, Подгорного и Мазурова квартиры Соболева, Морозова и самой Мироновой, а им временно переехать на нашу дачу в Гленков.

Кроме того выделялось две комнаты для охраны, находящейся с Хрущевым. Остальные сотрудники, из прибывших 30 человек, размещались на «Балтике».

Автомашины и водители в Нью-Йорке были наши, представительские. У Хрущева водителями были Александр Иванович Журавлев и Илья Ефимович Жарков. Илью Ефимовича я впоследствии перевел в гараж особого назначения в Кремль. Он был не только водителем высокого класса, но и просто замечательным человеком. К несчастью, позже, уже в 1969 году, он погиб за рулем своего автомобиля от пуля террориста Ильина, пытавшегося совершить покушение на Брежнева.

Выяснилось также, что никаких контактов с местной полицией по вопросам безопасности главы советской делегации Морозов не осуществлял. Такой бездеятельностью руководителей представительства я был сильно возмущен.

Мы созвонились о встрече с префектом полиции г. Нью-Йорка. В назначенный час префект Кеннеди, однофамилец будущего президента США, собрал заинтересованных лиц. Я с подполковником Бурдиным прибыл в их офис. Мы начали обговаривать меры по охране советской делегации. И тут Кеннеди вдруг заявил, что он получил приказ госдепартамента о запрещении ношения оружия сотрудниками нашей охраны. Если полиция увидит у ваших сотрудников оружие, то она обязана будет их арестовать.

«Мистер Кеннеди! – отозвался я. – Я тоже с оружием». При этом я вытащил из кармана «Вальтер» и положил его на стол перед префектом.

– Можете для начала арестовать меня. Советская охрана имеет оружие и она должна быть с оружием, потому что является охраной главы правительства, а не чучелом в огороде для отпугивания птиц. При всех условиях, – заявил я, – группа моих сотрудников будет нести службу с оружием. И если вы, Кеннеди, заинтересованы в обеспечении безопасности, то должны согласиться со мной. Тем более, вам известно, что наши сотрудники знают, как носить оружие и в каких случаях применять его. О том, что никакого злоупотребления с их стороны не будет, я ручаюсь и всю ответственность в этом вопросе беру на себя.

– Мистер генерал, уберите немедленно оружие! Иначе я прекращу переговоры, – потребовал Кеннеди.

Я тут же убрал пистолет, а Кеннеди отпустил всех приглашенных. Мы остались наедине и договорились, наши охранники будут прятать свое оружие, как это было во время визита 1959 года. Прятали же свои пистолеты на самом ответственном мужском месте. Находившиеся там пистолеты в определенной степени и увеличивали достоинство, и были надежно закамуфлированы.

В свою очередь мы пошли навстречу американской стороне и передали им список сотрудников, которые будут вооружены.

Одновременно я просил Кеннеди не публиковать из соображений безопасности трассу, по которой Хрущев поедет в представительство от пирса. Несмотря на мою просьбу, сообщение о трассе все же было опубликовано.

В это время «Балтика» уже отчалила от родных берегов и шла до выхода в Атлантику под прикрытием двух миноносцев. Понимая рискованность операции и с целью максимального снижения риска, вдоль маршрута были заранее расставлены рыболовецкие и торговые суда, готовые в любой момент прийти на помощь. По сообщениям с борта корабля облеты «Балтики» иностранными самолетами и вертолетами продолжались постоянно. Но самым тяжелым оказалось не это. Всю делегацию поразила морская болезнь. Сотрудники охраны, которые и на корабле продолжали выполнять свои обязанности, буквально падали с ног. Расслабляться было нельзя ни на минуту. Мы постоянно ждали каких-нибудь провокаций. И вот когда кораблем было пройдено более половины пути, неожиданно рядом по курсу на небольшом расстоянии всплыла подводная лодка без опознавательных знаков. Все высыпали на палубу. Поднялся и Н. С. Хрущев. Соседство субмарины не предвещало нам ничего хорошего. Начальник охраны Хрущева Литовченко был готов к самому неблагоприятному для нас развитию событий. Но, к счастью, субмарина, пройдя некоторое время вблизи корабля, погрузилась. Однако гнетущая напряженность не пропадала.

Америка по-своему готовилась к прибытию Хрущева. Госдепартамент призвал организовать «заговор молчания» вокруг главы советского правительства во время его пребывания в Нью-Йорке. Прессе, радио и телевидению было дано прямое указание «воздерживаться» от освещения пребывания и деятельности Хрущева в США.

Другим провокационным действием американских властей явился лозунг: «Хрущеву – холодный прием». 12 сентября в Нью-Йорке состоялось собрание представителей всех анти-советских организаций США, на котором был создан «Исполнительный комитет Российских антикоммунистических организаций». Комитет являлся штабом по организации антисоветских провокаций русскими эмигрантами во время пребывания нашей делегации в Нью-Йорке. Он издал обращение ко всем русским эмигрантам, в котором изложил перечень антисоветских мероприятий, намечаемых в связи с приездом в Нью-Йорк главы советского правительства. «Дело чести каждого русского эмигранта участвовать в демонстрации протеста против приезда Хрущева и продемонстрировать свою волю к борьбе против коммунизма», – писал этот комитет в своей статье 13 сентября в газете «Новое русское слово». Призывы и объявления с приглашением приходить на демонстрации протеста и пикетирование советской делегации печатались почти ежедневно. Были изданы обращения к местным властям, призывающие при подходе «Балтики» к порту закрыть траурным покрывалом статую Свободы, а во время прихода нашего корабля организовать «минуту молчания» в Нью-Йорке и ряд других пакостей.

Чтобы отравить политическую атмосферу, эмигрантские организации распространяли тысячи листовок и газет, наполненных грязной клеветой на советский народ, призывали встречать советскую делегацию как заклятого врага, систематически подстрекали жителей Нью-Йорка к враждебным выпадам и даже к террору против главы советского правительства и глав делегаций других социалистических стран. Так, эмигрантская газета «Русская жизнь» явно подстрекательски писала: «Смотря на список этих лиц (руководителей социалистических стран, прибывающих в Нью-Йорк), не только дипломатам, но и простым рядовым гражданам станет понятным, что каждый из них является потенциальной мишенью для потенциального убийцы... И среди наводняющих Нью-Йорк беженцев нашелся бы не один, который был бы готов пожертвовать собой ради этой цели».

В Вашингтон был приглашен главарь венгерских эмигрантов Бела Фабиан. Он получил специальную инструкцию от госдепартамента по организации демонстраций и обструкций про-

тив делегаций социалистических стран. Он заявил, что «на этот раз господин Хрущев не будет целовать детей. Мы будем следовать за ним, куда бы он ни поехал, и сделаем его визит весьма неприятным. Поверьте мне, это не будет для него праздник».

18 сентября, в воскресенье, накануне приезда советской делегации, эмигрантам с помощью американских властей удалось собрать значительную демонстрацию, которая по замыслу ее организаторов являлась репетицией встречи нашей делегации. В три часа дня мимо здания нашего представительства началось шествие около двухсот автомашин, облепленных антисоветскими плакатами, транспарантами и карикатурами. Спектакль сопровождался воем сирен, гудками, свистками и выкриками. Чтобы придать видимость мощной демонстрации, эмигранты создали вокруг нашего здания непрерывное движущееся кольцо автомашин. Комедия длилась два часа. Затем начался второй спектакль. Около здания ООН собралась двухтысячная толпа эмигрантов, бежавших из социалистических стран. Вооруженная антисоветскими плакатами, карикатурами и крестами, толпа фашиствующих элементов двинулась по Парк-авеню к зданию нашего представительства и окружила его плотным кольцом. Под воздействием отдельных подстрекателей демонстранты пришли в экстаз и стали прорываться к зданию с целью бить стекла, хулиганить и бесчинствовать.

На период поездки Н. С. Хрущева в США «на хозяйстве» вместо него оставался Фрол Романович Козлов. У меня с ЦК был прямой канал правительственной «ВЧ» связи. В самый разгар уличного хулиганства я открыл окно и сказал Козлову: «Фрол Романович, послушайте, что у нас творится около здания представительства». После этого выставил трубку за окно. «Тут у нас в здание посольства кидают бутылки, колья. Кирпичи. Бьют стекла. Венгерская эмиграция возит макет Хрущева, повешенный на виселице. Фрол Романович, прошу вас принять необходимые меры, потому что вся эта эмигрантская трескотня проходит с одобрения госдепартамента США, а «Балтика» прибывает уже завтра». Москва предпринимала все возможное, но наши меры успеха не имели. Демонстрации продолжались.

Полиция, охранявшая здание, была не в состоянии сдержать этот натиск, и мы вынуждены были позвонить в нью-йоркскую полицию с просьбой о высылке дополнительного наряда и немедленном приезде к нам начальника. Минут через 20 после звонка прибыл крупный отряд стражей порядка и начал теснить пикетчиков, которые, особенно украинцы и венгры, яростно сопротивлялись и вступили в драку. Копы, не задумываясь, пустили в ход дубинки.

Вместе с отрядом к нам прибыло и руководство нью-йоркской полиции. Наш протест, выраженный в резкой форме, дал свои результаты. На следующий день, в день приезда советской делегации, мы видели только отдельные жалкие группы пикетчиков, к тому же удаленные блюстителями порядка на целый квартал от здания представительства. Полиция не подпускала их к нашему зданию до конца пребывания в Нью-Йорке Хрущева.

Следующей провокацией Вашингтона явилась нота госдепартамента об ограничении передвижения Н. С. Хрущева в США островом Манхэттен. Мотивировалось это «заботой» о безопасности главы советского правительства. Впоследствии, выходя каждое утро на балкон, в беседе с журналистами и фотокорреспондентами, дежурившими около нашего здания, Никита Сергеевич говорил, что «американское правительство отвело мне только эту территорию – балкон для встречи с вами и американским народом». Не только советская делегация, но и даже американская печать не одобрила этого решения. Интересен, например, такой факт, когда во время выступления по телевидению постоянного представителя США при ООН Уолдсворта один из американских корреспондентов задал ему вопрос: «Зачем правительство США нашумело на весь мир с ограничением передвижения Хрущева по Америке и даже послало специальную ноту, когда лучше было договориться по этому вопросу с генералом Захаровым, поскольку причиной ограничения является безопасность главы советского государства?» Уолдсворт ответил: «Насколько мы знаем генерала Захарова, он не тот человек, с которым можно было бы договориться по такому вопросу». Надо отдать должное, что Уолдсворт в данном слу-

чае был прав, так как я категорически возражал против этой акции со стороны госдепартамента США.

Лишь накануне приезда Н. С. Хрущева, после обмена нотами начальник отдела службы госдепартамента Хипсли передал нам, что Н. С. Хрущеву будет разрешено выезжать на субботу и воскресенье в Гленков, но при этом необходимо в каждом случае за три дня писать ноту в департамент, что в последующем мы и сделали.

Американская общественность в целом расценила ограничение Н. С. Хрущева в передвижении как «шедевр тупости правительства США» и очередную глупость госдепартамента, наносящую оскорбление американскому народу, гостеприимно встречавшему Н. С. Хрущева в прошлом 1959 году. Попытка ущемить права главы советской делегации повернулась против ее авторов и в конечном итоге нанесла серьезный политический ущерб престижу правительства США.

Неожиданно появились новые проблемы со швартовкой «Балтики». После заключения договора с фирмой «Мак-Кормик» о ремонте причала городская страховая инспекция предъявила нам требование застраховать пирс, корабль «Балтику» и всех находящихся на ее борту лиц, оценив все это в 10 миллионов долларов, которые мы должны были уплатить как дополнительную страховку. В случае неуплаты этой суммы вход в реку Ист-Ривер будет запрещен. Это был явный шантаж, который американцы пытались обосновать существующими законами о порядке приема иностранного корабля. После нашего категорического протеста главный комиссар полиции Нью-Йорка Кеннеди сообщил нам, что этот вопрос ему «удалось урегулировать».

За несколько дней до прибытия советской делегации нам стало известно, что по указке местных властей руководители профсоюзов портовых грузчиков организовали забастовку и грузчики отказываются обслуживать «Балтику». Более того, вместе с эмигрантами грузчики якобы хотят на лодках и буксире встретить наш корабль у входа в реку Ист-Ривер и сопроводить его до пирса «кошачьим концертом». Реакционная пресса восторгалась этой провокацией и расписывала ее самыми яркими красками. Однако нас это не особенно смутило, так как от американских властей мы ожидали всяких пакостей. Поэтому была достигнута договоренность с полицией об охране «Балтики» при входе ее в Ист-Ривер.

На этом активные ходы американской стороны не ограничились. Очередным препятствием, организованным префектом полиции Кеннеди, было предъявление нам ограничения лиц, встречающих делегацию, прибывающую на «Балтике». Свое требование Кеннеди обосновал малыми размерами пирса, его ненадежностью и невозможностью обеспечения безопасности при большом скоплении народа.

В ответ на это я заявил Кеннеди, что пирс арендован нами, на советские деньги, и мы вправе распоряжаться им и приглашать на встречу столько людей, сколько сочтем нужным. Тем более, что пирс подремонтрован и способен разместить предполагаемое нами число лиц и корреспондентов.

Кеннеди предлагал для проведения мероприятий по встрече советской делегации ограничиться тремя человеками от каждой делегации, то есть пригласить не более 25 человек и показать на весь мир, что приезд советской делегации в Нью-Йорк – это не более чем заурядное событие.

Я в ответ заявил, что будет 250 человек и плюс около 150 человек корреспондентов, а пропуска будут оформлены визовой полицией и разсланы нами. Пропуск организуем силами американской полиции и советской охраны. На этом вопрос был решен, но непосредственно в день встречи Кеннеди привел на пирс 150 полицейских, которые подготовили настоящий полицейский заслон, оттеснивший от Хрущева встречающих лиц.

Органы безопасности и нью-йоркская полиция так же готовились к встрече Хрущева. Полицейский комиссар Кеннеди привел свое управление, насчитывающее 24 тысячи человек, в

состояние полной боевой готовности. Вокруг резиденции Н. С. Хрущева круглосуточно дежурили сотни полицейских – пеших и конных, на мотоциклах и автомашинах. В одном из автобусов был организован специальный штаб со всеми средствами связи. При проездах глав делегаций через каждые 50–100 метров вдоль улиц были выстроены полицейские лицом к тротуарам, заполненным американцами. Мы всегда ездили в сопровождении большого количества полицейских автомашин и мотоциклистов. Сирены издавали сплошной вой, что создавало невообразимый шум.

В противоположность городской полиции у нас установились хорошие отношения с начальником охраны здания ООН Бегли и его заместителем Мэйном. Бегли и Мэйн не только рассказали нам об организации охраны делегаций и режиме в здании ООН во время работы сессии, но и подробно ознакомили нас с дислокацией постов, расположением кабинетов, всех входов и выходов, пищеблоков, вплоть до туалетных комнат. Бегли и его заместитель заметно отдавали предпочтение главе нашей делегации. Краткой характеристикой такого почтения может быть тот факт, что для наших автомашин всегда была лучшая стоянка около здания ООН и вообще все наши просьбы начальник охраны здания ООН удовлетворял безоговорочно. Как-то Бегли мне доверительно сказал: «Хотя господин Хрущев и ругает американское правительство, но я рад, что он первый за всю историю существования ООН вдохнул жизнь в эту мертвую организацию».

19 сентября рано утром мы с Бурдиным, Чупиным и работниками представительства выехали к пирсу. Шел сильный дождь. Справа от пирса я увидел толпу людей, одновременно под зонтиками и многочисленными антисоветскими лозунгами. Полиция в огромном количестве была уже тоже на пирсе. Вопросы безопасности в накаленной до предела обстановке меня волновали прежде всего. Исходя из того, что трасса проезда Хрущева была опубликована в прессе, я прямо на пирсе проинформировал начальника полиции Кеннеди об изменении маршрута движения. С пирса мы поедем не так, как напечатано, а объезжая толпу пикетчиков. Машина с Хрущевым проследует по более благоприятному с позиции безопасности маршруту. Кеннеди возразил, но я продолжал настаивать на своем, так как в этих вопросах возражений не принимал. Я прекрасно понимал, что нарушаю все достигнутые по этому с американской стороной договоренности и беру ответственность на себя, но в сложившейся обстановке у меня не должно было быть стандартных решений. В ином случае противники переиграют меня, и тогда может произойти непоправимое. Я этого допустить не мог.

Оставалась еще одна головная боль – сможет или нет советский корабль пройти углубленным фарватером? С томительным напряжением я следил за каждым метром продвижения нашего судна. К счастью, швартовка прошла по нашему плану и ровно в 9 часов «Балтика» пришвартовалась к пирсу № 73 на реке Ист-Ривер в Нью-Йорке.

Никита Сергеевич, Кадар, Живков, Г. Деж, Подгорный, Мазуров и сопровождавшие их лица стояли на верхней палубе. Хрущев еще с палубы крикнул:

– Товарищ Захаров, а где же обещанный американцами «кошачий концерт»?

Я ответил, что концерт провалился, так как артистов не нашлось.

– Жаль, жаль, – сказал Никита Сергеевич, – а мы собрались было их послушать.

Дождь лил все сильнее. Со стороны причал представлял собой унылую картину, несмотря на заранее разложенные ковры.

Хрущев спустился по трапу, подошел к стоящему на ковре микрофону и начал приветственную речь. В тот момент, когда Никита Сергеевич сказал первое предложение, я поднял глаза и оторопел. Прямо над головой оратора на пленке, образующей навес над пирсом, образовался огромный водный пузырь, грозящий в любую минуту разорваться и обрушиться потоком воды на советского лидера. Большого позора было трудно себе представить. Одновременно это и угроза здоровью охраняемого. Но что предпринять? Хоть доставай пистолет и стреляй вверх. В этой почти безнадежной ситуации вспомнил, что на берегу, у сторожа, есть длинный

багор. Через минуту я уже прокалывал покрытие, и хлынувший поток воды, слава Богу, не облил еще говорящего Хрущева.

По окончании речи делегация двинулась к автомашинам. Я сел с Журавлевым, водителем Хрущева, и сказал ему: «Будь внимательным! Едем так, как я сейчас покажу. Видишь толпу эмигрантов? Надо их объехать». Мы двинулись. Уже в зеркало автомобиля я увидел, как Кеннеди замахал руками. Но как у нас говорят: «Поезд ушел!», и эскорт американских мотоциклистов двинулся вместе с нами. Так мы благополучно доехали до представительства СССР при ООН.

20 сентября, в первой половине дня, Н. С. Хрущев вышел к подъезду. Корреспонденты, горя любопытством, спросили его: «Куда направляется мистер Хрущев?» Н. С. Хрущев ответил, что едет в Гарлем на встречу с Кастро.

Кастро жил в Гарлеме – негритянском районе Нью-Йорка, в гостинице «Тереза. До этого Кастро жил в центре города в гостинице, хозяин которой предъявил кубинцам громадный счет, требуя оплатить его вперед и мотивируя это тем, что кубинцы якобы несостоятельные плательщики. Сделано это было в оскорбительной форме. Кастро, узнав об этой провокации, собрал делегацию, которая с вещевыми мешками на спине и чемоданами прибыла в здание ООН. Сам Кастро зашел в кабинет к Хаммаршельду и заявил, что не уйдет отсюда, пока Хаммаршельд не предоставит делегации помещения. В противном случае, сказал Кастро, мы люди военные, не изнеженные, раскинем палатки на территории ООН, в сквере, и будем там жить до конца сессии.

Кубинской миссии все-таки удалось договориться с хозяином гостиницы «Тереза». Кастро занимал маленький номер, состоящий из одной комнаты. Когда Никита Сергеевич и Кастро после теплой встречи сели, то остальным пришлось стоять.

На Кастро также было наложено ограничение в передвижении якобы по мотивам обеспечения его безопасности. В ответ на это премьер-министр Кубы вызвал в Гаване к себе американского посла и заявил ему, что «отныне господин посол имеет право ездить только по одной улице от места жительства до своей резиденции», при этом добавил, что это вызвано «заботой» кубинского правительства о безопасности его превосходительства американского посла». Хрущев и Кастро очень тепло беседовали около часа и договорились о новой встрече, но уже в советской резиденции.

Вероятно, нью-йоркская полиция обиделась, что ее заранее не предупредили о поездке в Гарлем, и решила нас за это «проучить». Когда мы подъехали к гостинице «Тереза», вокруг стояла толпа до 5 тысяч человек и сторонников Кастро, и антикастровцев. Шум, крик были невообразимые. Кто кричит: «Виват, Кастро!», кто – «Смерть Кастро!». Копов, детективов там было вполне достаточно, однако вместо того, чтобы навести порядок и образовать коридор для прохода, вся эта полицейская братия сбилась в кучу перед подъездом и перекрыла проход. Более того, когда Никита Сергеевич при помощи нас, сотрудников советской охраны, с трудом прошел в лифт, то, кроме полиции и одного нашего сотрудника, войти туда не мог уже никто. Даже министр иностранных дел Кубы, встречавший Хрущева, остановился в недоумении. Тогда Никита Сергеевич, обращаясь ко мне, сказал: «Николай Степанович, я не к полиции приехал, я к Кастро приехал, выведите их и пустите министра». Пришлось буквально за рукава вытаскивать полицейских, чтобы впустить в лифт министра Кубы. Кроме того, нам с трудом, с применением физической силы, удалось высвободить и пропустить к Кастро зажатых полицией помощника Хрущева В. С. Лебедева, главных редакторов «Правды» и «Известий» П. А. Сатюкова и А. И. Аджубея. После этого я в резкой форме сделал замечание столпившимся в вестибюле командирам из полиции, что они или сознательно учиняют беспорядок, или не умеют работать.

Обращаясь к заместителю начальника полиции Хемфри, я попросил его распоряжения об организации прохода при отъезде советской делегации. Эта просьба была молча проигнори-

рована – сказывалась обида на те недипломатичные приемы, которые только что применялись к американским полицейским. Служители порядка сознательно умывали руки и тем самым еще более накаляли ситуацию.

Когда Никита Сергеевич спустился вниз, я ему доложил, что обстановка сложная, поэтому придется прорываться через толпу. Сотрудники охраны обступили Хрущева, я попросил Литовченко прикрыть сзади, и мы начали при помощи рук и локтей двигаться к машинам. Время шло на секунды. Возбужденная толпа грозила раздавить нас. Когда дверь автомобиля, в который сел Никита Сергеевич, была закрыта, я понял, что времени, для того, чтобы занять свое место, у меня не осталось. Вскочив на задний бампер автомобиля, я крикнул водителю: «Александр Иванович, гони, полный вперед!» Машина резко стартовала. Но удержаться на такой скорости было практически невозможно. Я из последних сил цеплялся за автомобиль, когда Хрущев оглянулся и, увидев меня на бампере, скомандовал: «Остановите машину, Захаров убьется!» Быстро вскочив в салон, мы продолжили движение в советскую резиденцию. Такова была поездка в Гарлем.

Вот что, например, на следующие сутки писала американская газета «Дейли Ньюс» 21 сентября: «Сдержанное напряжение в отношениях между нью-йоркскими молодцами и государственной охраной Хрущева прорвалось вчера в виде яростного рукоприкладства главного телохранителя Хрущева – не менее как генерала – в вестибюле отеля в Гарлеме, когда Хрущев нанес неожиданный визит кубинскому премьеру Фиделю Кастро. Здоровенный глава охраны Хрущева 6-ти футов и 3-х дюймов высоты и 220 фунтов весом... как цепями начал молотить кулаками, которые в основном опускались на полицейских». Другая желтая газетенка карикатурно изобразила меня, крупно преподнеся свирепый вид и кинжал в зубах.

Но у этой поездки неожиданно появилась и иная сторона. Так, несмотря на то, что в здание ООН пропускной режим был очень строгим, на следующий день, после поездки в Гарлем и публикаций в печати, полицейские на входе пропускали меня уже без предъявления пропуска, приветствуя под козырек.

12 октября состоялось самое бурное заседание Генеральной Ассамблеи ООН, когда обсуждался вопрос, внесенный советской делегацией, о ликвидации колониальной системы.

Первым выступил Н. С. Хрущев с разоблачением колониального режима. Он предложил, что ввиду важности этого вопроса обсудить его следует на пленарном заседании сессии, так как некоторые делегации, противники деколонизации, предлагали передать этот вопрос в комитет Ассамблеи, чем существенно понизить его значимость.

После выступления нескольких ораторов выступил филиппинец и в своей речи начал поливать Советский Союз грязью, говоря, что советское государство представляет из себя не иначе, как «концлагерь».

Слушая синхронный перевод, Хрущев взорвался, так как не мог выдержать этот пасквиль. После смерти Сталина, расстрела Берии, наступила, по емкому выражению Ильи Эренбурга «оттепель», и тысячи невиновных, живых и мертвых, были реабилитированы и выпущены из лагерей и тюрем. Заслуга Хрущева в этом была неоспорима.

Сидя сзади, я видел, как Хрущев, посоветовавшись с Громыко, решил попросить у председательствующего Болдуэна дать ему слово в порядке ведения, что было предусмотрено процедурой.

Никита Сергеевич поднял руку, но Болдуэн то ли впрямь не видел, то ли сделал вид, что не видит поднятой руки. Хрущев встал и снова поднял руку. Казалось, что председательствующий просто игнорирует его.

Филиппинец продолжал клеветать с трибуны. Тогда Хрущев снял с ноги легкий полуботинок и начал размеренно, словно маятник метронома, стучать по столу. Это и был тот миг, вошедший в мировую историю, как знаменитый хрущевский «башмак». Ничего подобного зал заседаний ООН еще не видел. Сенсация родилась прямо на глазах.

Только после этого Болдуэн предоставил слово главе советской делегации. Никита Сергеевич, подойдя к трибуне, перед носом филиппинца сделал взмах рукой – отойди.

Взбодораженный Хрущев начал свою речь неплохо. «Во-первых, сказал он, – я протестую против поведения председателя сессии, против его неравноправного отношения к выступающим ораторам. Председатель сессии злоупотребляет своим правом, защищая интересы империалистов. Почему он не остановил филиппинца, когда этот империалистический «холуй» поносил Советский Союз и страны социалистического лагеря?»

В этот момент синхронный перевод сбился, так как переводчики судорожно искали аналогии русскому слову «холуй». А Хрущев уже продолжал далее:

– Мы здесь собрались не для того, чтобы наводить ложь и клевету друг на друга, а по-дружески обсудить вопросы разоружения и ликвидации колониализма. Вот я сижу в зале и вижу испанцев. Как только какой-нибудь колонизатор поддерживает политику колониализма, они аплодируют. Почему? Потому, что это – колонизаторы, где палач испанского народа Франко является колонизатором и угнетает поработенный народ. Есть поговорка: «Ворон ворону глаз не выклюет», и колонизатор колонизатора поддерживает. Но нам надо взять заступ, вырыть глубокую могилу, поглубже закопать колониализм и забить осиновый кол, чтобы это зло никогда не возродилось.

И в подтверждение своих слов Хрущев со всей силы врезал кулаком по пюпитру. Говоря откровенно здесь, конечно, Хрущев отошел далеко от дипломатического языка. Да и при чем тут испанцы? Все просто. Однажды в разговоре с Долорес Ибаррури Хрущев пообещал ей, что при случае заклеят позором режим Франко в Испании. Вот он и выполнил свое обещание. Но после этой гневной тирады испанская делегация вдруг вскочила и, грозя кулаками в адрес оратора, оскорбившего Франко, стала угрожать обидчику.

Неожиданно меня пронзила мысль: «Испанцы народ горячий, вдруг они вооружены холодным оружием?» А Хрущеву еще предстояло пройти мимо их делегации, чтобы занять свое место. Я немедленно вскочил и чуть ли не бегом подошел сбоку к трибуне, сел и стал ждать, пока Никита Сергеевич закончит говорить.

Сойдя с трибуны, Хрущев пошел на свое место. Я прикрывал его от испанцев и, как мне кажется, не зря. Только мы приблизились к франкистам, горячие южане вновь вскочили, а глава испанской делегации Фабиан, не имея возможности дотянуться до Хрущева, набросился на меня. К счастью, без потерь мы заняли свои места.

Через несколько минут я увидел в нише начальника охраны ООН Бегли, делающего мне знак. Я подошел к нему. Рядом стоял богатырского телосложения негр. Показывая на негра, Бегли сказал, что это представитель охраны, он выставляется для охраны господина Хрущева. Зная экспансивный характер испанцев, от них можно ожидать любых поступков. Поэтому, пока господин Хрущев находится в здании ООН, охранник будет обеспечивать его безопасность. Я поблагодарил Бегли и пожал руку негру. Сам Бегли вошел в зал и сел на свободное место среди испанской делегации.

13 октября сессия единодушно приняла предложение советской делегации об обсуждении вопроса о ликвидации колониализма на пленарном заседании Ассамблеи.

За период пребывания советской делегации в Нью-Йорке, помимо указанных выше провокаций, в Манхэттене (в центре Нью-Йорка) было произведено три взрыва бомб с жертвами, и все сообщения об этих взрывах сопровождались угрозами в адрес советской или венгерской делегаций. В печати появлялись провокационные сообщения о покушениях на Хрущева, о раскрытии заговора против главы советской делегации.

Мы тоже приняли необходимые меры безопасности, связанные с обеспечением перелета советской делегации из Нью-Йорка в Москву.

Мы ожидали очередных провокаций при отлете и оказались совершенно правы. В день отъезда прямо на аэродроме начальник отдела службы безопасности госдепартамента США

Хипсли заявил, что в самолет, на котором летит Н. С. Хрущев, заложена бомба. Мы были твердо уверены, что это очередная провокация, организованная с целью нашей компрометации, чтобы изрядно попортить нам нервы. Полностью исключить возможность диверсии было нельзя, поэтому сообщение нас взволновало.

Хипсли сообщил, что ему об этом сказал полицейский, и он обязан нас информировать: «Я бы рекомендовал вам, мистер Захаров, вывести всех пассажиров из самолета и тщательно его проверить. В этом мы можем оказать вам помощь». Поблагодарив за совет, я поднялся в салон и объявил всем пассажирам о поступившем от американской стороны сигнале и необходимости проведения дополнительного досмотра. Отдельно было приказано проверить американских навигаторов, вылетающих вместе с нами.

Навигаторы быстро раскрыли свои чемоданчики, вывернули карманы и сказали, что в Америке всего можно ожидать, но у нас остались семьи и мы, как и все, не хотим стать жертвами этой провокации.

Хорошенько все взвесив, я пошел докладывать Хрущеву. Никита Сергеевич внимательно выслушал и спокойно сказал: «Летим». Выйдя из самолета, я сказал Хипсли, что мы летим. В ответ на это Хипсли ответил, что на вашем месте я бы так не рисковал. Думаю, каждый поймет мое состояние в этот момент. Я осознавал, какую ответственность брал на себя, принимая решение о полете.

Взлетели мы поздно вечером, и я всю ночь не спал. Меня мучили дурные предчувствия, поэтому сон не шел.

Неожиданно в пижаме появился Никита Сергеевич. Я встал.

– Не спишь? – спросил он. – Отдыхай, долетим!

Полет продолжался четырнадцать часов с небольшим без посадки на промежуточных аэродромах.

Когда наш ТУ-114 приземлился на Внуковском аэродроме, то я, хотя и не верю в бога, перекрестился.

Это была моя труднейшая командировка за границу. Надо отдать должное коллективу сотрудников Первого главного и 9-го управлений КГБ, которые в непростых условиях работали самоотверженно, с полным сознанием личной ответственности за порученное дело.

Как я узнал впоследствии, нас все-таки подстерегала еще одна смертельная опасность. После полета авиатехники рассказали мне, что, осмотрев самолет, они ужаснулись, как нам удалось долететь до Москвы. Ряд узлов был разболтан и представлял серьезную опасность безопасности полета. С такими дефектами самолета мы просто находились на краю катастрофы. К счастью, все обошлось.

Вот так мы покорили Америку!

Кеннеди

В 1961 году в Вене состоялась встреча на высшем уровне советской и американской делегаций. Делегации возглавляли: Н. С. Хрущев и Джон Ф. Кеннеди.

По указанию главы нашего правительства я выехал в Вену за неделю до прибытия нашей делегации. В мои обязанности входило: обговорить с австрийскими органами политической и криминальной полиции обеспечение порядка и безопасности нашей делегации в местах ее пребывания в Вене. Кроме того, необходимо было решить вместе с нашим послом ряд протокольных вопросов.

По прибытии в Вену я быстро вошел в контакт с руководителями политической и криминальной полиции. В течение двух встреч нами были обговорены и согласованы все основные пункты взаимодействия, такие как, встреча делегации, об эскорте мотоциклистов и порядке следования автомашин, поездки по городу, охрана и порядок около нашего посольства, пропускная система фото-кинокорреспондентов и журналистов.

Эта задача нами была решена легко еще и потому, что руководители австрийской полиции меня хорошо знали по предыдущему гостевому визиту в их страну нашей правительственной делегации во главе с Н. С. Хрущевым. Тогда в числе сопровождающих лиц были Н. А. Булганин, А. А. Громыко, Е. А. Фурцева и др.

После визита шеф полиции Вены, с согласия главы нашей делегации, был приглашен в Москву в качестве моего личного гостя. Приезжал он вместе с женой и дочерью, был принят мною и моей женой Марией Васильевной очень сердечно. Размещался в правительственном особняке. В программу входило посещение театров, осмотр достопримечательностей г. Москвы. Гости тогда были очень довольны, и благодарили за радушное гостеприимство. Мы с женой преподнесли им памятные подарки.

В Вену для подготовки встречи прибыл так же помощник президента США по печати Сэлинджер, с которым мы условились о встрече в здании МИДа Австрии. Министром иностранных дел тогда был Крайский, ставший впоследствии федеральным канцлером Австрии.

Совместно с нашим послом Авиловым мы нанесли Крайскому протокольный визит. Крайский принял нас весьма доброжелательно. «Для нас большая честь, что главы таких государств избрали местом встречи столицу нашей страны, и мы сделаем все возможное для создания хороших условий, способствующих положительным результатам этой исторической встречи».

Вскоре состоялась моя встреча с помощником президента США по печати Сэлинджером, где мы договорились о количестве с обеих сторон фото-кинокорреспондентов и журналистов, о месте и порядке проведения пресс-конференций. Сэлинджер имел значительные полномочия, но не меньше имел и я, поэтому мы сравнительно быстро и мирно договорились по всем интересующим нас вопросам.

Президент США Кеннеди прибыл в Вену за два дня до начала встречи. Наша делегация прибыла днем позднее.

В день прилета президента, во второй половине дня, в посольство СССР позвонили из американского посольства, просили передать мне, что начальник личной охраны президента, генерал Годффри Макхью, хотел бы встретиться со мной и приглашает меня приехать, если я сочту это возможным. Генерал Макхью, старший адъютант президента, и один из наиболее доверенных его людей. В ответ на приглашение я просил сообщить, что буду в их посольстве в 17.00, и прибыл туда в указанное время. Макхью весьма любезно встретил меня на улице перед главным входом в здание и пригласил в помещение.

Устроились мы, как я понял, в кабинете посла, кстати, весьма комфортабельно обставленном. С нами был их переводчик. Мы обменялись обычными любезностями, в которых аме-

риконец сказал, что он обо мне слышал от своих коллег из Белого дома, знающих меня по пребыванию нашей правительственной делегации в США и, поскольку у нас есть общие интересы, он рад, как он выразился, познакомиться со мной. Я поблагодарил генерала Макхью за положительный отзыв обо мне его коллег и сказал, что также рад познакомиться с американским коллегой и, может быть, поделиться опытом, хотя я еще в 1955 году в Женеве видел, как они охраняли своего президента и знал, что учиться у них в этом плане нечему. Я их критиковал за тот шум-бум, который они устраивали при проезде президента по улицам Женевы.

Не лишне здесь вспомнить: президент ездил в большом бронированном автомобиле. Впереди и позади следовали два открытых автомобиля, в которых по обе стороны стояли сотрудники охраны с автоматами наготове. Некоторые стояли даже на подножках автомашин. Впереди шел также солидный мотоциклетный эскорт. Автомашин часто давали гудки, беспрерывно ревели, надрывалась сирена. Шум стоял неимоверный! За два километра можно было узнать, что едет американский президент. Я в то время всю деятельность по обеспечению безопасности строил на внезапности проезда охраняемых, с соблюдением некоторых комбинаций: перестановка автомашин, их номеров, изменение маршрутов проезда – на сколько хватало фантазии.

Я спрашивал американцев, что они достигают, наводя такой шум при проездах президента. «Мы считаем, – отвечали они, – что этот шум наводит психологический страх на окружающих». «Это расчет на весьма наивную публику», – говорил им я. Так впоследствии оно и получилось.

Однако вернемся в Вену. Генерал Макхью сообщил мне, что он в курсе нашей договоренности с Сэлинджером, со всеми вопросами он согласен и хотел бы познакомить меня с помещениями, где будут проходить заседания глав делегаций в их посольстве (переговоры проходили поочередно в зданиях американского и советского посольств).

Вскоре официант принес кофе и коньяк. Наша беседа проходила оживленно. Макхью расспрашивал меня о жизни в СССР, я делился своими воспоминаниями о пребывании в США. Помню, день стал клониться к вечеру, мне пора было откланяться.

В это время из здания посольства вышли мужчина и женщина и направились к нам. Генерал сказал мне, что это президент с женой Жаклин. Мы встали. «Я сейчас вас познакомлю», – сказал Макхью. «Может быть, это неудобно?» – отозвался я. «Почему? Очень удобно, тем более, что президент знает о нашей встрече». Мы вышли из беседки и направились к президентской чете.

Когда мы подошли к ним вплотную, президент сказал, подавая руку: «Гут монинг». «Гут монинг, мистер президент», – ответил я, пожимая его руку. После этого леди Жаклин также поздоровалась и подала мне руку, которую я поцеловал.

Макхью меня представил как генерала и коллегу по работе.

– Обо всем ли вы договорились? – спросил Кеннеди. – Нет ли каких нерешенных проблем?

– Благодарю вас, мистер президент, – ответил я. – Мы с генералом Макхью нашли общий язык и решили все интересующие нас вопросы, также как и с вашим помощником по печати министром Сэлинджером.

– Очень хорошо! – сказал Кеннеди. – Желаю вам успеха. До свиданья.

Они прошли мимо нас, а я, поблагодарив генерала за гостеприимство, уехал к себе в посольство.

Это была моя первая встреча с президентом США Кеннеди. Ранее мне приходилось встречаться с президентом Эйзенхауэром. В 1955 году в Женеве по поручению маршала Г. К. Жукова и в США во время гостевого визита нашей правительственной делегации. Кроме того, мне случайно довелось видеть бывшего президента США Трумэна в Нью-Йорке. Я завтракал в отеле Валдорф-Астория, когда пришел и сел за соседний стол Трумэн. Одет он был в

светло-серый костюм с бабочкой вместо галстука. Вообще это был глубокий старик, с лицом землистого цвета и птичьим носом. Оказывается, об этом я узнал позже, этот сын бывшего фермера, став президентом США, позволял себе постоянно арендовать целый этаж фешенебельного, баснословно-дорогого отеля Валдорф-Астория.

Джон Кеннеди был только что избран президентом США. Высокий рост, спортивная фигура, моложавость, приятная наружность внушали к нему симпатию. Правда, моложавость, частая улыбка на лице, юношеская динамичность в движениях не создавали той солидности, которую, скажем, имел Эйзенхауэр. Но, в принципе, мне Кеннеди понравился. У Жаклин – приятное, не лишенное красоты лицо с очаровательной улыбкой. Она выше среднего роста, со стройной фигурой. Одета в темно-серый костюм, плотно ее облегающий.

После приезда нашей делегации на другой день начались переговоры вначале в американском посольстве. С нашей стороны в переговорах участвовали, кроме Н. С. Хрущева, А. А. Громыко и др. С американской стороны – президент Кеннеди и госсекретарь Раск. Кеннеди встретил нашу делегацию на улице у главного входа в посольство. Далее встречи происходили поочередно, так что мне неоднократно приходилось встречать президента. Завидев меня, он всегда пожимал руку, как старому знакомому, а впоследствии подарил мне медаль со своим изображением, которую я храню в память о встречах.

В ходе переговоров были даны приемы в американском и советском посольствах, по окончании их прием дал канцлер Австрии в бывшем императорском дворце Хофбург. На этих приемах во всем блеске показала себя Жаклин Кеннеди.

Когда прием проходил в нашем посольстве, мне пришлось принимать серьезные меры по обеспечению охраны и порядка на улице около нашего посольства, так как невероятно большое количество кино-фотокорреспондентов и зрителей буквально загромодили улицу и окружили здание посольства со всех сторон так, что трудно было гостям подъезжать к подъезду. Н. С. Хрущев, выйдя на балкон и увидев огромную разношерстную толпу, загромодившую улицу, подозвал меня и сказал: «Товарищ Захаров, принимайте меры, а то президент не сможет подъехать и войти в посольство». Я ответил, что с помощью полиции порядок будет установлен. Действительно, по моей просьбе решительными действиями полиции проезд был расчищен и соответствующий порядок наведен.

Президент Кеннеди прибыл в сопровождении мотоциклетного эскорта. Навстречу вышли Громыко, заведующий протокольным отделом Молочков и наш посол Авилов. Когда автомашина президента остановилась, я открыл заднюю дверь, и из нее вышел Кеннеди. Затем я подал руку миссис Жаклин, которая, выйдя из автомашины, взяла меня под руку. Окинув взглядом собравшийся на улице народ, президент сказал: «Ого, сколько здесь собралось людей, как на митинг!»

Поскольку Жаклин не отпускала моей руки, я так под руку с первой леди США и дошел до верхней ступени лестницы, где гостей встречали Н. С. Хрущев и его жена Нина Петровна.

На этих приемах присутствовало, как правило, большое количество гостей из числа членов правительства Австрии и дипломатический корпус, среди которых было много, как всегда, богато одетых, декольтированных дам. Однако объективности ради надо отдать предпочтение жене президента, которая была прямой на этих приемах.

Особенно мне запомнился прием, который давал в честь высоких гостей канцлер Австрии во дворце Хофбург. Это огромное красивое здание с не менее прекрасным парком. Наша делегация прибыла раньше американской. Н. С. Хрущев был с женой Ниной Петровной, которая была одета в платье темно-серого цвета, невыгодно смотрящееся на фоне разнаряженных, расфуфыренных, излишне декольтированных западноевропейских дам.

Через несколько минут после нашего приезда в зале появился Кеннеди с женой Жаклин, которая была так одета, что при виде ее окружающие зааплодировали. Да простят читатели, мне, генералу КГБ, наверно, не пристало описывать дамские туалеты. Но как мужчина, я не

могу удержаться от того, чтобы не передать вам этого восторга. На ней было длинное платье, плотно облегавшее ее стройную фигуру, цвета серебристой рыбьей чешуи, сверкавшее от множества люстр, волнообразно изгибавшееся и искрившееся при малейшем движении его обладательницы. Я смотрел на Жаклин заворуженно.

Но как может быть глубоко обманчива внешняя красота, особенно красота женщины, сколько в ней коварства и измены. Мог ли кто-нибудь поверить, что эта первая леди США, давшая клятву над гробом трагически погибшего мужа быть верной ему до конца своей жизни и в знак верности положившая в гроб свое обручальное кольцо, через некоторое время, позабывшись на миллионы долларов, выйдет замуж за миллиардера Онассиса. Этот брак, безусловно, не имел никакой взаимной симпатии. Это была коммерческая сделка, от которой мисс Жаклин выиграла немного. Она вынуждена была вернуться в США...

Прием во дворце Хофбург был прощальным. Он проходил в дружественной обстановке. Этому способствовали положительные результаты переговоров на высшем уровне между советской и американской сторонами. Во время приема мы с генералом Макхью по-дружески беседовали и распрощались, как старые знакомые. В голову не приходила тогда мысль, что его шефа ждет такая трагическая судьба. В ноябре 1963 года Джон Ф. Кеннеди был убит в американском городе Далласе.

Вторые похороны Сталина

Двадцать второй съезд КПСС проходил в Кремле с 17 по 31 октября 1961 года в только что отстроенном Дворце Съездов. Я был избран делегатом от Московской партийной организации и имел право решающего голоса. Казалось, страна оправилась от шока, вызванного разоблачениями преступлений сталинизма. В целом, критике культа личности внимание уделялось, но активность ораторов была уже не такой яркой, как несколько лет назад. Да и на ряде следственных материалов, касающихся расследования преступлений тех лет, вновь появился гриф «секретно». Даже в высоких общественных кругах боязнь неожиданно оказаться за решеткой притупилась, но не исчезла. Стране необходимо было преодолеть страх возвращения к прошлому.

Вопрос о перезахоронении Сталина поднимался неоднократно. Видимо, поэтому на съезде и готовилось решение о выносе саркофага Сталина из Мавзолея и перезахоронении его тела у Кремлевской стены. Как полное и окончательное прощание с «отцом народов» и его эпохой.

Мы с комендантом Кремля генерал-лейтенантом Андреем Яковлевичем Ведениным о готовящемся решении узнали раньше принятого на съезде постановления. В начале работы последнего дня партийного форума нас пригласил в комнату президиума Н. С. Хрущев и сказал: «Прошу иметь в виду, что сегодня, вероятно, состоится решение съезда партии о перезахоронении Сталина».

«Место обозначено. Комендант Мавзолея знает, где рыть могилу, – добавил Никита Сергеевич. – Решением Политбюро ЦК КПСС создана комиссия из пяти человек во главе со Шверником: Мджаванадзе – секретарь ЦК компартии Грузии; Джавахишвили – председатель Совета Министров Грузии; Шелепин – министр; Демичев – секретарь Московского обкома партии и Дыгай – председатель Моссовета. Дальнейшие инструкции вы получите от товарища Шверника. Обратитесь к нему. Необходимо, чтобы перезахоронение прошло без шума, работу надо закончить сегодня вечером».

Далее нас собрал Шверник и подсказал, как тайно организовать перезахоронение. Поскольку 7 ноября предстоял парад на Красной площади, то под предлогом репетиции парада ее следовало оцепить, чтобы туда никто не проник.

После совещания со Шверником необходимо было отдать поручения по выполнению секретного распоряжения. Общий контроль за ходом работ был поручен моему заместителю – генералу Чекалову. Командиру Отдельного полка специального назначения Комендатуры Московского Кремля Коневу было приказано в столярной мастерской сделать из хорошей сухой древесины гроб по размерам, которые имеются у коменданта Мавзолея Машкова.

Гроб сделали в тот же день. Древесину обтянули черным и красным крепом, так что выглядел он очень неплохо и даже богато. От Комендатуры Кремля к 18 часам было выделено шесть солдат для рытья могилы и восемь офицеров для того, чтобы выносить саркофаг из Мавзолея в лабораторию, а уж потом гроб с телом установить в могилу. Ввиду особой деликатности поручения я попросил генерала А. Я. Веденина подобрать людей надежных, проверенных и ранее хорошо себя зарекомендовавших. Веденин, в прошлом командир стрелковой дивизии, был старый служака и прекрасно знал, как ему подобрать людей. Всех отобранных тщательно проинструктировали и предупредили о неразглашении поручаемой им работы. Нашлось дело и для начальника хозяйственного отдела 9-го управления полковника Тарасова. Для маскировки ему было поручено закрыть фанерой правую и левую стороны за Мавзолеем, чтобы место работы не просматривалось со стороны.

В то же время в мастерской Арсенала художник Савинов изготовил широкую белую ленту с буквами «ЛЕНИН». Ею надо было закрыть на Мавзолее надпись «Ленин-Сталин», пока не сделали постоянную надпись из мрамора.

Председателю Моссовета Дыгаю было поручено подготовить десять бетонных плит. Одиннадцатая плита была мраморная с лаконичной надписью «СТАЛИН ИОСИФ ВИССАРИОНОВИЧ 1879–1953», ею должны были закрыть могилу.

В 18.00 проходы на Красную площадь были закрыты, после чего солдаты принялись рыть могилу...

Я присутствовал в зале съезда, когда в конце рабочего заседания на трибуну поднялся 1-й секретарь Ленинградского обкома партии Спиридонов и после краткого выступления внес предложение о выносе тела Сталина из Мавзолея. Председательствовал Н. С. Хрущев: «Вопрос серьезный, его надо проголосовать. Нет возражений?» «Нет», – раздаются голоса. «Тогда я ставлю на голосование. Кто за предложение, внесенное товарищем Спиридоновым, прошу поднять руки. Хорошо, – произнес Хрущев. – Кто против? Нет! Кто воздержался? Тоже нет. Предложение принято единогласно». В зале съезда установилась тишина, как будто делегаты ждали еще чего-то. Хрущев оборвал затянувшуюся паузу и, сказав несколько слов о перезахоронении, объявил работу съезда законченной.

Но единодушие делегатов было кажущимся. Сразу после голосования член комиссии Мджаванадзе сел в самолет и поспешно улетел в Грузию. Поэтому участия в перезахоронении он не принимал.

А на Красной площади активно шли приготовления. Подвезли бетонные плиты, которыми обложили яму, а затем обшили ее изнутри фанерой. Работа была выполнена очень аккуратно.

Шверник меня предупредил, что комиссия приедет к 21.00. Шелепин и Демичев приезжали заранее и интересовались ходом работ. Чувствовалось нетерпение и желание поскорее закончить эту неприятную процедуру.

Когда все члены комиссии, кроме Мджаванадзе, в 21 час прибыли в Мавзолей, Сталин в форме генералиссимуса еще лежал на постаменте в саркофаге. Восемь офицеров взяли саркофаг и понесли его вниз, в подвал под Мавзолеем, где размещается лаборатория. Кроме членов комиссии здесь же находились научные сотрудники, которые до этого наблюдали за состоянием бальзамирования Сталина. Но в этой ситуации их знания и опыт были уже бесполезны. С саркофага сняли стекло и офицеры аккуратно переложили тело Сталина в гроб.

Помню заметил, что даже на бальзамированном лице Сталина все равно прорисовывались оспинки...

Никто не приказывал Сталина раздевать. Не только мундир генералиссимуса, но и вообще никакой одежды на нем не трогали. Единственное, Шверник приказал снять с мундира Золотую Звезду Героя Социалистического Труда (другую свою награду – Звезду Героя Советского Союза Сталин никогда не носил, поэтому в саркофаге ее не было). Еще председатель комиссии распорядился заменить золотые пуговицы мундира на латунные. Все это выполнял комендант Мавзолея Машков. Снятую награду и пуговицы он передал в специальную Охранную комнату, где хранились награды всех захороненных у Кремлевской стены.

Но вот драматическая ситуация начала приближаться к развязке. Когда гроб с телом Сталина накрывали крышкой, Шверник и Джавахишвили зарыдали. Потом гроб подняли, и все двинулись к выходу. Расчувствовавшегося Шверника поддерживал телохранитель, за ним шел Джавахишвили. Плакали только двое.

В обитую фанерой могилу офицеры осторожно опустили гроб. Кто-то бросил пядь земли, как полагается, по-христиански. Могилу зарыли. Сверху положили ту самую плиту из белого мрамора. Потом она еще долго накрывала могилу, пока не поставили бюст.

Захоронив Сталина, мы со всей комиссией вернулись в Кремль, где Шверник дал подписать акт о перезахоронении Сталина. Потом я вместе с офицерами и научными работниками лаборатории вернулся в мавзолей. Нужно было еще поставить саркофаг Ленина на центральное место, туда, где он стоял до траурных событий марта 1953 года, когда по соседству был установлен саркофаг Сталина.

Тем временем у Кремлевской стены демонтировали маскировочный экран из фанеры, ограждавший мавзолей по сторонам, произвели уборку. К утру было такое ощущение, что ночью ничего не произошло, а Сталин всегда покоился у Кремлевской стены.

Для делегатов съезда в тот вечер давали оперу.

В 1817 году Император Александр I решил убрать в Кремле храм потому, что находился он прямо на Ивановской площади и мешал проведению военного парада в честь пребывания в Москве прусского короля Фридриха Вильгельма III. После обращения к преосвященному Августину митрополиту московскому и неоднократных отказов в просьбе, все же было дано распоряжение: приступить к ломке собора по наступлению ночи, а к утру не только сломать, но и очистить и выровнять место. Как полагал митрополит: «Я знаю Москву: начни ломать обыкновенным образом, толков не оберешься. Надо удивить неожиданностью, и все замолчат». Голстунский собор, действительно, исчез в одну ночь. Много лет спустя в одну ночь был захоронен символ эпохи, тело Сталина было предано земле. Как знать, понадобится ли этот опыт в третий раз?!..

Хрущевская охота

Километрах в 120-ти от Москвы, в Тверской области, расположен прекрасный заповедник Завидово, принадлежавший охотничьему хозяйству Министерства обороны.

Здесь же водились кабаны, косули, лисы и зайцы. Учитывая большой интерес к этому хозяйству, Министерство обороны построило там хороший жилой корпус, где охотники могли отдохнуть, переночевать и развлечься. Правда, за последние годы это место значительно реконструировали. В нем теперь гостиница на 43 двухместных номера с бассейном и рестораном, спорткомплекс, сауны, коттеджи, центр конного спорта, автозаправочная станция, пруды по разведению рыбы, вертолетная площадка.

Эта реконструкция проведена МИД России, куда стали ездить представители дипломатического корпуса. Ранее в Завидово имели доступ только руководители ЦК КПСС, правительства и руководство Министерства обороны.

Будучи начальником 9-го управления, я по долгу службы принимал участие в охотничьих поездках. Зверя в этом заповеднике было много и охота, как правило, всегда была удачной.

Первый рейс на вертолете в Завидово и обратно с фиксацией времени сделал я. Возвращаясь из Завидова, я приземлился прямо в Кремле на Ивановской площади. Встречал меня мой заместитель, комендант Кремля Андрей Яковлевич Веденин, и как раз в это время проходил по площади Н. С. Хрущев с помощником Шуйским. Никита Сергеевич быстро подошел и сказал: «Вы что, решили вертолетным спортом заниматься?» Тогда я сказал, что это был пробный полет с фиксацией времени от Завидова до Кремля. «Это необходимо, Никита Сергеевич на всякий случай». «Хорошо, – сказал Н. С. Хрущев, – может быть, мы как-нибудь попробуем». Я был рад, получив такое одобрение.

Зная заранее о поездке в Завидово, туда в срочном порядке завозились необходимые продукты, вина, направлялись повар и официант.

В один из зимних дней в 1959 году ряд членов Политбюро ЦК Хрущев, Подгорный, Кириленко, Полянский, Громыко выехал в Завидово.

Зная о предполагаемой поездке от Литовченко, я выехал туда заранее, чтобы подготовиться к встрече гостей. Одновременно дал указание о завозе продуктов.

К приезду гостей были подготовлены егерь и загонщики.

По приезду охотников, егерь проинструктировал их о порядке охоты, указал просеку, на которой будем стоять, и расстояние друг от друга.

Я и Литовченко на охоте всегда становились один справа, другой слева, чтобы обезопасить первое лицо от какой-либо неприятности, когда охотник может стрельнуть в запретную сторону.

На этот раз получилось так, что Кириленко встал на номер слева от Н. С. Хрущева. Литовченко потом объяснил мне это так, что Хрущев его не отпустил, а приказал держать наготове второе ружье. Справа стоял я.

Стоим на своих номерах, ждем. Уже слышны голоса загонщиков. Тишина. Вдруг слышу: два выстрела, один за другим, почти синхронно. «Отбой! – кричит егерь. – Кабан убит».

Все быстро собрались около огромного убитого кабана. «Смотрите, как хорошо я его приложил, сразу ткнулся рылом в снег», – сказал Кириленко. «Да чего ты мелешь? Это я первый его завалил, ты же стрелял после меня», – возразил Хрущев.

– Ну, уж нет, это мой трофей, моя добыча, и я раньше тебя его завалил, – настаивал Кириленко.

– Да как же ты мог раньше меня стрелять, когда кабан шел от меня в твою сторону? Да вот Литовченко подтвердит. После моего выстрела он мне сразу крикнул: Никита Сергеевич, кабан готов.

– Не знаю, куда глядел твой Литовченко, но кабана убил я, – со злостью сказал Кириленко.

– А ну тебя к чертям, что с тобой спорить? Пусть вот егеря разберутся, откуда и в каком направлении попали оба жакана, и нам доложат. Пошли отдыхать, после удачной охоты неплохо и поесть.

Мы с Литовченко обменялись мнением, он уверял меня, что кабан упал после выстрела Хрущева, и что Кириленко стрелял вторым.

Вообще я знал, что Хрущев очень метко стреляет. Говорю это потому, что неоднократно был этому свидетелем. Кроме того, у нас на гостевой даче в Огареве был специальный тир для стрельбы по «тарелочкам», где Хрущев всегда занимал первое место.

Пришли охотники на базу, привели себя в порядок и сели за стол.

В ходе обеда и опрокинутых в рот рюмок вновь зашел разговор о том, кто же все-таки убил кабана. Кириленко рьяно стоял на своем. В это время пришел егерь с помощником и доложил, что в кабана, действительно, два жакана. Первый жакан попал в ухо и вылетел в глаз, от чего кабан упал замертво. Этот выстрел принадлежит Н. С. Хрущеву, т. е. охотнику, стоящему справа. Второй жакан прошел между передних лопаток, не задев сердца и подраненный кабан мог еще бежать.

– Пошли вы к черту со своими выводами, подхалимы проклятые! – закричал Кириленко.

– Прекрати орать! – крикнул тогда Хрущев – Спасибо, ребята, что грамотно разобрались. Подойдите, выпейте по рюмке коньяку и я с вами. А с вами, товарищ Кириленко, я бы в разведку не пошел.

Хрущев встал, оделся, сел в автомашину и, ни с кем не попрощавшись, уехал в Москву.

Мы знали, что Кириленко по характеру грубиян и невежда с весьма низкой культурой. Что нашел в нем в свое время Хрущев – непонятно.

Но вскоре после этой злополучной охоты Кириленко в ЦК КПСС не стало. На его место пришел культурный, интеллигентный человек Фрол Романович Козлов, к сожалению, вскоре умерший от инсульта.

Остров Даманский

2 марта 1969 года мне по указанию генсека Брежнева пришлось вылететь вместе с начальником штаба погранвойск СССР Матросовым для руководства и ликвидации конфликта, возникшего на советско-китайской границе. На реактивном самолете мы быстро были уже в Хабаровске, где встретились с командующим военным округом генералом Лосиком и тут же вылетели вертолетом в Иманский отряд для выяснения обстановки.

Начальник погранотряда полковник Леонов доложил обстановку о провокационном вторжении китайцев на нашу территорию. Подобные попытки нарушения границы в этом месте имели место и раньше, но силами небольшой группы наших пограничников всегда удавалось китайцев удалить. В данном случае на протест начальника заставы Стрельникова, который прибыл на автомашине в составе семи человек, китайцы упорно стояли на своем, утверждая, что это их территория. И когда Стрельников сказал, что он примет другие меры, китайцы, которых было более 30 человек, в упор расстреляли всех семь человек. Этот расстрел был зафотографирован замешкавшимся нашим фотографом.

Но и его тоже расстреляли, а фотоаппарат оставили, пленка в нем сохранилась. На ней была видна зверская расправа с нашими пограничниками. Начальник соседней заставы Бубенин быстро понял, в чем дело, поднял по тревоге весь личный состав, сел в БТР и выехал к месту происшествия. Пользуясь твердым льдом, направил БТР на протоку по сосредоточенным там китайцам и нанес им сильное поражение, что они скрывали.

Я был в отряде и просил вместе с Лосиком применить новое тогда оружие «град», так как китайцы скрывались за сопкой в пещерах, находящихся против острова Даманского и, кроме того, нами было замечено, что они ночью подвозят орудия. Наши пограничники стояли насмерть. В это время начальник погранотряда полковник Леонов решил повторить операцию Бубенина, но БТР был подбит. Леонов, пытаясь вылезти через задний люк, был убит.

Нас с Матросовым переодели в полушубки, и мы с ним ползали по-пластунски среди кустарников острова, высматривая укрепления китайской стороны. Нашли одного мертвого китайца, остальных они уносили на свою сторону. После того, как мы дали два залпа «града», китайцы прекратили бой.

По некоторым данным потери китайцев составили 500 человек.

С нашей стороны погибло 29 человек.

Необходимо отметить мужественное поведение жены начальника заставы Стрельникова. Несмотря на гибель любимого мужа, эта женщина, мать двоих малолетних детей, выполняла роль медицинской сестры, оказывая здесь же, на заставе, помощь раненым.

Я написал о ней специальную записку в ЦК о награждении ее орденом «Красной Звезды», а председателю Бикинского горсовета о предоставлении ей квартиры. Все это было исполнено, а за наградами она приехала в Москву с двумя малышами. Было собрание пограничников с моим участием, где мы их тепло приняли и одарили подарками.

Остров Даманский представляет собой заросший кустарником островок на реке Уссури площадью 5,6 кв. км. В свое время царские генералы, когда Китай был слаб, провели границу, закрепленную обеими сторонами на картах, не по фарватеру реки Уссури, а по протоке, прилегающей к берегу Китая. Эти карты были подписаны в нарушение международных правил. Китайцы никогда не признавали линию на картах прошлых лет, а договоры считали неравноправными, навязанными нам силой. После многолетних переговоров удалось установить линию границы, устраивающую обе стороны.

Кстати, печально знаменитый Даманский после обмеления Уссури соединился с китайским берегом. География решила эту политическую проблему.

Жаль мужественных молодых ребят, стойко защищавших никому не нужный болотистый Даманский. По существу не принадлежавший нам. Застава носит имя Стрельникова, а по инициативе комсомольцев Приморского края на заставе поставлен памятник в честь погибших.

Стрельникову присвоено звание Героя Советского Союза. Это звание присвоено также отличившемуся в бою пограничнику Бабанскому, окончившему впоследствии военно-политическую академию и дослужившемуся до звания генерал-лейтенанта.

Прощай, КГБ!

В декабре 1961 года я был назначен заместителем председателя КГБ СССР, а через год первым зампредом КГБ СССР. Нагрузка по работе была очень большая. В это время состояние здоровья у меня было хорошее. Работал, что называется, день и ночь, на износ. В квартире три несмолкаемых телефона, в автомашине телефон, от которых не было ни сна, ни покоя. Жена мне говорила, что у нас не квартира, а штаб-квартира.

Председателем КГБ был в это время В. Е. Семичастный. Мне с ним работалось легко. Он полностью доверял решать мне самые сложные вопросы.

Прошло немного времени, и мне пришлось быть участником Новочеркасских событий. Взбунтовался коллектив паровозостроительного завода. Это было «ЧП», которого ранее не было и в помине. Меня вызвал Семичастный и сказал, что придется поехать мне, так как туда выезжают члены Политбюро ЦК, мне придется по старой привычке обеспечивать их охрану. Не буду описывать это событие, так как оно подробно описано нашими журналистами и в официальных документах. Были жертвы, но смехотворно, что до сих пор не могут найти и назвать, кто дал приказ стрелять по безоружной толпе, стоящей на площади против горкома партии с портретом В. И. Ленина и требовавшей руководителей выйти к ним на балкон. Кстати, я в это время находился на нем, из толпы полетели кирпичи и камни. Руководители города (когда я зашел в их кабинет, а там никого) бежали, вместо того, чтобы идти к народу. Я, не находя никого из руководства, вынужден был с третьего этажа тыльной стороны здания спуститься на землю по водосточной трубе.

Причины бунта исследованы, но главные виновники этой трагедии, по-моему, остались не наказанными. Я считаю, что основными виновниками являлись: директор завода, по-хамски отнесшийся к рабочей делегации, и руководители горкома партии и горсовета, которые вместо того, чтобы немедленно ехать на завод, поговорить с рабочими и разобраться по существу, трусливо сбежали из своих кабинетов. А вот кто дал команду стрелять – неясно. Может быть, следствие и установило. Помню, как присутствовавший там командующий СКВО генерал Плиев в разговоре с секретарем ЦК КПСС Козловым заявил: «Армия в народ стрелять не будет». Было решено, что Микоян, как Председатель Президиума Верховного Совета выступит по местному радиоузлу с обращением к народу. Мы приехали в ветхий деревянный двухэтажный дом, где была расположена радиостанция. Микоян успел сказать небольшую речь, вокруг радиоузла стал собираться народ и окружать радиоузел. Я подошел к Микояну и говорю ему: «Нас окружают, еще десять минут и мы не сумеем выехать отсюда». Анастас Иванович понял, тут же прервал речь, и мы еле-еле выбрались на улицу. При том было уже темно. На это событие съехались Ф. Р. Козлов, А. П. Кириленко, А. Н. Шелепин.

Не помню, какое решение было принято в Политбюро ЦК КПСС. Через много лет, в конце 1994 года ко мне приезжал военный прокурор и сказал, что они дело закрывают. Столько лет надо было вести следствие (более 30 лет), позор!..

Вскоре Семичастного освободили от его должности, почему – никто не знал, да и сейчас не знает. Я был ошеломлен и опечален. На смену, пришел Ю. В. Андропов, которого я знал по контактам с его отделом в ЦК. С Андроповым у меня были хорошие отношения до прихода к нам Цвигуна. Близость Цвигуна к Брежневу по работе в Кишиневе, и интимная близость жены Цвигуна к Брежневу сделали свое негативное дело. Плюс поставка крупной белуги из Каспия и ящики вина дополнили то, что Цвигун проявил преданность и попал в центральный аппарат. В свое время мы с Семичастным определили его на работу во второй главк, но через день вызывает меня Владимир Ефимович и говорит, что приказано Цвигуна назначить зампредом КГБ. «Кто приказал?» – спросил я. «Зачем спрашивать, когда ты и без этого отлично знаешь, кто». Мне было ясно...

После годичной работы Цвигуна меня как-то приглашает к себе Андропов.

– Николай Степанович, – обращается он ко мне, – у тебя большая нагрузка. Есть предложение ввести еще одного первого заместителя и немного тебя разгрузить. Как ты на это смотришь?

Я понял, что вопрос уже решен свыше, и сказал, что работы у меня, действительно, много, но я, кажется, на это не обижаюсь.

– Решайте, Юрий Владимирович, сами, как лучше сделать структуру. С моей стороны возражений не будет.

– Ну, вот и хорошо, – сказал Андропов, – будем считать вопрос согласованным.

Вскоре последовал приказ о введении новой должности первого зама. Некоторые управления отошли к Цвигуну, хотя у меня оставалось еще значительное количество управлений и отделов, да и выделившиеся по старой привычке ходили ко мне для решения принципиальных вопросов.

Отношения с Цвигуном у меня не сложились с самого начала. Он хотел быть первым из первых. И злился, когда в отсутствие Андропова заседания коллегии поручали вести мне. Бывший начальник секретариата предупреждал меня, чтобы я не конфликтовал с Цвигуном. Крючков был доверенным лицом Андропова, и все тонкости назначения к нам Цвигуна он понимал. Я сказал, что голову склонять перед ним не намерен. Я знал, что Цвигун не пользуется авторитетом среди сотрудников и боится черной завистью ко мне. Пользуясь расположением Брежнева, бывая у него в доме, Цвигун злоупотреблял этим доверием.

Все зампреды ездили на «ЗИМах». Цвигун, как только стал первым замом, пересел на «Чайку». Я по-прежнему ездил на «ЗИМе», хотя мне как-то Андропов предложил взять «Чайку». Цвигун вообще был нечистоплотен в поведении и в быту. Он по-прежнему ел белугу из Каспия и пил непомерно азербайджанский коньяк.

За год до 50-летия органов КГБ я создал в комитете группу по связям с писателями и журналистами с целью освещения в литературе и прессе роли органов КГБ в обществе и государстве. Возглавил группу генерал Белоконев, который привлек к этому делу многих писателей. Мы собрали в клубе Дзержинского писателей, и я выступил перед ними с просьбой выпустить ряд книг к 50-летию органов КГБ. Собравшиеся горячо откликнулись на мою просьбу и впоследствии вышли в свет хорошие произведения. Такие, например, как «Щит и меч», «Возмездие», «Операция «Трест» и ряд других, посвященных работе чекистов. Хорошо налаженная связь с писателями явилась добрым делом.

Когда я уже ушел из КГБ, а Белоконев умер, группу возглавил ставленник Цвигуна Кравченко. Группа продолжала работать, но уже в отрыве от писателей, самостоятельно. Группа написала книжку под названием «Мы еще вернемся», автором поставили Цвигуна.

В то время меня неоднократно приглашали выступить с докладом перед секретарями обкомов, крайкомов партии и секретарями ЦК республик в Высшей партийной школе ЦК КПСС, на Миусской площади, где я и сам когда-то учился: «Правда» публиковала поименно по окончании курсов, кто выступал на них с докладами, в том числе и меня.

Цвигун, видимо, прочитав мою фамилию, загорелся завистью и звонит мне:

– Николай Степанович, почему это ЦК приглашает только тебя читать лекции в высшей партийной школе, а других нет?

– Я не навязываюсь, а приглашают – готовлюсь и выступаю.

– Так ты бы хоть дал почитать твой доклад, тогда может быть выступил бы и я.

– Пожалуйста, – ответил я, – пришли секретаря, я дам тебе почитать, только верни.

Через два дня я, будучи в техническом управлении с начальником главка Гоцеридзе, вижу, что мой доклад печатается на ксероксе в нескольких экземплярах.

– Кто разрешил? – спрашиваю я Гоцеридзе.

– Указание дал Цвигун, – отвечает он.

Придя в кабинет, я позвонил Цвигуну и указал на непорядочность. Но этим дело не кончилось. Цвигун отдал один экземпляр Кравченко, и они на основе моего доклада создали книгу под названием «Тайная война в России». Меня уже не было в КГБ.

Мне позвонил мой помощник Тихвинский и спрашивает, читал ли я эту книгу. Я отвечаю, что не читал.

– Так там же весь ваш доклад с добавкой клише от пограничников и новые цитаты Брежнева. В остальном весь ваш доклад. Автор Цвигун. Ну, чистый плагиат.

10 апреля 1969 года мне исполнилось 60 лет. В клубе им. Дзержинского был устроен большой банкет, на котором присутствовал весь основной руководящий состав КГБ. Была и моя жена с обоими сыновьями. Банкет прошел очень хорошо. Было произнесено много лестных тостов, от которых я был сильно взволнован. Ю. В. Андропов издал приказ, где мне объявлялась благодарность за честную многолетнюю службу в органах КГБ и награждение ценным подарком. Я получил ружье марки «ИЖ» ручной работы, из которого еще ни разу не стрелял. Были и другие адреса и подарки.

К этому времени здоровье ухудшилось, и примерно через год после юбилея я пытался подать в отставку и уйти на пенсию. У меня появились сердечные приступы. Плюс к этому произошел один факт, подтвердивший расхождение наших взглядов и отношений с Андроповым. Суть писать не буду. Я понял, что мне надо уходить, и намекнул об этом Андропову, который мне сказал: «Подумай и смотри сам». Но я видел, что он обрадовался.

В апреле 1970 года Андропов вызывает меня и говорит:

– Поедем в ЦК к Устинову. Он хочет предложить тебе свой вариант – чтобы ты продолжал работать.

Приехали в ЦК к Устинову.

– Ты хочешь уходить на пенсию? – говорит мне Устинов. – У нас есть другое предложение. Сейчас оборонное министерство разделилось надвое. Второе будет называться Министерством машиностроения, в нем сосредоточим тяжелую боевую индустрию и химию. Министерство новое, оборонное, там нужны хорошие проверенные кадры, а тебя мы хорошо знаем, там будет полегче. Мы тебя рекомендуем заместителем министра.

– Дмитрий Федорович, отпустите меня на пенсию.

– Подожди, во-первых, Брежнев, узнав о твоём намерении ухода на пенсию, просил передать, чтобы ты работал. Во-вторых, познакомься с новым министром. Он у нас в приемной.

Вошел В. В. Бахирев, высокого роста, приятный мощный мужчина. Все стали меня уговаривать, правда, Андропов молчал. Продавал меня, как на рынке.

– Николай Степанович, – обратился ко мне Бахирев, – прошу вас, соглашайтесь. Я много слышал о вас и чувствую, что мы будем дружно работать. К тому же я знаю и вижу, что вы – депутат Верховного Совета СССР. Это авторитетно и приятно.

– Вячеслав Васильевич, так ведь я не инженер.

– Ничего, у нас кроме инженерной работы дел хватит, министерство-то секретное.

– Хорошо, – сказал я, – уговорили, только дайте мне две недели неиспользованного отпуска, и я приступлю к работе, а пока пусть оформляют.

Так с апреля месяца 1970 года я стал заместителем министра оборонного машиностроения.

На прощанье я зашел к Андропову. Пожелав ему здоровья и успехов в работе, сказал, чтобы его заместители честно помогали ему без всякой конъюнктуры. Последняя фраза взбесила Андропова и, к моему великому изумлению, он вскочил с кресла и изрек:

– А ты знаешь, что без конъюнктуры нельзя?

Я был ошеломлен такой реакцией будущего генсека и сказал:

– Ну, вам виднее, – протянул руку, пожал и вышел.

С этого часа Андропова я больше в жизни не видел.

Так закончилась моя работа в органах КГБ, где я проработал более 30 лет.